

ГРАНИ

GRANI

168

1993

Verlagsort Frankfurt/M April-June

"ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; почти полвека журнал способствовал публикации произведений, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Д. Андреева Л. Бородина,
М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова,
В. Войновича, А. Галича, З. Гиппиус,
В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого,
Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина,
В. Корнилова, А. Куприна, С. Левицкого,
Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама,
В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы,
Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова,
Г. Подъяпольского, Р. Редлиха, А. Ремизова,
Ф. Светова, А. Солженицына, В. Солоухина,
В. Тарсиса, М. Цветаевой, И. Шмелева,
В. Шульгина и многих других отечественных и
эмигрантских авторов.

И в новых условиях уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь способствуя публикации произведений, помогающих освобождению от остатков тоталитаризма в душах людей и восстановлению прерванных им традиций российской культуры.

**Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов**

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947 - 1952 Е. Р. Романов

1952 - 1955 Л. Д. Ржевский

1955 - 1961 Е. Р. Романов

1962 - 1982 Н. Б. Тарасова

1982 - 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984 - 1986 Г. Н. Владимов

Главный редактор - Е. А. Самсонова-Брейтбарт

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLVIII

№ 168

1993

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наум КОРЖАВИН Письмо в Москву. (Стихотворение)	5
Вячеслав ДЁГТЕВ Вечная память. Плеть. Посмотри в лицо. Мы с братом. (Рассказы)	8
Олег РОГОВ Стихи разных лет	35
Наталья БАРАНСКАЯ Встреча. Лесная поляна. Удивительные шарики. Портрет Зойки на фоне двора. (Рассказы)	38
Валерий СТЕЛЬМАХ "...Но я рад просветленному небу". (Стихи)	114

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алексей АНТОНОВ Анафема "детской литературе"	119
---	-----

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Михаил НАРИЦА После реабилитации	141
-------------------------------------	-----

ИСТОРИЯ

Михаил НАЗАРОВ Уроки Ясского совещания	175
---	-----

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Татьяна КАЛИНИНА	
Тридцать дней февраля	199

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

Валерий СЕНДЕРОВ	
От тоталитаризма к лжесимфонии	248

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. М. БУРОВСКИЙ	
Естественники и искусственники	272

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А. АЛЕКСАНДРОВА	
На исходе реальности	
(Проза Т. Толстой, Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, С. Максимовой)	302

ОБЪЯВЛЕНИЯ	318
------------	-----

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Наум КОРЖАВИН

С возвращением домой!

ПИСЬМО В МОСКВУ*

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что трут, как цепи
«We will be happy!», дальний друг,
«We will be happy!»

«We will be happy!» – как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: «Пронеси!»
Почти синхронно.
Я тут – сбежав... Ты там – вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет –
Чернеют степи...
Но что бы ни было – привет! –
«We will be happy!»

«We will be happy!» – странный звук.
Но верю в это:

* Это стихотворение вошло в сборник Н. Коржавина "Время дано", вышедший в конце 1992 г. в Москве, в издательстве "Художественная литература". С возвращением домой, дорогой Эма! – Ред.

«Мы будем счастливы», мой друг,
Хоть видов нету.

Там, близ дракона – не легко.
И здесь – не просто.
Я так забрался далеко
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей – пустяки.
И тот – как этот.
Здесь даже чувствовать стихи –
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть можно... Плюнем, друг! –
Проявим серость.

Проявим серость... Суета –
Все притязанья.
Наш век всё спутал – все цвета
И все названья.

И кругом ходит голова.
Всем скучно в мире.
А нам не скучно... Дважды два –
Пока еще четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну кто не знал, что на Земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой – пусть век колюч,
Пусть всё в нем дробно,
Она, как солнце из-за туч,
Блеснуть способна.

И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это – счастье.

И никуда я не ушел.
Вино – в стаканы!
Мы – за столом!.. Хоть стал наш стол
В ширь океана.

Гляжу на вас сквозь целый мир,
Хочу взглядеться...
Не видно лиц... Но длится пир
Ума и сердца.

Всё тот же пир... И пусть темно
В душе, как в склепе,
«We will be happy!»... Всё равно –
«We will be happy!»

Да, всё равно... Пусть меркнет мысль,
Пусть глохнут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: «Дорогу!»...
«We will be happy!» – я кричу
Сквозь безнадегу.

«We will be happy!», – чувств настой
Не фраза – вежа.
И символ веры в тьме пустой
На скосе века.

Вечная память

Рассказ

Я шел из Владивостока в порт Ванино. Рейс был последний в сезоне. Шансов успеть до ледостава почти не оставалось. Из Ванино сообщали, что у них на рейде раз-другой уже появлялись льдины. Я недоумевал: зачем послали так поздно? Однако надеялся, что зима припозднит и удастся проскочить, или еще как повезет. Тихая и теплая погода в Японском море давала основания для таких надежд.

На борту у меня был "особый груз" – осужденные священнослужители, высшие иерархи духовенства: епископы, экзархи, настоятели монастырей. Надо сказать, однажды мне уже приходилось переправлять арестантский "груз" – страшно вспомнить... В этот раз – совсем другое дело. Ни тебе голодовок, ни поножовщины, ни шума, ни крика. Охранники мучились от скуки. Они даже гулять попов стали выпускать на палубу, не боясь, что кто-нибудь из осужденных бросится за борт. Ведь самоубийство – самый тяжкий грех. На прогулках святые отцы чинно ходили по кругу, худые, прямые, в черных длинных одеждах, ходили и молчали, или переговаривались полупшепотом. Странно, но, кажется, никто из них даже морской болезнью не страдал, в отличие от охранников, всех этих

мордастых увальней, которые, чуть только поднимется небольшая зыбь, то и дело высовывали рожи за борт...

И был среди монахов мальчик Алеша. Послушник, лет двенадцати от роду. Когда в носовом трюме устраивалось моление, часто можно было слышать его голос. Алеша пел чистейшим альтом, пел звонко, сильно и с глубокой верой, так, что даже грубая обшивка отзывалась ему. С Алешей делила долю собака Пушок. Рыжеватый такой пёсик. Собака была ученая, понимала всё, что Алеша говорил. Скажет мальчик, бывало: "Пушок, стой!" – и пёс стоит на задних лапах, замерев, как столбик, прикажет: "Ползи!" – и пёс ползет, высунув от усердия язык, вызывая у попов смиренные улыбки, а охрану приводя в восторг, хлопнет в ладоши: "Голос!" – и верный друг лает заливисто и с готовностью: "Аф! Аф!". Все заключенные любили Алешу и его кобелька; полюбили вскоре и мои матросы; даже охрана улыбалась при виде этой парочки. Пушок понимал не только слова хозяина, он мог читать даже его мысли: стоило Алеше посмотреть в преданные глаза, и пёс уже бежал выполнять то, о чем мальчик подумал.

Наш замполит, Яков Наумыч Минкин, в прошлом циркач, восхищался Пушком: уникальная собака, – цокал он языком, – с удивительными способностями, ей цены нет. Пытался прикармливать пса, но тот почему-то к нему не шел и корма не брал. Однажды на прогулке старпом подарил Алеше свой старый свитер. С каждым днем заметно холодало. Курс был норд-вест. Мальчик мерз в своей вытертой скуфейке... Алеша только посмотрел Пушку в глаза, – и пёс, подойдя к старпому, лизнул его в руку. Старик так расстрогался... Возвращаясь к хозяину, пёс ни с того, ни с сего облаял Якова Наумыча, спешащего куда-то. Чуть было не укусил.

Мне непонятно было такое поведение собаки. Однако на другой день всё стало ясно. Я зашел к замполиту, — вошел в каюту неожиданно, кажется, без стука, — и увидел в его руках массивный серебряный крест. Яков им любовался... Крест был прикреплен колечком к жетону. Коронай увенчан жетон, на нем — зеленое поле, а на поле — рогатометный серебряный олень, пронзенный серебряной стрелой. Яков перехватил мой взгляд. "А наш-то послушник, оказывается, — князь!" — сказал он как ни в чем не бывало и кивнул на крест с гербом...

Вот так мы и шли, батюшка, пятеро суток.

И вот на шестой день плавания Яков спросил координаты. Я сказал. Он озадаченно пробурчал что-то и спустился в носовой трюм. Вскоре вернулся с Пушком под мышкой. Пушок скулил. Алеша, слышно было, плакал. Кто-то из монахов успокаивал его. Замполит запер пса в своей каюте, и я расслышал, как он спросил о координатах штурмана и резко одернул старпома, попытавшегося было его усовестить: "Не твое дело!". После чего посложился какое-то время по палубе, нервно сжимая кулаки, потом опять сходил в свою каюту и вернулся с черным пакетом в сургучных печатях. Вновь спросил у меня координаты. Я сказал: такие-то. Тогда он торжественно вручил мне пакет. Я сломал печати. В пакете был приказ.

Ты слышишь, батюшка, — м н е п р и к а з ы в а л о с ь остановить машину, открыть кингстоны и затопить пароход вместе с "грузом". Команду и охрану снимет встречный эсминец. Я опешил. И с минуту ничего не мог сказать. Может, ошибка?.. Но тут подошел радист и передал радиogramму с эсминца "Беспощадный боец революции Лев Троцкий" — корабль уже входил в наш квадрат.

Что я мог поделаться — приказ есть приказ! По-

меня о морском долге и долге капитана, я спустился в каюту, умылся, переоделся во всё чистое, облачился в парадный китель, как требует того морская традиция. Внутри у меня было – как на покинутой площади... Долго не выходил из каюты, находя себе всякие мелкие заботы, и всё время чувствовал, как из зеркала на меня смотрело бескровное, чужое лицо.

Когда поднялся на мостик, прямо по курсу увидел дымы эсминца. Собрал команду и объявил приказ. Повел взглядом: кто?.. Моряки молчали, потупив глаза, а Минкин неловко разводил руками. Во мне что-то натянулось: все, все они могут отказаться, все – кроме меня!..

– В таком случае, я – сам!

Спустился в машинное отделение – машина уже стояла, и лишь слышно было, как она остывает, потрескивая, – и со звоном в затылке отдраил кингстоны. Под ноги хлынула зеленая, по-зимнему густая вода, промочила ботинки, – холода я не почувствовал.

Поднявшись на палубу – железо прогибалось, – увидел растерянного замполита, тот бегал, заглядывая под снасти и звал:

– Пушок! Пушок!

В ответ – ни звука. Из машинного отделения был слышен гул бурлящей воды. Я торжественно шел по палубе, весь в белом, и видел себя самого со стороны, и остро, как бывает во сне, осознавал смертную важность момента. Был доволен тем, как держался, казался себе суровым и хладнокровным. Увы, не о людях, запертых в трюмах, думал, а старался думать о том, как выгляжу в этот роковой миг. И сознание, что поступаю по-мужски, как в романах – выполняю ужасный приказ, но вместе с тем щепетильно и тщательно соблюдаю долг капитана и моряка, – наполняло сердце священным

трепетом и гордостью. А еще в голове тяжело перекачивалось, что событие это – воспоминание на всю жизнь, и немного жалел, что на судне нет фотографического аппарата... О-о-о, батюшка!

Из трюмов понеслось:

– Вода! Спасите! Тонем!

И тут мощный бас перекрыл крики и плач. Он призвал монахов к покаянию. А потом воззвал:

– В последний этот смертный час сплотимся, братия, в молитве. Не склоним головы пред Антихристом и его слугами. Примем смерть как искупление и помолимся за наших мучителей, ибо слепы они и глухи. Свя-тый Бо-о-же, Свя-тый Кре-е-епкий, Свя-тый Бес-с-мерт-ный, поми-и-илуй нас! – запел он торжественно и громко.

За ним подхватил еще один, потом другой, третий, и вот уже трюмы загудели у меня под ногами от песнопений. Тюрьма превратилась в храм. И хор в этом храме звучал так мощно и так слаженно, что аж дрожала, вибрировала палуба. Всю страсть к жизни, всю веру в Высшую Справедливость вложили монахи в последний свой псалом. Они молились за нас, безбожников, в железном своем храме. А я попираю этот храм ногами...

В баркас спускался последним. Наверное, сотня крыс прыгнула вместе со мной. Ни старпом, ни матрос, стоявшие на краю баркаса, не подали мне руки. А какие глаза были у моряков!.. И только Лев Наумыч рыскал своими маслинами по палубе, звал собаку:

– Пушок! Пушок! Чёрт бы тебя взял!

Не отзывался пёс. А пароход, между тем, погружался. Уже осела корма и почти затихли в кормовом трюме голоса. Когда с парохода на баркас прыгнула последняя крыса – она попала прямо на меня, на мой белый китель, – я дал знак отчаливать. Громко сказал: "Простите нас!" и отдал честь. И опять нравился самому себе в ту минуту...

– Подождите! – закричал замполит. – Еще чуть-чуть. Сейчас он прибежит. Ах, ну и глупый же пёс!..

Подождали. Пёс не шел. Пароход опускался. Уже прямо на глазах. И слабели, смолкали, один по одному, голоса монахов, и только в носовом трюме звенел, заливался голос Алеши. Тонкий, пронзительный, он звучал звонко и чисто, серебряным колокольчиком – он звенит и сейчас в моих ушах!

– О мне не рыдайте, плача, бо ничтоже начинах достойное...

А монахи вторили ему нестройным хором:

– Душе моя, душе моя, восстань!..

Но всё слабее вторили и слабее. А пароход оседал в воду и оседал... Ждать дольше было уже опасно. Мы отвалили.

И вот тогда-то на накренившейся палубе и появился пёс. Он постоял, посмотрел на нас, потом устало подошел к люку, где всё еще звучал голос его Алеши; скорбно, с подвизгом, взлаял и лег на железо.

Пароход погрузился. И в мире словно лопнула струна... Все замороженно смотрели на огромную бурлящую воронку, кто-то из матросов громко икал, а старпом еле слышно бормотал: "Со святыми упокой, Христе, душу рабов Твоих, иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная..." – а я тайком оттирал, оттирал с белоснежного рукава жидкий крысиный помет и никак не мог его оттереть... Вот вода сомкнулась.

Ушли в пучину тысяча три брата, послушник Алеша и верный Пушок. Две мили с четвертью до дна в том месте, батюшка.

– Какое вы... какое вы чудовище! – прошептал священник, отшатнулся и сдернул с моей головы расшитую шелком епитрахиль.

На груди у него заколыхался серебряный крест. Он прикреплен колечком к жетону. А на жетоне – княжеская корона, зеленое поле и на поле – серебряный олень, пронзенный серебряной стрелой.

– Откуда у вас этот крест, батюшка?

Ничего не говорит он в ответ, закрыл крест ладонью...

– Где вы его взяли?

Закрыл крест ладонью и ловит, ловит ртом воздух...

Воздух остро пахнет ладаном и топленым воском.

Плеть

Рассказ

Прежде всего хочу сделать заявление: всё, что в горшке, завещаю тому человеку, кто будет воспитывать ребенка, которого я осиротил. На черный день берег, да теперь уж не понадобится...

А с этими ребятами, нет, не знаком. Вот того, чернявого, знаю. Это Витька, внук моего старого... ну, вроде как приятеля Жорки Чугунка. Чугунок – потому что черный. Жуковый. И белки в глазах желтые, как у рыси, – подкопченные.

Появился он в деревне году в двадцатом. Одна вдова на базаре в городе подобрала. Бойкий был парнишка. Кнутом воробья с плетня сбивал. Но подловат. В школе, бывало, напраказит, – ни в жизнь не сознается, всё норовил выкрутиться. Подрос и сделался активистом. Побьет мужик жену, сойдутся ребята к празднику на кулачки – обо всем милиционеру становится известно. Раз как-то застукали его – под плетнем в комок свернулся, дрожит, скулит, – но никто не тронул, забоялись.

Обмочили и ушли. Наутро двоих арестовали. По десятке, как политическим.

Вот тебе – коллективизация. Он и тут поспел. Наган выдали. А в нагане только два патрона. На том бугру Савельевы жили: трое мужиков да зять от них не отставал. Собрались раскулачивать. Чугунок ко двору спозаранку пришел – уж больно хотелось ему сапоги яловые с савельевского зятя снять. Зять-то был щеголь... Уполномоченного с понятыми не дождался и сунулся во двор. Мужики и взяли его в оборот. Он за наган: "Застрелю!" А те – с вилами. – "У тебя два патрона, а у нас – шестнадцать зубьев". Да и загнали на сеновал. В сено зарылся, а ребята давай колоть. В ногу попали, в сустав. Охромел с тех пор. А тут уполномоченный. Бах! – в воздух. – Бах! Больше их и не видали. А усадьба лесом заросла.

Ух, как Чугунок жировал до войны! Бывало, заедет – у меня тут колхозная пасека стояла, да своих ульев два-три десятка при ней, – заявится, извиняюсь, с какой-нибудь кралей, и ну гулять. Напьется, и всё ему деньги начинают блазниться. "Ты, Макар, хитрый. Вовремя в середняки перебег. А кубышку, небось, зарыл..." На прощанье прихватит ведерко меду да плеткой погрозит: "Смотри у меня. А то не погляжу, что вместе возрастали..."

Боя-ялись его. Идет, бывало, по улице – куры с дороги разбегаются. Вечером бабы огонь в лампах тушили – чтобы на свет не забрел.

Началась война. На фронт я не попал: бельмо. Немцы пришли. Кое-кто ждал их, надеялся, землю дадут, а они колхозы восстановили. Хуже стало, чем при большевиках. Те-то хоть свои... Оттого и партизаны появились. По ночам приходят: корми. Не жалко, было бы чем. Им дела нет, последнее выгребали. Всю картошку в огороде выкопали. Телок пасся на привязи – один шкворень в земле и остался...

Вот тебе - каратели. Хлопцы только-только ушли, еще лавки не остыли. "Вир партизанен?" - "Не знаю, господин пан". - "Ви есть партизанен?" - "Никак нет, господин пан". Гляжу, а промеж них Жорка Чугунок. Повязка на рукаве, винтовка в руках, плетка за голенищем. И даже глаза не отводит. "А ну!" - атукнул ему немец и на меня указал. Как начал он учить "новому порядку" - небо с овчинку показалось. "Где партизаны? Где партизаны, чёрт кривой?" - "Не знаю, - говорю, - чёрт хромой". Пуще ярится: "Куда они пошли?" - "Ничего не знаю. Никого не видел". А что делать? Скажешь - свои повесят. Не скажешь - Чугунок заперет за котелок немецкой чечевицы. - "Есть сведения: у тебя их казна. Говори, где кубышка?" - "Нет никакой кубышки!" - "Говори... говори... говори..." Не сказал. Очухался - пусто в доме. Коровы нет. Пчела почти вся в пруду. Месяца полтора болел. Медом да баней только и спасся.

Ну, думал, придут наши, за всё тебе, Чугунок, воздастся. Через год они и пришли. Чугунка не только не посадили, не расстреляли - орденом наградили. Особое задание выполнял в тылу врага!

"А ты, Макар, молодцом, - сказал мне как-то при встрече. - Не выдал. Правда, я щадил тебя. Подружески..."

Вот какие корни у этого Витьки. Родился он при Хрущеве, в аккурат когда объявлен был новый "крестовый поход" против попов. Чугунок это яро поддержал. Сказал, что на Пасху доломает церковь, которую не доломал в двадцатых - тогда он только колокола спихнул да голый зад с колокольни показал. Все ждали Пасхи с трепетом; а кто - как представление. И вот день этот подошел. Батюшка перед службой попрощался с родными. Однако поначалу всё шло своим чередом: со свечами и крестом обошли вокруг храма. "Воскресение Твое,

Христе Спас, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить", — выводили певчие; колокола, какие остались, звенели; люди целовались. "Христос воскрес!" — говорили.

И тут Чугунок с сыном. Тот комсомольским вожаком был в те поры. Народ расступился и умолк. Они прошли, не снимая шляп, прямо до самого алтаря. Там, за престолом, на горнем месте, стоял большой запрестольный крест с деревянным Христом в человеческий рост.

"Кому молитесь, темнота?! — захохотал Чугунок. — Это же просто деревянная колода. Вот!" — и хлестнул тройчаткой по лику Сына Божьего.

Старушки заголосили, запричитали. Батюшка побелел, вскричал тоненько: "Изыди из храма, сатана!" — и кинулся на охальника. Тот увернулся, а сынок влепил батюшке по шее — камилавка покатилась по проходу. Чугунок схватил Христа за деревянную ногу и давай отдирать... Свечи трещали, хлюпал разбитым носом батюшка, растянувшись под аналоем, да гвозди скрипели, которые из креста выдирались. Вот оно как обернулось, — подумал тогда, — одни на крест возвели, другие с креста сдирают... Старое дерево крошилось, но не поддавалось; Чугунок с сыном матерились, обливаясь потом, а сделать ничего не могли — на века было сработано. И вдруг рука распятого сорвалась с гвоздя и упала на плечо Чугунка. Народ ахнул — а-а-ах! — в один голос. А Чугунок покачнулся, да и дух из него вон. Сын подхватил его под мышки и потащил к выходу; следом, как крысиный хвост, тянулась плеть. Тихо было — с минуту. Но вот поднялся батюшка, вытер кровь, колокола брызнули, хор запел: "Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех жи-ивот дарова-ав". И все выдохнули: "Воистину воскрес!"

Витька все капельки собрал – и деда, и батьки. Тот и целину осваивал, и северные реки поворачивал. В общем, недалеко яблочко откатилось... Разве мыслимое дело – заявиться к пожилому человеку: "Ты, старик, болтают, миллионер. Давай, откапывай кубышку. Всё равно помирать скоро". – "Помирают, Витя, не старые, а спелые". – "Хату спалим. А пчелой карасей в пруду накормим".

А с чего у меня – миллионы? Раньше хоть бабка жива была. Да и лошадка какая-никакая ледащая... А теперь уж сколько годов один. Кроме пчел – ничего и никого.

Они и слушать не хотят. "Кончай базар! Делай, что говорят. Завтра приедем. Меду, закуски приготовь. Да кубышку отрой!"

Опять за рыбу деньги! Крестьянин вроде гороха при дороге: всяк норовит пощипать.

"Витя, как же так! – говорю. – Мы с твоим дедом – друзья-товарищи..." – "Тамбовский волк тебе друг, а товарищи нынче перевелись".

Вот тебе и на! То продразверстка – всё подчищую. То коллективизация – всё на общий двор. Война началась – всё для фронта, всё для победы, ну ладно, это дело святое. Семилетки – сей по нашим болотам "царицу полей". Неперспективные деревни – ни тебе электричества, ни дорог. А теперь вот... В шестидесятых тут Хрущев должен был проезжать, а кукуруза еще стояла, не вызрела как следует, так отец этого Витьки, он тогда секретарем райкома был, приказал прицепить к трактору рельсы и всю ее повалить. Чтобы отпартовать. А Никита другой дорогой поехал... Ох, сколько помню себя – всё они то с рельсой, то...

Вот и эти... Вынь им кубышку и положи! Что ты будешь делать? Перед отъездом Витька говорит: "На что тебе неприятности? Самому же хуже... На, вот... и подумай!", – и подает свернутую в трубку газету.

Да-а, все ухватки – дедовы, Чугунковы. Куда деваться? Да и что это такое – из дому бежать! При немцах не бегал, а тут...

А что это он оставил в газете? Тяжелое. Развернул – плетъ.

Под утро взял лопату и пошел в лес. От рогатой сосны отмерил на восход десять шагов, прокопал на два штыка – пусто, нет ничего. Аж в пот бросило. Взял чуть вправо – стукнуло. Слава Богу – на месте!

...На месте происшествия обнаружено:

- автомобилей марки "тойота" – две штуки, обе сильно повреждены;

- огнестрельных стволов – четыре: два пистолета "ТТ", автомат ЭРМА МП-38 ("Шмайсер") и пулемет Дегтярева;

- патроны – две тысячи двадцать два;

- стреляные гильзы – сто двадцать пять, в том числе четыре от пистолета "ТТ";

- три гранаты – две германского производства и одна "Ф-1" ("лимонка"), неразорвавшаяся;

- на дороге пять воронок – две от гранат и три от противопехотных мин (производство не установлено);

- шесть трупов мужского пола.

У пострадавших, кроме двух пистолетов "ТТ", обнаружены два кастета и выкидной нож-финка.

К делу приобщается глиняный горшок, в котором по описи:

- сто двенадцать серебряных монет достоинством "50 копеек" советской чеканки;

- три золотые монеты достоинством "десять рублей" царской чеканки;

– двести десять облигаций всех займов (опись прилагается).

А также плеть-тройчатка со свинцовыми дробинами на концах.

Задержанный: Морква Макар Игнатьевич, восьмидесяти двух лет, хозяин усадьбы. Сам вызвал милицию. Пытался оказать мед. помощь пострадавшим. По делу показал нижеследующее:

”Об одном жалею. У Витьки дочка осталась трех лет. Чернявая такая, говорят. Поэтому прежде всего хочу сделать заявление...”

Посмотри в лицо

Рассказ

...Да легко сказать – не плачь. А что делать, если плачется. Если всего трясет нервный озноб.

Я сижу над ним, а он лежит в черной луже. Лежит не шевелится. В синей куртке. С родинкой на шее. Я сижу в темноте под аркой, а в глазах у меня плещется голубое, светлое небо...

У меня бывает иногда такое. После каких-то очень сильных встрясок, крупных потрясений на грани жизни и смерти, когда всё существо сжимается в комок и мир кажется хрупким и словно из тончайшего стекла, и весь звенит, дрожит нежнейшей своей конструкцией, – в эти роковые мгновения я вижу вдруг какие-то картины, между собой словно бы и не связанные никак... Вот я сижу под аркой, в темноте, меня трясет нервный озноб, а перед глазами – утро полощется.

Прозрачное, голубое, свежее. Вижу солнце, что пробивается сквозь щели такими острыми и тонкими лучиками, совсем как вязальные спицы, и колет ими глаза так, что приходится щуриться и –

хочешь не хочешь – улыбаться. И это оттого, наверное, на душе так легко и безоблачно. Это, наверное, еще и потому, что в мире свежо и солнечно, начало августа, воздух, чувствуется, за ветхой бревенчатой стеной, как мятный леденец, хоть с чаем его... Небось и дома сейчас такое же утро. Фатер сейчас, наверно, коров уже вычистил и напоил, а муттер подоила их. А что же Гретхен? Ах, Гретхен! Какая она была красивая и свежая, когда шла в кирху в белом подвенечном платье! До чего к лицу ей была любовь. И ты таким счастливым был тогда!.. Сейчас, в это утро, она варит, скорее всего, малышу Вилли кашу, стоит, сонная, в синем халате, а под халатом... О, Боже! Спаси и выведи целым из этой страны варваров.

Вон идут какие-то. Ну и воинство, без смеха не взглянешь. Один хромой. Другой и вовсе старик в очках. А третий – плюгавый мальчишка со всеми признаками вырождения – достаточно лишь на его лицо взглянуть... Сюда, к сараю, направляются. Зачем? Кормить? Но для этого не нужно троих. Да и в руках у них ничего нет, кроме винтовок.

Видно, за тобой, дружище. Но куда поведут? На допрос? Рано. Да и рассказал ты уже всё, – что еще говорить?

О чем они совещаются около двери? Что такое – "веревка"? Что такое – "бежать"? А что говорит этот хромой? Кажется, он говорит по-немецки.

"Пошли, фриц", – говорит он. Но тебя зовут не Фриц, пытаешься ты объяснить.

"Мне это без разницы", – хихикает хромой и толкает стволом винтовки в спину. Как, однако, противно, по-крысиному, он хихикает. И чего, собственно, он хихикает? Что тут смешного?

Куда идти, ребята? Куда? В штаб, – да, старый? В штаб?..

Но они почему-то толкают в другую сторону.

Толкают и глаза при этом отводят. Странно... К лесу толкают. Зачем? Что там делать в такую рань? Может, дрова заготавливать?

Почему так странно, с каким-то болезненным, нездоровым любопытством посматривает на тебя этот парень с приплюснутым обезьяньим носом? А старик в очках – что он их то и дело протирает? А этот, хромой который, – что за бумага у него в руках?.. В бумаге той что? И куда тебя ведут в конце концов?

”Увидишь”, – отмахивается хромой. И чёрт с ними. Не хотят говорить – и не надо. Не больно-то и нужно. Такая красота кругом... Такое приволье.

Августовское утро звонкое, тихое и свежее, трава остро ипряно пахнет. Как любил ты, бывало, косить ее с фатером вот так, по утру, когда роса еще не сошла. Эх, сколько бы тут вышло возов, на этой поляне, какой тут пырей жирный и цикорий сочный, – всё пропадет. А как было бы здорово пройтись по этой поляне с косой и раз, и два, и три, да развернуться бы разиков десять-пятнадцать на конной косилке. А в полдень, когда уже докашивал бы делянку, Гретхен привезла бы обед. Она привезет обед и как всегда сядет напротив тебя, а фатер заберет свою кастрюлю и уйдет, он человек деликатный, и вы сядете рядом, теснее, на парящем волглomme сене, ты будешь есть, а Гретхен с нежностью следить за тобой и то хлеб подавать, то кусочки подкладывать, и между делом расскажет домашние новости, происшедшие за день: что делал малыш Вилли, какие смешные пузыри он пускал носом, да как трогательно складывает губки, когда хочет заплакать, да как мило сучит ножками, да еще про то, что муттер приснился сегодня ночью черный бык, ох, не к добру это, вздыхала она всё утро, а когда Винтер, ее любимая белая корова, белая-белая, как снег, лишь с черным пятном во

лбу, опрокинула подойник и отдавила ей ногу, так муттер и вовсе расхворалась, – щебечет Гретхен, щебечет. Щебечет что-то милое и глуповато-наивное, она и сама-то совсем еще ребенок, а тебя уже повело, повело в сторону, небо опрокинулось, голубое, бездонное, и жена ловит твою голову и укладывает к себе на мягкие колени, и ты с благодарностью сквозь сон ей улыбаешься – на большее у тебя уже нет сил, Ах, какие у нее мягкие и теплые колени!..

Никогда не прожить тебе таких минут на этой поляне. Тебя по ней ведут трое с винтовками, ты топчешь траву, что до пояса, шагаешь прямо по ромашкам, – эх, земля какая тут у них, только нет на нее хозяина. Какие они, к дьяволу, хозяева, вот эти за спиной – хромой, что ли, хозяин? Или старик со слезящимися глазами? Или этот убогий малый с косым лицом? Они, что ли, работники?.. Но куда ведут? Куда?

”Халът!” – командует хромой.

Остановились. Закуривают. Хромой утирает пот, видно, устал от быстрой ходьбы. И куда спешат? Куда ведут? ”Увидишь!” – огрызается хромой. Старик вынимает кисет, газету, аккуратно сложенную квадратиками, отрывает всем по листку, насыпает табак. Тебе тоже отрывают клочок бумаги. И вот стоите вы, четверо мужчин, посреди поляны, заросшей пыреем, ромашками, цикорием, конским щавелем да рожью-самосевкой, раньше, наверное, тут поле было, стоите, четверо людей, мирно курите, пуская дым в синеву, и такая кругом тишина, такое спокойствие, такая благодать...

Ты затянулся три-четыре раза, затушил цигарку и спрятал окурок за отворот пилотки. Пригодится. Не последний день живем. Нарвал ромашек между делом, они тут крупные, чуть ли не как подсолнухи, руки сами собой сплели из них ве-

нок, — эх, Гретхен — вот кто по этой части мастерица! — рукам хоть какое-то занятие, а то трясутся с чего-то...

А конвойные курят без спешки, пускают себе дым, — куда им спешить?.. Молодой вдруг стал говорить что-то, всё распаляясь и распаляясь, странно как-то при этом на тебя посматривая, — глаза у него на удивление голубые, просто как васильки. Потом он обращается к тебе, показывая на венок. Ты улыбаешься ему в ответ, — да он, оказывается, симпатяга, этот парень, особенно когда улыбается; ты улыбаешься и говоришь от переполняющих тебя чувств: "Киндер! Кинд Вилли". Молодой улыбается еще шире и говорит что-то еще, потом показывает на своем лице, будто завязывает платок ("Фрау! Фрау!"), потом изображает руками большой живот, складывает руки у груди, словно качает ребенка: "А-а-а! А-а-а! А-а-а!" Всё ясно: жена должна скоро родить.

Ты киваешь, дескать, понял, дружище, понял, жмешь ему руку: поздравляю! И замечаешь, что хромой со стариком хмурятся и смущенно опускают глаза, видно, или ты или молодой сказали что-то лишнее или какую-нибудь глупость; молодой на это опять что-то запальчиво возражает старикам, но хромой его обрывает; ты спрашиваешь хромого, о чем, дескать, толкует парень, тот отмахивается и командует: "Шнель!"

Парень начинает что-то доказывать. Горячо, запальчиво... О чем же о таком важном хлопочет он? Что это за слова "сбежит"? — "начальство"? — "отпустим"? А вот и знакомые пошли: "фриц", "кинтеры"... Нет, старые его не слушают. А он не унижается. Говори, голубоглазый, говори! Проси... Нет, не слушают, отворачиваются.

"Шнель!"

На краю поляны начинается овраг. Ниже он за-

рос терновником и осиной, а тут, в самом своем начале, в самом зародыше, он еще голый, просто промоина, просто красноватая глиняная рана в черной земле... Командуют "Халт!", и хромой зачем-то вынимает сперную лопатку, втыкает ее в землю у своих ног. Что они хотят делать? Зачем нужна лопата? Что они задумали?.. Ты спрашиваешь взглядом у каждого, у старика, у хромого, у парня, — скажи, молодой, скажи, фройнд, куда завели? — зачем? — не опускай глаза; скажи, брудер, открыто! Скажи!.. Нет, опускает свои васильки — а в них слезы! — не смотрит он в твою сторону и зачем-то винтовку с плеча снимает. Что ее снимать — некуда бежать тебе, да и глупо было бы бежать... А главное — зачем?

А хромой между тем бумагу какую-то достал и, отставив кривую ногу, читает по ней что-то. Мелькают знакомые слова: "Авто", "Зондер-команда", "СС", "Петруньки"; видно, речь в бумаге идет о деревне Петруньки, где недавно проводилась карательная акция. Ну так ты-то тут при чем, Ганс Шлегель? Ты не был карателем, на тебе вон даже форма пехотная, общевойсковая, ты был всего-навсего водителем грузовика, на котором возил солдат; не водителем душегубки, серой приземистой машины, похожей на жабу, а всего-навсего водителем грузовика, который то и дело ломался; ты даже числился в другом подразделении, стоял на довольствии в автобате, на тебе потому и форма пехотная, а к зондеркоманде тебя просто прикомандировали для перевозки солдат — только и всего. Это же ясно и четко записано в протоколе допросов, и все ребята из зондер-команды это подтвердили... Ты пытаешься объяснить это хромому, выхватываешь у него из рук бумагу, но тот вырывает у тебя ее назад и раздельно говорит:

— Не бойсь, фриц, больно ниht.

Ты пытаешься объяснить, что ты не Фриц, ты — Ганс, Ганс Шлегель, тут, видно, вышла какая-то ошибка, вкралась досадная неточность, раз тебя принимают за какого-то Фрица. Эх, как же объяснить это им! Вот говорил же фатер: учись! А ты, дурачина, не в университет пошел, а в шоферскую школу подался; сидел бы сейчас где-нибудь в штабе, далеко от передовой, еще дальше от партизан, а теперь вот объясняй им...

— Я есть нихт Фриц; я есть Ганс.

Ты пытаешься еще раз втолковать им, что ты не Фриц, а Ганс, и на тебе нет никакой вины, об этом тебе говорил комиссар, говорил и мило улыбался при этом, и обещал сохранить жизнь за правдивые показания. Но хромой тебя не слушает, он резко отступает от тебя, становится в середине группы, вскидывает зачем-то винтовку... Зачем они все вскидывают винтовки? Бежать тебе некуда. Да и не к чему бежать — тебе обещано сохранить жизнь...

А что это за пчелы летят — да три штуки одновременно...

Две мимо, слева и справа, а третья, средняя, прямо на тебя...

Целит в лоб и не думает сворачивать...

Надо убирать голову, а не то...

Странно, уклоняешься, — и пчела поворачивает следом, видно; очень уж захотелось ей тебя ужалить...

За что она так на тебя обозлилась?..

А ну-ка в другую сторону...

И пчела — туда же!.. Вот ведь еще привязалась, настырная...

... А что это за небо такое ярко-синее сделалось? Такое небо было лишь в детстве, когда фатер брал тебя с собою в лес за дровами. Вы ехали на фуре. Сперва по полю, потом по лесу. Ты лежал на спине, позади фатера, и смотрел в небо — оно было голубое-голубое. Вот как сейчас...

Ты слышишь голос; говорят рядом, над тобой, говорят по-русски, но ты вдруг начинаешь понимать прежде непонятный язык:

— Жаль! Хороший, простой парень...

— Это ты поэтому в сторону целил? Это так ты выполняешь приказ? А еще товарищ замполит отмечал тебя, в пример ставил...

— Хватит вам собачиться...

— Парень-то был чуть-чуть постарше меня. Ребенок остался... Смотри, совсем рыжий.

Ты чувствуешь, как сыплется на тебя земля, как обволакивает тебя влажное тепло, ты видишь это так, словно рыхлые комки падают на стекло, они застыт свет, но небо при этом почему-то не тускнеет, ты его видишь так же ясно, оно такое же голубое и бездонное, как когда-то в детстве, когда ты смотрел на него, лежа на фуре... Ты видишь поляну и овраг, и трех людей на поляне, у оврага, один из них бросает землю, другой курит, а третий стоит в сторонке, опершись о винтовку, тебе легко и свободно, ты радостно паришь в каком-то теплом голубо-золотистом свете и вновь обращаешь взгляд в небо. В него хочется смотреть и смотреть бесконечно, оно притягивает, зовет, там что-то необъяснимое для тебя, запредельное...

...Да вовсе это и не небо. Это лед. Такой ровный-ровный и голубо-зеленоватый. Выпуклый, точно бутылочный бок, и до самого неба стоит горой. А на самой маковке ледяной этой горы, там, где она сливается с небом — черное расплывчатое пятно. И пятно это расплзается, пухнет, всё равно как туча. Она увеличивается, скользит, словно скатывается с горы вниз, сюда, на тебя. Вот она, эта туча, приближается, делаясь с каждым мигом всё больше, всё темнее, всё страшнее... Уже и лед под тобой трещит-трясется. Но ты не один. Вас много. Товарищи — рядом. На тебе — железо, в руках —

древко. Бородатый сосед держит тебя за плечо и что-то кричит тебе, оглохшему от ожидания – топот ближе, ближе, лязг, тяжелое дыхание, осипшие звуки труб, – но тебя подбадривает дружеская поддержка. Вы сомкнулись бок о бок, броня к броне, щит к щиту; теперь вы – одно целое, одно тело, один организм, и одно на всех сердце стучит в вас; и тысячи игл выставили вы навстречу бурой "свинье", что несется на вас... Ну! Ну! Вы – целое! А там, уже заметно, – люди, лошади, и все они разные. А вы – целое! Вот! Вот!.. Сейчас!.. О-о-о! А-а-а!

Помоги выстоять, Господи! А-а-ах!

... И снова – голубое небо. Только теперь оно отражено в воде. Это ты лежишь на бревне, перекинутом через речку и смотришь в воду. Ты караулишь рыбу...

Ты видишь свое отражение, ты им любишься. Тобой нельзя не залюбоваться. Ты – женщина. Ты молода и красива. У тебя рыжеватые мягкие волосы, а по лицу так и вовсе – белесые; тебя зовут Аяф, то есть пушистый желтый цветок, с которого летит пух, если дунуть. Ты самая красивая в племени. Скоро Широкогрудый возьмет тебя в свое жилище. Это почетно. Хотя он тебе совсем и не нравится. Тебе нравится другой, помоложе...

Вчера Широкогрудый был встревожен. Он сказал, что в округе появились черные люди, которых зовут чики-чики. Он говорил еще, что черные-пречерные, как остывшие головешки, и в сплошных волосах, очень высокие. О, как это интересно! Ты почти всю ночь не спала, думала об этих черных. Их мужчины, наверное, гораздо сильнее, неутомимее и красивее наших, хоть и черные, хоть и сплошь волосатые... Хоть бы одного посмотреть!

Но у них есть изъян – эти черные едят людей. Особенно они любят, говорил Широкогрудый, человеческий мозг... Да, это совсем нехорошо...

И вдруг ты видишь на воде черный силуэт, совершенно черный, как остывшая головешка. Человек с огромной дубиной в черных руках-лапах. Нет! Нельзя! – всё кричит в тебе. – Я молодая, красивая. Я – беленькая! Я нарожаю тебе, черному уроду, белых красивых детей. Я стану делать всё, что прикажешь. Я буду даже, если захочешь, есть человечину!..

О, какая темная, какая вязкая вода в реке..

...И совсем это не река, это всего лишь лужица на листе. А лист желтый. Еще на листе маленький слизняк – он такой нежный, такой вкусный! Ты копаешься меж камней. Там много орехов. Орехи в палой листве. Они круглые. И очень вкусные. Они вкуснее земляных червей и медведок. О, эти орехи! У тебя их уже много заготовлено. А будет еще больше.

И вдруг ты видишь зеленые немигающие глаза. Зеленые глаза среди застывшей желтой листвы. Они смотрят на тебя. Завораживают. Надо бежать – не можешь! Надо кричать – не можешь! Глаза, эти зеленые жадные глаза. И в них – свет...

... Свет как игла. Тебя тянет к этому лучику неудержимо. Других тоже тянет. Тебя толкают. Сверху. Снизу. Сбоку. Жаль, что у тебя нет шипов. Хотя бы одного. Хотя бы маленького. Хотя бы толщиной и вот с этот лучик...

Вот что-то наплывает на свет. Что-то темное. Что-то большое. Что-то страшное. Оно наплывает на тебя. Свет меркнет совсем...

... Свет меркнет совсем, и вдруг словно взрывается, его становится много-много, – много, очень много, – он ударяет по глазам, и через минуту я вижу над собой что-то белое, какое-то расплывчатое пятно, – и слышу ласковый голос:

–А вот и сыночек глазки открыл. Какие они у тебя голубенькие. Совсем как у папы твоего, у Вани-большого.

Где я? Кто я?

— Ну улыбнись, Ванечка, своей маме...

Ой, что это?! Что это там так бухает?..

— Не пугайся, маленький, это папа бомбы бросает. — Пусть повоюет, а мы покушаем, — да? — покушаем и больше плакать не будем, правда? Ваня! Ванечка!..

И с первыми глотками материнского молока я стал забывать всё, что мне увиделось и стал привыкать-прирастать к новому своему имени. Ваня! Ва-ня... Какое, однако, интересное имя.

— Не плачь, сынок, не бойся. Это твой папа стреляет из ружья. Он у нас смелый. Он у нас — партизан. Не плачь...

...Да, легко сказать — не плачь. А что делать, если плачется. Если всего трясет нервный озноб.

Только что на меня напали. Трое. Под темной аркой. Один ударил по голове бутылкой. Другой стал вырывать портфель. Третий замешкался с чугунным колосником, — иначе бы мне не сдобровать... Я вырвал колосник и ударил им того, кто был с бутылкой. И как только ударил, так сразу и завертелся перед глазами калейдоскоп: и утро в сарае, и небо, и лед, и вода...

И вот лежит он в луже черной крови. Молодой парень. По моде стриженный затылок. Те двое убежали, бросив его. А он лежит, не шевелится. На нем синяя куртка. Такая знакомая. И на шее родинка. Такая знакомая, такая родная. Он лежит недвижно. А я сижу над ним и плачу.

Уже собирается народ, уже кто-то побежал за милицией, уже дышат мне затаенно в затылок любопытные, а я сижу над ним, плачу, и так и не решился перевернуть его, чтобы взглянуть в лицо. Страшно.

Сы-нок!

Мы с братом

Рассказ

Мне часто снится сон, в котором я вижу себя вдвоем с братом. Он моложе на шесть лет. Мы гуляем с братом, дурачась и насвистывая; мы говорим с братом о возвышенном и умном; мы катаемся с братом на лодке, потом пьем пиво, сдувая с кружек обильную пену и покрывая...

Мы ходим с братом по улицам, он что-то запальчиво говорит, что-то доказывает мне, размахивая руками, глаза его, как синие птицы (он совсем еще мальчишка!); он любит меня – я знаю – и втайне мной гордится (а я – им); он называет меня Братка – полушутливо-полуиронично, но всякий раз нежно, а я зову его Малыш, любовно-покровительственно, как и подобает старшему брату.

Этот "малыш" выше меня на полголовы. Крупный блондин с белесыми усами. Еще он чуть-чуть пижон. Впрочем, как и старший брат... Мы заговариваем с проходящими девушками – во сне я как-то забываю, что женат и люблю несчастную свою жену, во сне я тоже жених, – мы заговариваем с девушками, они благосклонно улыбаются нам, интересуются: уж не братья ли случайно? Мы тоже улыбаемся и отвечаем, что случайно братья. Только один, видите, блондин, а другой... другой... седой уже...

В горячем поту всякий раз просыпаюсь я. Сердце пойманной перепелкой трепещет у самого горла, и от тоски мне тошно.

Моего красавца брата нет и никогда не было на свете. Он так и не родился.

Мой неродившийся брат! Ты не узнал ни горестей земных, ни радостей! Ты жил в своем тесном, но счастливом мире. Из мира внешнего до тебя доносился ровный стук сердца нашей матери, иногда приглушенная музыка (мать любила слушать радио), да еще однажды ты почувствовал трепет ладошки шестилетнего мальчика, который с закатившимися глазами слушал, как ты шевелишься – сквозь тонкое платье нашей матери, сквозь нежную бархатистую кожу... Мать положила мою руку себе на живот, я почувствовал тебя и воскликнул:

– Ой, мам, кто это там?

И ты. вдруг притих, словно испугавшись моего крика или устыдившись чего-то.

– Это твой братик, – сказала мать.

И после ее спокойных слов ты опять зашевелился, затолкался, заиграл. Я ощущал своей ладошкой тебя всего: вот твои коленки, вот пятки! вот локти. И вдруг увидел тебя: маленького, скрюченного, большеголового, Я увидел золотистый, солнечный свет, мягко просачивающийся, услышал приглушенные звуки и даже свой собственный голос, искаженный и как будто чужой; почувствовал, как ужасно, до ломоты в суставах, надоела тебе несвобода и так хочется побегать, попрыгать, побаловаться, что уже нет сил терпеть... я всё это вдруг в с п о м н и л.

А ты играл, а ты толкался, и я, похлопав мать по животу, крикнул:

– Ого-го, какой у меня братик! Игру-ун!

И ты откликнулся мне. Ты прямо подпрыгнул от восторга. Ах, брат мой, брат...

Скандалы помню смутно. А они были до-олгие... Помню лишь отрывистые реплики родителей: тяжелые, гнетущие – отца, обреченные – матери. Они врезались мне в память.

– Нечего нищету плодить!..

- Поздно уже!..
- Дядя Миша согласился помочь!..
- Он уже шевелится!..
- Всё еще можно устроить!..
- Он уже живой!..
- Нечего нищету плодить!..

Тогда я не понимал, из-за чего ругаются родители, тогда я еще ничегошеньки не понимал в жизни, а теперь-то я знаю, что чаще всего бедность бывает от глупости, а глупость – от бедности...

И вот однажды мать засобиралась в больницу. Горело раннее утро. Я стоял в своей кроватке, держась за грядущку, смотрел, как укладывает мать чистое белье в узелок, и тихонько радовался: я знал, что она уходит, чтобы вернуться с маленьким. И уже знал, как будем звать тебя, мой брат, – конечно же, Бориской, и представлял, каким красивым и ладным ты будешь, голубоглазым, с пушистыми, одуванчиком, волосами, представлял, как буду катать тебя в коляске, кормить с ложечки кашей, защищать от больших и как будем мы с тобой играть в мяч... Я высунулся из-за грядущки и спросил, когда мать уже собралась и уходила:

- Ты за братиком, мам?

Ничего не ответила наша мама, лишь громко высморкалась...

Милый брат! Что чувствовал ты, когда стальной иглой прокололи твою "рубашку" и вспрыснули жгучий раствор, который стал жечь тебя, притихшего и испуганного, который стал разъедать тебя, живого! Как ты, наверное, метался, безголосо звал на помощь, молил пощадить – каждой клеточкой нежного своего тельца... А я не мог тебе помочь, я даже ничего не знал об этом, я ни о чем не догадывался даже, я тогда был так далек от всего этого, я жил тогда совсем в ином мире...

А наша мать плакала и ждала, когда же ты "уснешь" и перестанешь биться, плакала и ждала, когда же начнутся схватки, плакала и ждала, когда же боль физическая заглушит для нее всё остальное...

Где теперь твоя душа, мой бедный брат? Летаешь, неприкаянная, в сонме таких же невинных и безымянных над нашей погруженной во мрак планетой, поет ли нежнейшим альтом в Божьем хоре или стоит у меня за изголовьем и диктует мне свою исповедь, и водит моей дрожащей рукой?..

В последнее время мне часто снится сон, в котором я вижу себя вдвоем с братом...

Сегодня брат явился ко мне наяву. Я шел с ним из больницы до самого дома... В больницу я ходил проводить жену. Бедняжка, она опять лежит в гинекологическом отделении. Она не может примириться со своим бесплодием. Жена рассказала, что вчера к ним в палату поступила молодая женщина. Зовут ее Света. Светлая, значит. Муж ее бросился под поезд, на руках осталась двухлетняя дочь, вот Света и надумала избавиться от шестимесячной беременности. Искусственные роды у Светы прошли легко, без осложнений. Только ребеночек родился не мертвый, а живой. Жена говорит, он плакал, когда его клали в холодильник...

Я не поверил, слышите, не поверил последним словам жены. Конечно же, это распалившееся воображение женщины, давно мечтающей о детях, конечно же, это ее больная фантазия. Такого, конечно же, не могло быть... такого не должно быть.

Ведь правда же, брат?

г. Воронеж

Стихи разных лет

из "ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ" /1984-1986/

А. Романову

В Египте холодно. В Мордовии тепло.
Живой капкан оболганного завтра
и памяти блестящие крючки -
улов хорош, но, кажется, напрасен,
ты пойман сам, а это неспроста.
Пройдет зима, потом нахлынет осень,
и лето начинается с конца.
Что могут с нами сделать в этом месте? -
да что угодно, - в болтовне предместий,
где Книга Мертвых пишется сама,
без посторонней помощи, и, знаешь,
есть силы пострашнее зла.

* * *

М. Лукьякову

Над нами не каплет, под нами трава не горит,
и вообще всё прекрасно, не это - так что-то другое.
То ли сон, то ли обыск, и тихо стоят над душою
понятые пространства - горячка и холод внутри.

Отжимаясь на пальцах от времени горьких обид,
понимать начинаешь, что в воду живую опущен,

понимать начинаешь, как страшен эпохи магнит,
по бездарности равной предшествующим и грядущим.

То ли снег за окном, то ли мелкий просеянный дождь,
тяжких пиршеств ночных желтизна, тяготящая зренье...
Снова в полдень проснешься, куда-то пойдешь, проживешь,
весь молчанье, терпенье.

NATURE MORTE

Лицо за лицом подымая,
ты смотришь из мертвой воды
на красные брызги трамвая,
на каменные цветы,

и маковы ангел недужный
в шушанье чугунных копыт
соленой щебенки на ужин
в щепотку набрать норовит.

* * *

Кто в темной комнате остался
свой страх тестировать, кто вышел
в столь неизвестные пространства,
что, промолчав, не был услышан,

то петухом кричал над бесами,
то обжирался разрешенным...
Кто мерил глубину отвесами,
сам оказался невесомым

и мне зрачки сфотографировал,
покорно воздух отразившие
и дальше то же отражавшие,
пока не отобрали лишнее.

* * *

Гость ночной хозяев не застанет,
над парадным Веспер полыхнет
и еще раз мертвыми губами
"я живу" душа произнесет.

Где ты был? Не знаю и не помню.
Там, где не бывает ничего.
Только глины слипшиеся комья
и тростник у сердца моего.

Связаны оборванные нити,
тянутся, узлами шевеля.
Выдохнешь - и ты опять в Египте
и на вдохе - Красная земля.

Эта жизнь - последнее оружие,
проклятой смоковницы цветов, -
прячется во внутреннем снаружи,
смотрит на себя в дверной глазок.

Ждать - это идти непоправимо
через сжатый в точку океан.
И пока еще неразделимы
глинозем, песок и Ханаан.

Наталья БАРАНСКАЯ

Рассказы

Встреча

В метро было много народа – возвращались с дач с корзинками, сумками, букетами полевых цветов, растрепанные, в куртках, кедах, такие же, как она; ехали и другие – чинные, приодетые, с театральными программками в руках.

Освободилось место, она села, приладила сумку около ног. Сумка была не тяжелая, но полная, дети остались в пионерлагере на второй срок, надо было забрать порванную обувь, заношенные брючки, всякую ненужную хурду-бурду.

Устроившись, она вздохнула легко, было ощущение покоя, устроенности жизни, а, может, она просто отдохнула – месяц без ребят, не надо было дергаться, звонить с работы домой, потом бежать, хватая по дороге одно, другое, готовить, кормить, стирать, проверять уроки. И ребята сегодня порадовали – не ныли, не просились домой, попрощались легко и выглядели отлично, загорели, поправились, особенно изменился сын, что-то новое появилось в нем, мальчишечье, лихое, дочка повеселела, не цеплялась за нее, как в прошлый родительский день.

Мать перебирала в уме часы, проведенные с детьми, и ровное радостное настроение укреплялось в ней.

Пять лет прошло с того черного года, когда убили мужа, горе постепенно затихало, обострялось лишь временами, переходило в тихую печаль. Она привыкла к жизни без него. Иногда появлялась мысль: надо бы найти хорошего человека, чтобы полюбил детей, выйти замуж, трудно будет растить одной мальчика, ему уже двенадцать, дочь еще маленькая – второй класс. Да где найти такого хорошего, много ли таких – добрых? А их, одиноких женщин, вдов, миллионы.

Поезд шел, покачивался, открывались-закрывались двери, женский голос объявлял остановки, вагон постепенно пустел, под ровный шум привычной езды тихо текли мирные мысли. Она подняла глаза, и вдруг – молния, удар, дыхание остановилось, – напротив сидел он. Он, он – ее муж! Она едва не вскрикнула "Миша!". Тот же твердый рот, ямка под нижней губой, глубоко сидящие темные глаза, крупный нос, слегка запавшие щеки, жесткие скулы. С жадностью она разглядывала его. Куртка, кеды, рюкзак за плечами – таким Михаил возвращался обычно из походов. И руки держит привычно – два сжатых кулака на коленях.

Сердце у нее стучало отчаянно, она глядела, вглядывалась, хотела поймать его взгляд. Узнаёт ли он ее? Вспомнились послевоенные страшные и влекущие надеждой рассказы: про контуженных, потерявших память, забывших навсегда прошлое, про ошибочные похороны, про закрытые госпитали, инвалидные дома, где собраны сломленные войной. Сердце колотилось испуганно, щеки горели: ну, взгляни же, Миша, взгляни на меня!

Он взглянул – один раз, другой, сначала отчужденно, потом заинтересованно, затем оглядел ее с головы до ног, даже, казалось, с каким-то задором. Улыбка набежала на его лицо, но осталась в глазах, чуть тронув губы. Поезд затормозил – станция. Какая – она не знала, не следила. Вдруг он поднялся.

Выходит! Она подхватила сумку, успела выскочить. Пошла следом. Оказалось, это ее станция. Она шла за ним, не отставая, в страхе, что он сейчас уйдет, скроется, так ничего не вспомнив, не узнав ее.

Вдруг он остановился, обернулся, спросил: "Ну, куда пойдём?". И уже не к ней обращаясь, прибавил: "Занятно, занятно". Это было Мишино любимое словечко. "Домой, конечно, домой" – выдохнула она. "Веди" – сказал он. Он не знал, не мог знать дороги в новый дом, куда их поселили после возвращения из эвакуации. Она пошла вперед, он за ней. "Занятно, занятно". Она примедлила, хотела идти рядом, но и он пошел тише, сохраняя расстояние.

Оба молчали. Быстро дошли до ее дома, поднялись на третий этаж. Рука у нее дрожала, не сразу попала ключом в замок. В передней он сбросил рюкзак на пол, снял куртку, остался в рубашке с растегнутым воротом. Всё молча. Она боялась напугать, разрушить неловким, неуместным словом, оборвать всё, так и не поняв, что происходит. Потом догадалась спросить простое: "Может, поужинаем?".

"Ну, что же, – отвечал он, – я не против, давай". Вышли в кухню. Она открыла холодильник, достала миску с винегретом, колбасу. "Хорошо бы опрокинуть рюмаш", – усмехнулся он. Непривычные чужие слова настораживали, Михаил не говорил так. Она не ответила, достала бутылку с вином, оставшимся от недавнего дня рождения, который отмечала с подругой. День ее тридцатипятилетия. Подала рюмки.

Он ел с удовольствием, с охотой, налил ей и себе. Она есть не хотела, вино только пригубила. Он выпил вторую, третью. "А что же ты?". "Не хочу, я выпью чайку". Зашумел чайник на плите. Она налила две чашки.

Пока он ел, пил, а она смотрела на него, она всё более убеждалась в своей ошибке. Это не Михаил,

этот человек был чужой, и она не знала, как теперь быть. "А где твой муж?" – спросил он. "Он погиб", – ответила она привычно спокойно. "Дети есть?". "Двое, сейчас в пионерлагере". "Вот оно что..." И он положил крепкую теплую руку поверх ее руки. "Так я пойду, пожалуй", – в этих словах прозвучал вопрос. "Да, – ответила она, – прощайте".

Как только они поднялись из-за стола, он обнял ее, сильно прижал к себе, крепко провел ладонью по ее спине, задержал руку внизу, притиснув ее тело к своему, чтобы дать ей почувствовать свою мужскую силу. И тело ее ответило, слегка вздрогнув.

Он заторопился, подтолкнул ее в комнату, сдернул покрывало с кровати и, раздеваясь сам, начал раздевать ее. Она подчинялась покорно всем его движениям. "Что я делаю?" – подумала она в страхе, но больше уже не говорила себе ничего. Душа ее молчала. Он резко дернул ее за руку, схватил, и оба упали на кровать. Уснул он быстро, она заснуть не могла. Пугало помрачение, которое сошло на нее. Что это, колдовство какое-то или хитрая изворотливость изголодавшегося тела, затемнившая разум? Спавший рядом с ней мужчина, чужой, первый встречный, не был ей нужен, и всё же ее тело приняло его и отвечало ему – чужому, случайному, незнакомому. "Что же со мной такое, Господи?" – думала женщина в тревоге.

Она заснула на рассвете неожиданно крепко, как в яму свалилась. Проснулась от звона будильника. Она была одна. Хорошо, что он ушел, пока она спала. Было бы ужасно увидеть его утром, о чем-то говорить...

В кухне на столе лежала бумажка, придавленная бутылкой. Твердым почерком был написан на ней телефон и слова: "Захочешь встретиться – позвони. Михаил".

Лесная поляна

Грохот, дым, шум весь день. Шум и дым ночью.
Хочется тишины. Тишины и чистоты.

Где найти это жителю большого города? Наступает лето. Город наваливается на тебя с новой силой. Через открытые окна он врывается в твоё жилище. Жизнь становится невыносимой.

Куда деваться?

Друзья сказали: уезжай на всё лето, твоя работа с тобой, сиди под деревом и пиши, восхваляй тишину и чистоту, кляни шум и пыль. И дали адрес: станция Зеленая. Огромные участки, снимешь дачу. Будешь жить как в глухом лесу.

В субботу я направилась на станцию Зеленая.

В полном безлюдье ходила я по дачному поселку, заглядывая через заборы, удивляясь, что не видно никого, кто бы наслаждался весенней яркой зеленью, пением птиц.

Нашла то, о чем мечтала, — только калитка и ворота на замке. Обошла угловое владение с двух сторон, разглядела через штaketник.

Березы, клены и ели окружали поляну с яркой пестрой майской травой. На дальнем краю ее виднелся белый домик, за ним яблони в цвету, чуть в стороне — три высоких темных ели, а кругом лес. Большая дача с мезонином под крутой крышей стояла близко к воротам, к ней вела тенистая аллея из молодых лип, заросшая мхом. Напротив ворот — гараж или сарай, вокруг кусты бузины в белом цвету, бушует молодая крапива. Участок неухожен, запущен, казалось, тут давно не живут. Птичьи голоса звенят кругом, кукует кукушка.

Маленький домик в глубине, на краю поляны, мне подходит, — решила я. Вкус предстоящего лета — тихого, зеленого, наполненного запахами, голосами птиц, трудом без помех, — был так заманчив, что мне стало весело.

В конторе поселка сказали: владелец приглянувшегося мне участка — генерал в отставке Карлюк, бывает по воскресеньям...

За распахнутыми воротами стояли желтые "Жигули", невысокий сухопарый мужчина был занят машиной, узнав, что я ищу дачу, повернулся, оглядел меня и, спросив, кто я такая, пригласил в дом. Семеня и подшаркивая, шел он впереди, и видно было: он стар, хотя и бодрится. Через большую веранду с пыльными стеклами прошли в сумрачную комнату с громоздкой мебелью.

— Вот и наша зала, — сказал Карлюк, — там еще комната и вторая веранда. Можете посмотреть комнаты наверху — три спальни. Всё с полной обстановкой, выбирайте, что понравится.

Я попросила сдать мне маленький домик за поляной, "временку". Он хотел, чтобы я сняла в большом доме, уступил неохотно. На веранде висели связки ржавых ключей, но ключ от временки не нашелся. Карлюк предложил осмотреть помещение через окна — отлично видно, ключ он найдет потом.

Узкой тропкой шли мы через поляну. Красавица поляна сияла под солнцем: светилась каждая травинка, радужно блестели капли росы, первые цветы — розовый клевер, желтые лютики, нежно-синие колокольчики — едва поднимались из травы. Возле домика, на пригреве, распускал бутоны шиповник, затесненный крапивой. И всюду — на деревьях, в кустах, на крыше свистели, щебетали, тенькали непуганые птицы.

Хозяин, запросив за дачку немалую цену, заверил меня, что я буду жить без забот и хлопот, "как царица". Он хотел получить деньги сполна, но у меня хватило только на задаток.

В условленный день я приехала на дачу с вещами. Таксист внес коробки и чемодан за калитку и

уехал. Двери на веранду и в комнаты большого дома открыты, зову, не отвечают, вхожу – никого, только на пыльном полу следы мужских ботинок. В верхних комнатах тоже никого. Мятая подушка в грязной наволочке, гребенка с оческами волос, губная помада возле потускневшего зеркала, а на лестничной площадке у стенки – дохлый мышонок.

Странное чувство возникало в этой запыленной даче – смутное ощущение неблагополучия, нечистоты и обмана.

В маленьком домике хозяина тоже не было, решила подождать в саду и пошла бродить. Пели птицы, куковала кукушка. За молодыми березками и кленами открылась круглая полянка. На ней, под кружевной тенью молодых листьев, на расстеленном одеяле, спал светловолосый юноша.

Темные ресницы лежали на осмугленных щеках, тонкие черты лица, длинные прямые волосы рассыпались по согнутой руке. Даже приоткрытый в глубоком сне рот не портил его красоты, и я залюбовалась прекрасным отроком.

Вдруг он распахнул синие глаза и сказал хрипло, с раздражением:

– Ну, что?!

Я объяснила ему: ищу Александра Александровича, нужен ключ от времянки.

Отпрыск – пожалуй, лучше назвать его так, – тяжело поднялся, пошарил в карманах джинсов и протянул мне плоский ключ. Пробурчал "отец будет позже", повалился на одеяло и закрыл глаза.

Снова закричала кукушка, но как-то необычно. Меж берез появилась женщина в легком развевающемся одеянии. "Ку-ку, Олежек, где ты?". Отпрыск буркнул что-то, приподнявшись. Женщина приблизилась, боязливо ступая босыми ногами, светлые волосы падали на загоревшее лицо, но не затеняли его красоты. Они были похожи, эти двое.

– Простите, вы сестра или... мать?

Оба смеются, и Олег, включаясь в игру, говорит светским тоном:

– Виноват, я должен был представить: моя прелестная мамочка.

– Таисия Михайловна, – добавляет она.

Ключ, который они мне дали, замка не открыл, призванный на помощь отпрыск повертел ключом, подергал дверь и, пожав плечами, ушел. А я уехала домой.

Поздним утром следующего дня я вернулась на дачу. Дверь в домик открыта настежь, мои вещи стоят в прихожей, полы подметены, пахнет пылью и пылью. Карлюк протирал полки в холодильнике. Он просил извинения – задержали срочные дела, зато сегодня поторопился всё подготовить. Даже ведро с водой, прикрытое дощечкой, стояло на табуретке.

С удовольствием занялась я приборкой и устройством. Мыть полы, шлепая босиком по доскам, брать воду из маленького прудка позади домика, стоять на влажных мостках и смотреть на жуков-водомеров – всё доставляло мне радость. Покончив с разборкой, я прилегла отдохнуть. Двери стояли нараспашку, запах травы и молодой листвы, нагретой солнцем, наполнял дом. Отсюда, с дивана, в открытую дверь видны были голубое небо и темные ели, на верхушке одной копошилась большая птица.

Тут я вспомнила про ключ – где он? В замке ключа не было. Надо бы узнать. Я всё медлила, но зашумел мотор – уезжают! Бегом к большому дому, все уже в машине. Прелестная мамочка, сияя улыбкой, машет мне рукой. Карлюк выруливает на улицу.

– А ключ, ключ?! Сан-Саньч, где же ключ от домика?

Хозяин выходит из машины, закрывает ворота.

– Ну, что вы так беспокоитесь? Ключ, оказалось, не от того замка, поищем, найдем...

– Нет-нет, а если надо уйти, уехать?

– Хорошо, я пришлю вам Никешу, он всё сделает.

И машина исчезла.

”А как он открыл дверь без ключа?”. Придя в дом, быстро нахожу ответ: окно в комнате не запирается – сломаны шпингалеты.

Подошел вечер, стало смеркаться, зазудели комары. Обещанный Никеша не появлялся. А тут еще огорчение: электроплитка не работает. Даже чаю выпить нельзя. Что делать? Закрыла от комаров окна, заложила двери палкой и легла спать. Какие-то шорохи и шаги мерещились мне, а, может, снились, не знаю.

Проснулась около шести. Солнце освещало стенку над диваном, птичье пение звенело сквозь закрытые окна. Скорей на поляну, под солнышко! И всё открыть – двери, окна. Но двери почему-то не открывались. Пришлось лезть в окно. ”Вот так и буду лазить всё лето”, – посмеялась я. Потянулась, присела под кустиком. Поднимаюсь, и вдруг мужской голос:

– С добрым утречком!

Я смутилась. На скамейке под яблоней сидит коренастый мужичок в мятой кепочке, брезентовой куртке, по глаза зарос бородой цвета старого мха, а глаза, как голубые незабудки. Похож на доброго лешего, улыбается и успокаивает:

– Ничего-ничего, дело утреннее... Вчера пришел – спишь. Глянул в окно: сладко спит, будить жалко. Дверь припер. Для верности.

Тут только увидела я доску, которая держала дверь, упираясь в крыльцо. Да, придумал, – действительно лесовик. Значит, он и есть Никеша.

Усомнилась, справится ли он с английским замком? Никеша тут же ответил на мои мысли.

- Сан-Саныч сказал "дверь", а тут замок, ключ. Дерево - забор, крыльцо - это да. Топор, молоток, пила есть. А железо - нет. Не умею.

Он подошел к двери, потрогал замок большим желтым ногтем.

- Щеколду изнутри, вертушку - на ночь.

- А как же, если надо уйти, запереть снаружи? Вдруг кто зайдет, вдруг машинку мою унесут?

- Не зайдет никто. Кому нужно? Снаружи - доской. Как я. Крепко.

Вспомнила про плитку, спрашиваю, есть ли в поселке электромонтер. Никеша отвечает загадочно.

- Его нет. Умер. Скоро вернется.

Что такое он говорит?

А Никеша глядит спокойно и поясняет:

- Тесть у электрика помер. В деревне, далеко. Приедет. Пока можно таганок. Хворост сухой.

Никеша ушел в сарай и вскоре принес два кирпича и охапку нарубленных веток. Чайник быстро вскипел на спором огне. Я заварила чай и пригласила Никешу позавтракать со мной.

Он тщательно вымыл руки под рукомойником, висевшим на яблонево́й ветке. Позвал меня:

- Пойдем, покажу, как воду брать - колодец-то обвалился.

На задах, у забора, лежали почернелые доски и бревна - рухнувшие крыша и ворот, а в остатках подгнившего сруба, зеленого от мха, виднелась близкая вода, в которой плавали не то крошечные рыбки, не то жуки. Никеша успокоил меня: колодец заброшенный, но вода чистая, откуда здесь быть грязи, а ведро надо опускать вот так - он взял багор, стоявший подле, показал.

За чаем мы познакомились: Никеша, Никодим, отчества не надо, просто - Никеша. А ты? Вера -

хорошее имя, Вера, Надежда, Любовь – душевные имена. Ты очки сними – покажись. Глаза у тебя светлые, добрые. Жаль, спрятанные.

Внимание Никеша к моей внешности меня смутило. И я перевела разговор на другое – жить без плитки и замка мне будет неудобно, не может ли Никеша отпустить меня в Москву, покараулить незапертый дом.

– Не надо в Москву. На Запрудную. Там мастер. Из детдомовских. Всё умеет. Зовут Глеб. Белый дом.

После третьей кружки сладкого горячего чая Никеша вздохнул довольный и сказал доверчиво:

– Меня Сан-Саных с дерева снял...

Я молчала. Если дошло у человека до петли, лучше не спрашивать, не бередить. Никеша продолжал сам:

– Приехал на машине. Опята резать. С ножом. Полный лес грибов. А я на дереве...

Никеша примолк, молчу и я.

– Увидел Сан-Саных – я на дереве. Говорит: нехорошо, слезай. Шалаш мой увидел, говорит: гнездо свил, ты не грач. Спрашивает: "Дом есть?". – "В деревне изба". – "Зачем ушел?". – "Жена выгнала". – "Ее изба?". – "Моя изба". – "Садись в машину".

Привез Сан-Саных Никешу домой, а дома сидит толстая баба, водку пьет с чужим мужиком. Сан-Саных их отругал, мужик ушел, а бабу Сан-Саных выгнал. "Совсем выгнал – к матери послал. Мать у нее в Рябках, дом большой, места хватит". Никеша остался один. Картошку выкопал, отдал бабе половину. Хоть и незаписанные жили, но огород сажали вместе. Работает Никеша зимой сторожем в поселке, привык и к нему привыкли. Летом подрабатывает по дачам: пилит-колет, заборы чинит, траву косит, ямы копает. Кому что требуется.

Никеша вынул замок из двери, снял ключ с гвоздя, прибил деревянную вертушку-запор и обе-

шал придти часа в четыре, отпустить меня на Запрудную.

Пообедала кулешом с дымком, прибралась, оделась, а Никеши всё нет. Потасила машинку в сарай, спрятала, прикрыла хламом. Приперла двери доской и ушла на станцию. Будь что будет, а жить без замка и плитки невозможно.

На Запрудной, никого не спрашивая, пошла прямо к беленькому домику на косогоре. Мастер был еще на работе. Об этом сказал мальчонка, один из трех белоголовых, копавшихся в песке. Из домика вышла молодая женщина с запеленутым младенцем на руках и подтвердила: муж сейчас будет.

Стукнула калитка, вошел молодой мужчина с чемоданчиком и сумкой в руках, за ним вкатилась рыжая мохнатая собачонка, остановилась, решая, надо ли меня облаять или уже не стоит.

— Шарик, на место! Встречает меня на станции. — Хозяин улыбнулся. Лицо его было мне знакомо, у меня цепкая память на лица.

Мы присели на скамью, дети нас окружили. Глеб вставил ключ в замок и попробовал повернуть, как бы нащупывая, где заедает, потом провел отверткой по спирали плитки. Ребята следили за отцом с интересом. А я глядела на Глеба, на тонкое красивое лицо, прямой нос, широкий разлет бровей, прямые светлые волосы. Конечно, я его видела. Вот теперь буду ломать голову — где?

— Где я могла вас видеть? Где вы работаете?

— На шлюзах, механиком. Вряд ли мы там могли встретиться. Должно быть, в электричке видели — два раза в день езжу.

Он поднялся. Сказал, что ключ подточит сейчас, а плитку придется оставить до послезавтра.

Дома меня ждал взволнованный Никеша.

— Машинку швейную украли. Дверь заперта, а вот унесли.

Успокоила его, сказала, что спрятала сама, объяснила, какая это машинка, даже показала, как я печатаю.

Он испек, ожидая меня, на углях несколько картофелин. С фаршированным перцем, который я привезла, получился вкусный ужин. "Эх, сюда бы "маленькую", – сожалел Никеша.

Он занялся замком, удивляясь, как легко теперь поворачивается ключ. Вдруг замер с поднятой рукой – т-с-с-с! – и шепотом:

– Молоко есть? Плесни в блюдо.

Поставил блюдечко чуть от крыльца, к кустам, и зацокал сквозь зубы часто-часто. Шевельнулись листья травы, высунулась острая мордочка, вылез ёж в серобурых иглах, обнюхал блюдце и принялся лакать молоко. Никеши он, видно, не боялся. Пока ёж пил, а Никеша смотрел на него ласково, я поглядывала на обоих и убеждалась, что они похожи как братья: оба заросшие до глаз, коричневобурые, неуклюжие. И еще общее было в них – милое простодушие, доверчивость. Ёжик напился, зачуфыкал, зашуршал и скрылся в сухих листьях под кустами.

– Знакомый мой. Осенью сдружились. Сторожил когда.

И вдруг без всякой подготовки, прямо, от души:

– Хочешь, ночевать останусь?

Я поспешно отказалась. Ответ его не обидел. Он вышел из разговора достойно.

– Как знаешь. Я думал – боишься одна.

"Одинокий человек, ищет тепла", – подумала я и тоже не стала обижаться.

После Никешиного ухода я не смогла найти шариковую ручку, блестящую, красивую – заграничный сувенир. Долго искала, исползала всё и переверорошила. Огорчилась. Не ручку мне было жаль, конечно.

На следующий день, во вторник, я предалась

тихой лесной жизни. Отсюда, с моей поляны, уходить никуда не хотелось. День солнечный, ясный, начался с пения зарянки, потом к ней присоединился хор других малых птах. Их перебили громкие бранчливые голоса двух сорок, они переругивались, перелетая с ветки на ветку, и затихли где-то над мусорной ямой. На меня накатила летняя ласковая лень: хорошо сидеть и смотреть то вверх – на небо, на ветки, то вниз, в травяную чашу, где всё живет, движется, делает свое дело, где случаются тревоги, но нет едких тревожных мыслей. Неужели человек уничтожит вместе с собой и этот прекрасный певучий зеленый мир? К счастью, он еще цел, дышит теплом, солнцем, запахами травы и земли, успокаивает, исцеляет. И покой овладел мной.

Меня занимает большая ворона. Голос ее я слышала вчера: громкое, властное карканье несло сверху, с высокой ели. Ранним утром я видела ворону на самой верхушке, где был, очевидно, ее наблюдательный пункт, – там ветви догола истерты когтями птицы. Теперь, когда солнце пригрело траву, ворона слетела на лужайку, поросшую пушистой травой, важно вышагивала, кивая головой и склевывая что-то из-под ног. Красивая, с большим чувством собственного достоинства птица. Я дала ей имя – Клара.

Всё меня радовало, всё сулило мирное тихое лето.

Перед заходом солнца постепенно умолкали птицы. Устраиваясь на ночь, они тихонько чиликали, попискивали, порой сонно вскрикивали. В сумерках пришел ёжик, пил молоко.

Легла пораньше, заснула легко и быстро.

Проснулась я внезапно, тревожно. Комнату освечивал яркий луч. Он прополз по одной стене, поднялся к потолку, уперся во вторую стену и погас.

Сердце испуганно застучало, я лежала, прислушиваясь, и опять наглый луч зашарил по комнате, но тут же я услышала шум мотора, хлопнули дверцы машины, одна, другая, слышались голоса. Посмотрела на часы – второй час ночи. Кто приехал, зачем? Надо встать, посмотреть, но не хочется идти одной сквозь темноту на встречу неизвестно с кем. Всё же я поднялась, но тут на даче зажегся свет – сразу в нижних и верхних окнах, высвечивая стволы деревьев. Стукнули распахнутые рамы. Хозяева? В ответ рванула музыка сотрясающей громкости, саксофоны и трубы возопили до вершин старых елей, грохнули ударные, и вдруг хриплый сдавленный крик, как вопль погибающего, ввинтился в ночь. И пошло – всё громче, всё быстрее, подскакивая, перегоняя одно другое. А сквозь музыкальный шквал – выкрики, смех, визг, свист. И час, и два, и три. Голова набрякла, казалось, сейчас лопнет череп. Внезапно всё оборвалось, наступила блаженная тишина, и я упала на подушку без сил, отпущенная напряжением, которым всё мое существо защищалось от звуковой атаки.

Был серый предутренний час. Голоса, смех и взвизги выплеснулись из дому и растеклись по саду. Кого-то искали, окликали, чьи-то шаги прошуршали за моей стеной, кто-то влез на крыльцо, спотыкаясь, и зашарил по двери, непристойно бранясь. Кого-то рвало, и громкие рулады приветствовали гиканьем и свистом. Из кустов слышалось хихиканье, шорох, нетерпеливые мужские голоса. Завозились на моем крыльце, заохали, застонали.

Только когда взошло солнце, наступил, наконец, покой.

Я оделась, заперла двери – уезжаю в Москву. Возле ворот стояли желтые "Жигули" и вторая машина, красная, обе с распахнутыми дверцами, в них спали, вывесив наружу ноги. Везде валялись

скомканные бумажки, окурки, бутылки, мусор, на дорожке нагажено, над блевотиной роятся мухи.

Я шла на станцию, злая, несчастная, жалея оскверненную поляну.

В Москве позвонила Карлюку, сказала о минувшей ночи и просила вернуть мне деньги за дачу, жить у них, к сожалению, не смогу.

Карлюк ответил, что немедленно выезжает: Олег отправился со своей компанией, не предупредив, больше это не повторится.

Утром я поехала на дачу в твердой решимости с Карлюком порвать.

За воротами стояли его "Жигули", кругом было посыпано влажным желтым песком, на дорожке к дому работал Никеша. Он приветствовал меня одним только словом, оно выражало всё – осведомленность, осуждение, сочувствие ко мне: "Бардак!".

У дверей веранды меня поджидал Сан-Саных. Идти к нему в дом я отказалась и пригласила с собой, в домике и произошло объяснение. Начал Карлюк с того, что молодежь имеет право на веселье, тем более, что отмечали окончание учебного года. Я сказала, что не собираюсь обсуждать с ним педагогические проблемы, общие и его семейные.

– Привезли вы мои деньги?

Карлюк вытащил из кармана две пятидесятирублевые бумажки.

– У меня нет больше денег, хотите верить, хотите – нет, – сказал Карлюк и вдруг заплакал.

Слезы потекли по его щекам, он затрясся, стараясь подавить рыдания. Я не знала, что говорить. Ясно, не из-за денег он плачет. Сан-Саных вытащил грязный носовой платок, высморкался, вытер лицо.

– Останьтесь, прошу вас. Ничего подобного больше не будет, поверьте. Мой пасынок (вот как – Олег ему неродной!) неплохой парень, но к нему липнет разный сброд. Он меня не слушает, а Тасенька сей-

час в командировке. Олег непременно принесет вам свои извинения...

"Прошу вас, не надо", - дернулась я, но уже сдавалась - плачущий старик с крашеными волосами, грязным платком и остатками от дачных денег в кулаке, неухоженный и несчастный, победил.

Карлюк клялся, что я буду иметь полный покой. "Всё убрано, всё чисто, Никеша сейчас закончит, а мы с Олегом уезжаем".

Через пять минут пришел Никеша, сел на крыльцо, потирая красные, зазябшие от холодной воды руки. Сверху - я стояла - хорошо была видна в нагрудном кармане его брезентовой куртки моя заграничная авторучка.

- Бардак, полный бардак, - повторил Никеша со вздохом, - продает дачу, двадцать тысяч. Говорит всем - продается. Не хочет, потому что бардак. Мальчишке - бардак, мамаше - бардак...

Никеше полюбилось слово, которым в наше время обозначают любой беспорядок, но для Никеша оно не теряло первоначального и, видно, притягательного смысла. Чтобы отвлечь его, я спросила:

- Никеша, не моя ли ручка блестит в вашем кармане?

Он, чуть смущаясь, вытащил ручку и, поворачивая ее в корявых пальцах, сказал грустно:

- Красивая вещь. У меня нет красивой вещи. Один хлам.

- Ну, что же, возьмите, если нравится, только надо было попросить, я бы не искала.

- А вдруг бы ты не дала?

Я засмеялась, - что тут скажешь? Показала, как обращаться с ручкой, и прикрепила зажим к краю кармана.

- Даришь? Спасибо. Нет, лучше спрячу, а то ухватят. Картошку будем печь?

И Никеша, звякнув ведром, пошел к колодцу мыть картошку.

Со следующего утра я плотно засела за работу.

Дни шли тихие, спокойные. На дачу никто не приезжал. Приходил Никеша попить чайку, тихо посиживал на крыльце, смотрел заворуженно, как я печатаю на машинке. Поначалу он мне мешал, но вскоре я привыкла. Если задумывалась надолго, он начинал вздыхать, ерзать, наконец, не выдерживал: "Ну что ты? Или заело что?". Я объясняла: думаю, ищу нужное слово. Иногда Никеша ворчал: "Какой такой "серый дождь"? Разве дождь бывает "серый"? Дождь я знаю теплый, холодный, бывает проливень, окатный, а то - ситух, еще сеножной, сорокаденный, от Самсона на сорок дён, а ты - "серый..." Я объясняю: "серый" - значит унылый, обложной, скучный... "Тогда морось", - определял он.

Я всё больше ценила знакомство с ним.

Сначала я принимала его просто как главного среди лесных жителей, он забавлял, занимал меня, но постепенно я открывала в нем всё больше ценного. Никеша - человек первозданной чистоты, душа его, как вода подземного ключика - свежа, чиста, в ней нет, не может быть никакой грязи, никакого сора. И еще, думалось мне, есть в нем какие-то скрытые душевные силы.

День за днем текло мирное лето на лесной поляне. Синица чуть на голову не садилась, требуя крошек. Я назвала ее Тинькой. А вот ворона Клара, вопреки надеждам, дружить не хотела, хотя и принимала иногда угощение, положенное на ее изумрудную лужайку. Вечером приходили ежи, вдвоем. Над одним блюдцем они начинали толкаться колючими боками, пришлось поставить второе.

Отцвели яблони, зеленые яблоки лепились на ветках. Высоко, до пояса, поднялись травы, появились грибы, попадались белые, и в доме пахло грибным супом. Однажды Никеша пришел с косой - Сан-Саных уехал на месяц в санаторий и

велел скосить траву, сухой осенью случаются пожары. Я огорчилась, но душистые запахи сена утешали, а трава принялась расти с новой буйной силой. Погода стояла хорошая, перепадали дожди, налетали грозы, но солнышко быстро высушивало поляну. В птичьем царстве время любви миновало, начались семейные заботы.

Однажды под деревом, на котором было птичье гнездо, я нашла мертвых птенцов, но птицы продолжали летать с кормом. Неприятный требовательный крик раздавался сверху. Рассказала Никеше, он послушал и подтвердил – кричит кукушонок.

– Кукушек тут много. Хитрые птицы. Паразитки. Детей нагуливают, а растить не хотят.

Электрик, – а его приходилось вызывать часто – из-за старой проводки – рассказывал о моих хозяевах, хотя я его не спрашивала.

Карлюк женился на Таисье Михайловне против воли своей матери. Властная старуха хотела, чтобы овдовевший сын нашел одинокую солидную женщину и думал больше о дочери. Но он влюбился в молодую, красивую, привез ее из Евпатории, где лечился от ревматизма, а она работала инструктором по лечебной физкультуре. Бабка забрала внучку, потребовала выделить ее долю и построила кооператив.

Через несколько лет, – рассказал электрик, – кто-то из поселковых привез с юга такие слухи: у Таисии Михайловны было двое детей, но одного она отвезла к матери на Украину. "Видно, соображала, что с двумя ее никто не возьмет". Ребенок заболел там, у бабушки, и умер. Взглянув на мое нахмуренное лицо, монтер замолчал.

Новые заботы свалились на меня: нашествие мышей. Никеша объяснил это косьюбой на участке, а также вероятным приближением затяжных дождей, о чем мыши знали.

- Кошку, что ль, принести?

В птичьем царстве кошка была нежелательна, я отказалась. Никеша посоветовал приручить ежой к дому, ежи тоже ловят мышей.

А пока, до приручения ежой, решили разобрать штабель старых журналов в передней, за ним слышалась возня и писк.

Никеша предполагал, что там прогрызены главные мышиные ходы. В самом низу я нашла номер журнала пятнадцатилетней давности с моим очерком о фресках псковской церкви Рождества Богородицы. Отряхнула на крыльце журнал от пыли и паутины, из него выпал заклеенный конверт с надписью в пять слов: "А это тебе на память". Поднял конверт Никеша.

- Кому же это? - подумала я вслух.

- Тебе. Написано же - тебе. На память.

- Письмо из журнала выпало, Никеша, и долго лежало в нем. Как может быть мне? От кого - мне?

- Может, от Богородицы.

Никешу иногда заносило, а, может, просто успел прочитать заголовок.

- Богородица женщин любит. Открывай, читай вслух.

Он хотел узнать, что пишет мне Богородица, а я не хотела раскрывать чужое письмо и сказала ему об этом.

- А как узнаешь, кому писано, если не откроешь?

Однако письмо осталось нераспечатанным и долго лежало на веранде, на столе. Потом конверт исчез, я не могла найти его. Вспомнив историю с ручкой, обратилась к Никеше.

- Ты не читала, я взял почитать. Нет там письма - фотокарточка. На, возьми.

И он вытащил из кармана конверт со старой потускневшей фотографией.

На берегу моря сидит молодая красивая женщина, откинув голову, смотрит рассеянно вдаль. Обеими руками она обнимает малышей, которые серьезно глядят в фотоаппарат. Мать я узнала сразу - Таисья Михайловна. Дети одного возраста и совершенно на одно лицо. На обороте надпись карандашом: "Олег и Глеб 1 год 9 мес.". Братя-близнецы, двойняшки. Глеб. Глеб? Неужели тот Глеб, с Запрудной? Может ли это быть?

Долго я молчала, жалела, что нашелся этот конверт, что Никеша открыл его. Чужая тайна тяготила меня. Я как бы стала соучастницей преступления, о котором должна молчать. Не открыла конверт Таисья Михайловна. Но и не сожгла. Спрятала и забыла.

А Никеша стоял тут же и через плечо разглядывал снимок. Потом сказал:

- Хорошенькие детки. Ангелочки. Богородица тебе послала - не скучай. Спрячь в сумочку. Никому не показывай. Умолчи.

И я оставила конверт с карточкой у себя, поражаясь Никешиною прозорливости.

Лето шло и проходило, птицы учили летать птенцов, стошла смородина, цветы осыпали лепестки, созревали, краснея, плоды шиповника, то здесь, то там проглядывала желтизна в листе. Жизнь на лесной поляне текла тихо, мирно. Иногда приезжал кто-то на большую дачу, бесшумно, почти незаметно. Как-то ночевала серая "Волга" - не у гаража, а в глубине участка, за кустами. Утром промелькнули на том краю Прелестная мамочка и высокий мужчина с барственным статью - промелькнули и уехали. Еще раза два видела я серую машину, прятавшуюся за бузиной. Карлюка долго не было, вернулся он из санатория - загорелый, суетливый, привозил каких-то людей, водил по участку, может, и правда хотел продать дачу. Раз

два появлялся отпрыск, вел себя тихо. Всё это было далеко от меня, да и приезжали они редко.

Как-то у колодца я встретила с лосем, он стоял на краю, уперев сильные передние ноги и, вытянув шею, нюхал воду, но дотянуться не мог. Никеша сказал, что лось прошел через пролом в заборе, приходил пить, потому что возле озера сейчас шумно, много туристов. Надо ставить для лося ведро с водой близь колодца, а бояться его не надо, — Никеша его знает. Про всех зверей он говорит, как про своих близких, любовно.

Благостная лесная тишина покрывала поляну, а вместе с ней и меня. Мерная смена теплых дней и прохладных ночей, особая прозрачность воздуха и высота чистого неба — казалось, никогда я не жила такой покойной мирной жизнью.

Внезапно всё кончилось.

Было солнечное ясное утро, я убирала после завтрака со стола, как вдруг услышала громкий треск и нарастающий гул. Выскакиваю — пожар! Горит большая дача! Вся в огне, как огромный костер. Пылает жарко и жадно. Огонь с властным гулом вздымается прямым, почти бездымным факелом в небо.

В испуге я остоленела: как это вдруг охватило весь дом, он запылал в считанные минуты, как сухая лучина, без дымного запаха, огонь не подкрадывался, вспыхнул сразу. Откуда? Как? Что делать — бежать, кричать? Но уже кто-то бежал и кто-то кричал по ту сторону пылающего дома.

Ужас, страх и вместе с тем какой-то первобытный восторг охватили меня — так мощно, так яростно бушевало пламя. Стены светлели с каждой минутой, и вот уже всё строение стало оранжево-красным, но еще держалось, стояло.

Заполошно кричали птицы, целыми стаями поднявшиеся в воздух, они кружили, опасаясь приближаться к огню, но не улетали прочь.

Набежали люди с баграми, топорами и ведрами – местные пожарные силы. Стояли поодаль, подойти было невозможно, так силен был жар. Да и поздно было спасать дом – его уже не было. Дымились ближние деревья, свертывалась почерневшая листва. Из криков и шума я поняла, что вызвали пожарную команду с Запрудной.

Кто-то кричал: "Газ! Газ! Баллоны взорвутся!" Народ ринулся с участка, но быстро успокоился: два больших красных баллона лежали в стороне в зарослях крапивы.

Пожарная военизированная команда приехала, когда огонь отбушевал, стены рухнули, шиферная крыша провалилась внутрь, только светилась гора красно-желтых жарких углей, по которым пробегало синее угарное пламя. Надгробием погибшему дому стояла высокая узкая печь в черных трещинах и потеках, подобных тайной эпитафии на неведомом языке. Сожженные молодые липы окружали пожарище. Затих огонь, умолкли крики и властные распоряжения, команда уехала, окропив водой кучу углей.

В наступившей тишине все слышали хохот и крики разбуженной птицы – совы или филина, – которая пряталась поодаль в чаще шатровой ели, ворочалась, ухала, будто смеялась, встряхивала ветви, осыпая сухую хвою и кусочки коры. Вблизи ели неожиданно возникла Прелестная мамочка, по злому лицу ее, испачканному копотью, стекали крупные черные слезы. "Дурак!" – закричала она, оборотившись к дереву, – "Дурак несчастный, спалил двадцать тысяч!" В ответ с дерева вновь послышался странный хохот. "Сошел с ума", "решился", "тронулся" – говорили, расходясь, люди.

– Не знаете, – обратилась ко мне Таисья Михайловна, – бриллианты могут выдержать такой жар?

– Какие бриллианты? – пробормотала я, не понимая, о чем она.

- Ах, Боже мой! - она досадливо махнула рукой.
- Бриллианты, бриллиантовые серьги, я спрятала их в сахарницу с песком, в буфет.

Она всхлипнула и прикусила губу.

"Зачем же серьги в сахарницу?" - не поняла я, но ничего не спросила. Не до серег тут, казалось мне.

А под елью уже стоял Никеша. Снял свою заношенную кепочку, поклонился низко дереву, потом прикрыл голову и, подойдя к самому стволу, сказал кверху:

- Слазь, Сан-Саныч, давай потихоньку. Нехорошо на дереве - ты не птица. Не бойся, я тебя приму.

Люди расходились, переговариваясь. Жалели Карлюка - большой убыток. Ничего, дача застрахована. А новую строить - попробуйте-ка. Осуждали хозяина, электропроводку давно надо было сменить, незаботлив, скуповат Карлюк, запустил свою дачу. А теперь ума лишился. Ну, это от испуга - пройдет.

Проводка проводкой, но можно было построить и другую версию. Вот ее звенья: серая "Волга" в бузине - газовые баллоны в крапиве - бриллиантовые серьги в сахарнице. По этой цепочке можно добраться до истинной причины пожара.

Не жалела я погорельцев - их страсти вызывали брезгливость. Не жалела я и дом. Какой это дом? Никому он не дом, значит, просто строение. Деревья жалела, особенно молодые липки, росшие у самой дачи, - сглодало их пламя. Жаль было почерневшую траву, обуглившиеся скворечни, напуганных птиц, растерявших молодняк.

Не сочувствовала и одуревшему старику - он был жалок, но и смешон. Наткнулся ли он на бриллианты, припрятанные в сахарнице, или ему донесли про серую "Волгу", ночевавшую под бузиной. А, может, еще что-то, о чем нельзя догадаться... Прав был, опять же, Никеша.

– Напрасно красился, – сказал он. – Бабы ладно уж. А мужик хоть искрасся весь – толку нет. Что уж, раз старый. Надо прощать.

Черное пожарище наводило тоску. Перепуганные птицы разлетелись, не показывалась гордая ворона, исчезла резвая синица. Перестали ходить ежи. Пахло гарью, с погорелого места поднимало ветром золу и пепел.

Я решила уехать. Никеша провожал меня, помогал тащить вещи. Ехали электричкой. Никеша бормочет – то ли мне говорит, то ли думает вслух.

– Дом сгорел. А кто виноват? Теперь ходит, ищет. Пусть поплачет. Палкой в угольях ворошит. А чего ищет? Сгорело – не вернешь.

Только не мог знать Никеша, что ищет в золе Прелестная мамочка. Золото и драгоценные камни не блестят для него. Он их не может угадать.

Удивительные шарики

История эта немного странная или кажется такой: не всё в ней понятно. Произошла она в мае прошлого, нет, позапрошлого года. Время летит! Не только недели, месяцы, но и годы начинают отщелкивать с неприятной механической поспешностью.

Одним майским утром Лысачева бабка взяла большую сумку и пошла по микрорайону собирать бутылки. Бабке необходимо было сдать бутылок рублей на пять, чтобы сварить сегодня обед себе и внуку, а может, еще накормить сына, если придет ночевать.

Не успела Лысачева пройтись вдоль ближних посадок, как что-то зазвенело-запело в небе и, подняв голову, увидела она самолетик, совершенно розовый, а за ним кружевной, тоже розовый, след. Кружево ложилось петлями всё ниже и ниже, и

вдруг самолетик сел на крышу шестнадцатизэтажного дома. Тут бабка поняла: никакой это не самолет, а птица, вроде орел, пожалуй, даже не птица – ангел. Он трепыхал крыльями, и от этого трепыханья образовался как бы прозрачный розовый шар. Рассмотреть чудо вподробности не удалось, против света было неловко. А это самое – самолет, птица, ангел – с крыши снялось, сделало над микрорайоном круга три, постепенно поднимаясь и оставляя за собой легкие жемчужные облака, а затем скрылось.

Над домами повисло трехъярусное колеблющееся кольцо, радужное, переливчатое, и начало медленно оседать. Оседать и таять, а близко к земле истаяло, исчезло совсем.

Лысачева бабка потом утверждала, что видела ангельские розовые крылья и развевающиеся одежды, наподобие тюлевых гардин, тоже розовые.

Летающее явление заметили еще несколько человек.

Один из них был сын бабки – Лысачев Василий, или попросту Васюня. Сорокалетний Васюня возвращался домой от знакомой разводки после нескучного воскресного вечера и приятной ночи. Шел он домой переодеться в рабочее и по возможности взять у матери трояк на обед и курево. Последние из своей получки денежки Васюня порастратил. Без портвейна в гости идти было неловко, да еще следовало прихватить хлеба белого, колбаски – у них там со жратвой не организовано, – а так как был Васюня человеком совестливым, то купил сыну разводки, школьнику, в киоске "Союзпечати" разной ерунды на рубль.

Уходя от женщины пораньше, пока парень ее не проснулся, захватил Лысачев две порожние бутылки и бросил в кусты, как велела забавушка. Не хотелось ей, чтобы сын обнаружил в доме пример

плохого поведения в отношении спиртных напитков.

Забросив бутылки, услышал Лысачев тонкий звон наверху, поднял голову, увидел, будто летит что-то розовое, блестящее, и сразу испугался. С ним уже было раз: увидел розовое, потом красное, потом огненное, а потом свезли его в больницу. Поэтому Лысачев опустил голову, упер взор в асфальт и сосредоточился на своем пути к дому. Ничего определенного о летающем явлении он, конечно, сказать не мог.

Водитель поливальной машины рассказывал, что заметил вертолет необычной конструкции, который сел на крышу шестнадцатэтажки. Водитель решил: испытывают новую машину. Он не знает, был ли вертолет – если только это был вертолет! – розовым, солнце мешало рассмотреть, а звуков он не слышал – шумела вода.

Видели утреннее чудо влюбленные. Возвращаясь с именин, они прогуляли всю ночь, целовались и целовались, не в силах расстаться. Вдруг глаза девушки, смотревшие в утреннее небо, удивленно расширились, она застучала кулачком в спину юноши, а он, взглянув наверх, вдруг прильнул к ней, едва выговорив два полуслова: "инопланет..." и "...шельцы".

– Ты шутишь! – Она вертко освободилась из его рук, взгляделась и возразила: – Никакие не пришельцы – это Ролан Быков снимает новый фильм.

И еще трое увидели необычное явление. Бригада "скорой помощи" возвращалась с вызова. Молодой врач показал девочке-фельдшерице на небо. Розовые хлопья медленно опускались к земле, а самолет – если только это был самолет! – уходил ввысь.

– А вдруг это ядохимикаты! – девушка округлила глаза, играя в испуг.

– Тогда я спасу тебя, – ответил весело доктор и свободной рукой притянул ее к себе.

– Что там? – Шофер высунул голову из кабины, взглянул недовольно на обнявшихся, потом наверх и тут же определил:

– Деревья опрыскивают в парке, от вредителей обрабатывают.

Никто из тех, кто посмотрел в этот час на небо, не увидел, как нежные тающие хлопья, прикасаясь к земле, превращались в маленькие прозрачные шарики. Казалось, крупные градины упали на землю. И хоть они были разной величины, форму имели сферическую, законченную.

Шарики рассыпались по молодой майской травке, свежей, нетоптанной, заблестели радужно, словно капли утренней росы на лугу.

Первыми увидели светящиеся шарики маленькие школьники. Наклонясь за одним, замечали второй, третий и разбрелись, забыв про школу. Присев на корточки, ворошили руками траву и показывали друг другу свои находки.

Удивительные шарики были совсем разные. За прозрачной стеклянной оболочкой – если только это было стекло! – видна была цветная серединка, у каждого своя. В одном шарике поблескивал золотистый зайчик, в другом мерцала хрупкая игла иная, в третьем ветвилась тончайшая ниточка мха. Дети перебивали друг друга: "Смотри, у меня крылышко стрекозы", "Глядите, снежинка, снежинка!..", "А вот лунный свет!" – мальчик поднял шарик, светящийся голубовато-зеленым.

Сталкиваясь один с другим, шарики звенели тонким, чуть слышным звоном.

Учительница первого "Б", Маргарита Ивановна, – дети за глаза называли ее Маргариткой, по имени весеннего цветка – склонилась над своими питомцами. Только что кричала: "Куда вы? Разве забыли,

где наша школа?!", и вот сама увлеченно разглядывает шарики.

А ребят, отправившихся на поиски, становилось всё больше – и уже старшие пошли бродить с опущенными головами между посадками, вдоль дорожек.

Еленка Створжецкая из четвертого "А" нашла пять шариков, ей хотелось поискать еще, но звонок звенел, он звенел давно, и Еленка побежала к школе.

Звонок звенел-заливался в пустом, несмотря на поздний час, вестибюле, и напуганная необычной пустотой нянечка придерживала настежь открытую дверь, чтобы выпустить звон наружу.

Даже аккуратная Еленка опаздывала! Оглядевшись еще раз свою находку, она опустила шарики в портфель. "Дзинь-зинь, зинь-дзинь", – прозвенели они, скрываясь. На уроках Еленка заглядывала в щелочку: шарики светились в темноте портфеля – одни лунно и снежно, другие золотисто, солнечно.

Многие ученики опоздали в этот день, и в классах учителя долго выясняли, что позванивает, будто жужжит, в воздухе, и почему так часто ныряют ребята головами под парты?

Одни учительницы сердились, требовали, чтобы светящиеся шарики были немедленно выброшены, другие расспрашивали, какие-такие шарики рассыпаны по дворам, а третьи, самые молоденькие, пол-урока катали вместе с ребятами шарики по столу, разглядывая цветные сердцевинки и слушая тонкий перезвон.

Директор школы Роза Ефимовна узнала о шариках после первого урока. Женщина деловая, она тотчас позвонила заведующей РОНО: только ли ее школа подверглась такой напасти? Заведующая, Лилия Никифоровна, давняя приятельница, – обе

когда-то начинали в одной школе – могла ей только посочувствовать.

Лилия сказала Розе, что никаких сигналов из других мест покуда не поступало. Впрочем, она позвонит сейчас в городское управление, узнает, как в других районах.

– А из чего сделаны эти шарики? – спросила Лилия.

Роза ответила сварливо:

– Не всё ли равно? Из перлона, силона, а может, просто из тетрагидроизохинолина... Из-за них разваливается учебный процесс!

После звонка в управление Лилия Никифоровна пожаловалась Розе Ефимовне:

• – Несчастный наш район: шарики нигде не появлялись, только у нас. Мало нам знаменитой драки, мало этого чудовища Конькова, теперь еще шарики...

– Да, за Конькова я еще не успела тебя поблагодарить, – перебила ее Роза сердито.

– Разве он теперь у тебя? Ах, да, я забыла...

– Мы бы рады забыть, да не можем, – вздохнула Роза.

Пятиклассник Коньков был знаменитостью района: его "осваивала" уже третья школа. Не было в районе учителя, директора или инспектора, который мог бы совладать с Коньковым. Дня не проходило спокойно: Коньков разбивал носы и стекла, ломал двери и цветы, отнимал авторучки и деньги у малышей, курил сигареты или подобранные окурки и в ответ на замечания и отчаянные крики строил рожи и обзывал учительниц нехорошими словами.

Мать Конькова, женщина одинокая, разочарованная, била сына за каждую двойку, за каждое замечание в дневнике, и особенно жестоко за каждый вызов в школу.

Сокрушительная энергия, воинственный темперамент, твердая воля и стойкость Конькова, доказывающего ежедневно, что он учиться не хочет и не будет, позволяли прогнозировать в нем личность сильную, способную вырасти в деятеля крупного масштаба. Вопрос только — в какой области?

Напрасно ставила Роза Ефимовна в один ряд невзгод Конькова и шарики. Коньков был страшен, но ясен, а шарики нежны и тем страшили особенно. И не одна Роза была напугана. Многие люди, особенно пожилые женщины, в появлении непонятных шариков увидели потенциальную опасность и сочли долгом оградить детей. Правда, не ясно было, от чего надо ограждать, но если не ясно, всё же лучше оградить, не так ли? И взрослые насторожились.

Как только занятия в школе кончились, дети ступились на поиски шариков. Спешить сейчас некуда, можно побродить вдоль железнодорожной насыпи, обследовать березовую рощицу, заброшенный фруктовый сад, где стоял когда-то домик стрелочника, пройтись пустырем между лопухами и крапивой.

Еленка пошла с подружками. Шарики попадались теперь редко. Еленка звала обойти весь "край" — так называли они землю по границе микрорайона с железной дорогой, но девочки заскучали — проголодались, захотели домой.

Еленка тоже хотела есть, но домой ее не тянуло. До вечера она обычно одна, кроме немногих счастливых дней, когда папа или мама работают дома. Еленка пошла бродить по "краю" одна. Шариков и здесь не было видно, но Еленка не побоялась поискать в зарослях молодой крапивы. Обстрекав руки и даже ноги сквозь колготки, она нашла несколько шариков. Наскатывая на ладони каждый новый шарик, девочка определяла вслух его суть, не заботясь о точности: она была не в классе, а на

просторном зеленом пустыре, никто ее не слышал. Еленка сравнивала шарики с тем, что знала: "голубиный глаз", "вечернее облако", или "луч от фонаря", или "капля вишневого сока". Ей нравились придумывать названия, она увлеклась и напугалась, когда за ее спиной внезапно прозвучал резкий голос:

- Девочка, что ты делаешь? Сейчас же прекрати!

К Еленке подошла пожилая женщина в куртке и кепке.

- Ты собираешь шарики? Немедленно выброси!

Еленка только крепче сжала шарики в руке.

Женщина в кепке была пенсионеркой-общественницей одного из ЖЭКов. Она требовала у всех встреченных детей, чтобы они перестали искать и выбросили что нашли. Наконец, устав пререкаться с упрямыми детьми, она пошла домой - звонить в милицию.

Оказалось, о шариках в милиции еще не слышали. Дежурный спросил:

- А вы знаете, кто разбрасывал эти... предметы?

Общественница удивилась: откуда она могла знать?

- Тогда почему вы утверждаете, что предметы были разбросаны?

Женщина растерялась, но не настолько, чтобы оставить дело. Она позвонила самому начальнику и, уже не избегая неосторожных слов, сообщила о "появлении большого количества неизвестных предметов круглой формы с запаянными внутри веществами, возможно - химикатами или даже бактериями".

Еленка устала бродить. Крапивные заросли привели ее в заброшенный сад, на участок стрелочника. От сломанного дома остался один лишь фундамент да несколько толстых коротких бревен. Одно из них лежало под яблоней, заменяя скамей-

ку, вокруг валялись окурки, бумажки, всякий мусор, который так щедро разбрасывает человек по всем зеленым уголкам нашей земли. Старая яблоня, теперь неухоженная, цвела. Нижние ветви ее были обломаны, торчали острыми зубьями, а надломанные висели, увядая. Зато верхние, усыпанные бледно-розовыми цветами, раскинулись широко и торопились цвести, вопреки небрежению и жестокости людей.

Девочка присела на бревно, развязала платок и рассыпала на коленях собранные шарики. Удивительные шарики: нет двух одинаковых, и каждый напоминает что-то, будто приглашает отгадать загадку.

Еленка загляделась на шарики и вздрогнула: кто-то сел рядом. Посмотрела — мальчик в школьной форме.

— Испугалась? — спросил он.

— Просто не слышала, как ты подошел.

— Шарики рассматриваешь? У меня тоже есть. — Он сунул руку в карман, позвенел.

Мальчик был немного ее старше, темноволосый, подстриженный. Серые глаза его быстро оглядели Еленку и остановились на шариках.

Он сказал деловито и спокойно:

— Шарики отдашь мне.

Еленка тотчас свернула платок, сжала в руках, готовая защищаться. Но тут в ближних кустах зашуршало, затрещали сухие ветки. Из зарослей вышла большая собака, рыжая, с черными пятнами на ушах, вокруг глаз и на спине. Она остановилась в нескольких шагах. Зажатый между ног хвост и прилегшие уши показывали, что у собаки нет оснований доверять каждому человеку. Однако вытянутая морда, подрагивающие ноздри и взгляд умных карих глаз свидетельствовали, что собака не прочь пообщаться. Мальчик тихо свистнул, пес вильнул хвостом и сделал еще шаг.

- Это Мухтар, - сказал мальчик, - он боится тебя.

- Мухтар, Мухтар, - позвала Еленка и протянула руку ладонью вверх. В другой она держала узелок с шариками.

Вид розовой ладони, открытой и беззащитной, убедил собаку в добрых намерениях девочки. Мухтар подошел и понюхал руку.

- Погладь, он не тронет, - сказал мальчик.

Еленка осторожно прикоснулась к голове собаки, погладила, пес завилял хвостом, поднял уши.

- Твоя собака? - спросила Еленка.

- Нет, он брошенный. Может, жил раньше здесь, у стрелочника. Приходит сюда, я даю ему поест. Иногда. Здесь много таких - бездомных.

Мальчик достал из кармана кусочек булки и протянул собаке. Пес взял булку и стал жевать, но без особого аппетита, скорей из вежливости.

- Что - не нравится? - Мальчик засмеялся. - Колбаски захотел? А колбаски-то и нет.

- Ой, у меня есть бутерброд! - Еленка положила узелок с шариками на траву и открыла портфель. - Вот, остался от завтрака.

Собака взяла бутерброд у девочки из рук, отошла и, громко чавкнув, проглотила колбасу, а потом стала слизывать масло с упавшего хлеба.

- Ишь ты, сытый, - удивился мальчик, - где-то подзакусил.

Еленке показалось, что мальчик сам с удовольствием съел бы сейчас этот бутерброд. Ей тоже захотелось есть.

Мальчик спросил, как ее зовут.

- Еленка. Еленка Створжецкая.

- Ты что - иностранка?

- Нет, отец у меня поляк. Это его фамилия. Мама - русская. Папа тоже давно в России.

Мальчик с интересом посмотрел на нее.

- Вот я и вижу - ты какая-то не такая...

- Какая - "не такая"?

Еленка собралась обидеться.

- Какая-то уж очень белая...

Еленка была светлой, очень светлой блондинкой. Волосы, заплетенные в косу - льняные, с легкой золотинкой, кожа - молочно-белая, румянец - нежно-розовый, глаза светло-голубые. Еленке не нравилась ее расцветка. Отец, поддразнивая, называл ее то "снежная королева", то "белый кролик". Вот и этот дразнится.

- Нет, ты красивая, даже очень красивая... Настоящая Снегурка.

У Еленки заалели щеки и уши. Никогда ни один мальчик не говорил, что она - красивая. Никто не говорил. От смущения она наклонила голову, перекинула через плечо косу и стала развязывать и опять завязывать вплетенную в нее ленту. Движение женственное, прелестное в своей мягкости, делало совершенно беззащитной Еленку и вместе с ней узелок, в котором завязаны шарики. Узелок лежал на траве рядом с их ногами и был одинаково доступен обоим. Близко от узелка находилась и морда собаки, спокойно задремавшей под охраной добрых знакомых.

- А как зовут тебя? - спросила девочка, медленно завязывая ленту и перекидывая косу за спину.

- Меня-то? Я - Федор.

- Теодор, - привычно перевела Еленка на польский.

- Никакой не тореадор, а Федор. Федька. А у твоего отца имя тоже польское?

- Да, его зовут Станислав. Станислав Андреевич. А твоего как? - спросила она, оказывая встречное внимание.

- А моего никак. Забыл как. У меня много отцов, всех не упомнишь...

Еленка взглянула на Федьку изумленно. Он, конечно, смеется над ней, шутит, но шутка его была неуважительна по отношению к родителям, а в голосе слышалась злость. Девочка удержалась от вопросов. Но мальчик продолжал сам.

Все по очереди меня воспитывали, когда жили с мамашей. А потом мы им надоели. Теперь она воспитывает меня одна.

Он осторожно потрогал скулу, на которой желтел, угасая, синяк. Еленка только сейчас заметила и синяк, и красный рубец, вспухший на руке.

— Мать тебя бьет?! — вырвалось у нее горячо, возмущенно.

— Лупит вовсю, — сказал Федька с гордостью.

Еленка поняла: он гордился не матерью, а своей стойкостью.

— А кто тебя воспитывает? — Он повернулся к ней всем лицом, и тут только она разглядела его хорошенько: серые, недобрые глаза, синяк на скуле, вспухшую на шее зарапину, вьющиеся темные волосы и прямой нос с легкой горбинкой. Мальчик был красив, синяк и царапина его не портили.

Девочка вдруг смутилась и опустила глаза. Тут она увидела узелок с шариками, позабытый на траве, и быстро протянула руку.

— Не бойся, я не возьму, — великодушно сказал Федька. — Мне своих хватит. Смотри. — Он вытащил из кармана пригрошню, высыпал шарики Еленке на колени, в фартук.

— Выбирай, какие нравятся.

— Не надо, я только посмотрю.

И они стали перебирать шарики, разглядывая на свет, перекатывая с ладони на ладонь, передавая друг другу.

— Гляди, вот в этом — планетка, Меркурий. Видишь, мерцает...

Еленка рассмотрела шарик с "планеткой", возразила:

- Нет, это Сатурн. Гляди - кольцо вокруг.

- Не спорь, Меркурий: то пыхнет, то смеркнет.

Еленка поняла: Меркурий, по-Фединому, значит "мерцающий". Она не стала спорить, вероятно, у него нет "Детской энциклопедии".

- Как ты думаешь, откуда взялись эти шарики? - спросила она.

- Говорят, бросали с самолетов.

- Зачем? Непонятно. И кто бросал? Тоже непонятно. - Еленка пожала плечами.

- Одна бабушка рассказывала, что рано утром видела розового ангела, он летал по крышам. Говорит, ангел набросал шариков.

Федька засмеялся, Еленка тоже.

- А какие они - ангелы, у кого бы спросить? Отец твой не знает?

- Такие... полулюди-полуптицы. Летающие люди.

- Старинные космонавты?

- Нет, придуманные, сказочные. Из легенды. Я видела в альбоме древней живописи: люди с крыльями.

- Живопись? Это что?

- Картины. Когда рисуют красками - называется живопись. Ой, мне пора. Наверное, поздно. У тебя нет часов?

- А как же, есть! - Федька поглядел сквозь ветви яблони, отыскивая солнце. - Сейчас не больше трех. Скоро четыре. Ты возьми шарик, вот этот, с незабудкой, он похож на твой глаз.

Еленка колебалась.

- Бери, бери, такого у тебя нет.

- Хорошо, я возьму. На память.

- Ну, еще - "на память". Увидимся! Приходи сюда.

- А ты где учишься?

Оказалось, он в той же школе, только недавно.

Переведен из другой. Просто они не встречались, он ведь в пятом.

– Ну пока!

– Пока!

Оба поднялись.

– Приходи.

Поднялась тоже и собака, прерывисто зевнула, нехотя расставаясь с безмятежным сном, потянулась одними задними лапами.

– Тебе куда? – спросил Федя.

Она кивнула в сторону высокого дома, видного из-за других домов.

– Ну, а мне в ту сторону! – И мальчик повел рукой широко, захватывая одним взмахом железнодорожный мост, насыпь, частую рощицу тонких березок. – Прощай!

– До свидания, – сказала Еленка и смутилась. Вышло так, будто она его поправила.

– Бывай! – Мальчик сразу повзрослел, поскуцнул и зашагал прочь.

Собака пошла за ним, потом остановилась возле девочки, подумала, но потрусилась за Федей.

Еленка поглядела им вслед и потихоньку двинулась к дому.

Когда школьники микрорайона в этот необычный день, наконец, прибрали домой, бабушки – там, где были бабушки! – совсем растревожились. Где ты был? Что ты делала? Какие шарики? Откуда взялись? Из чего они?

Дети были возбуждены, говорили много, но толком ничего объяснить не могли.

Быстро стали расти и множиться слухи. Спускаясь из квартир во дворы, предположения и догадки обрабатывались внизу на скамейках говорухами и говорунами – пенсионерами. Чего только не говорили они!..

- ...”Шарики брошены с целью, чтобы навредить детям...” - ”Это просто реклама: рекламируют кока-колу, новый напиток...” - ”Нет, детский фильм снимают...” - ”Фильм-то фильм, но совсем не детский, а документальный...” - ”Мероприятие, вроде спортлото, там тоже шарики...” - ”Утром видели самолет...” - ”Нет, вертолет...” - ”Реклама Аэрофлота, чтобы летали больше...” - ”Лысачева бабка ангела видела...” - ”Бабка много в бутылку смотрела, вот ангел ей и привиделся...” - ”А хоть бы ангел, шарики ему зачем?...” - ”Эксперимент с новыми видами пластмасс, химия...” - ”Шарики из космоса, с других планет...” - ”Другие планеты мертвые, на них жизни нет, только у нас жизнь...” - ”А они взяли да и прилетели - знайте, мол, есть еще жизнь, есть!...”

Но более всего говорили о диверсиях, провокациях, тайных происках и прочих штуках. Насмотревшись детективов по телевизору, все сделались ”знатоками” и тянулись угадать хитрости и ползновения разного чуждого элемента.

Слухи обрастали плотью, и вот почему: в нескольких домах побывал милиционер, показывал рисунок, ”словесный портрет”. Рисунок изображал молодого мужчину с оттопыренными ушами и маленькими глазками. Милиционер интересовался: не видел ли кто этого гражданина в последние три дня? Тут же стали говорить о ”мужчине, разбросавшем шарики”, пока не вспомнили о краже в винном отделе продмага.

Оглядчивые бабушки, проникнутые духом неведения и недоверия, отнимали шарики у внуков и, завернув в газету, спускали в мусопровод. Стоя на лестничной площадке, бабушки угрюмо прислушивались, ожидая взрыва на первом этаже. Но шарики, как ни странно, исчезали без малейшего стука и, кроме рева обиженных внуков, ничего не было слышно.

Еленка, придя домой, быстро разогрела обед. Сегодня одиночество было не тягостно, рядом с тарелкой, поблескивая, лежали шарики. Еленка поглядывала на них и на тот, с незабудкой, про который Федя сказал смешно, что он похож на ее глаз, будто она одноглазка. Одновременно Еленку заботила хозяйственная мысль: припрятать для Мухтара кость с хрящиками и мясом из супа, а то папа возьмет и обгложет, он любит.

Мама пришла взволнованная: "Что у вас происходит? Встретила старушку-соседку, та наговорила ужасов". Еленка успокоила мать, рассказала про шарики, показала – вот какие душечки-прелестюшечки – и пошла в свою комнату делать уроки. Марина Сергеевна втянулась в кухонные дела, и беспокойство ее улеглось. До ужина.

Вечером, когда они втроем, с папой, сидели за столом, Еленка сказала:

– А я познакомилась с мальчиком, которого бьет мать.

– Этого еще не хватало! – испугалась Марина.

– Видишь, Марыся, сейчас ты относишься к вопросу совсем по-иному... – папа намекал на что-то, известное только им двоим.

Мама возмутилась.

– Ты несправедлив, Стась! Я излагала тебе мнение одной, вполне образованной женщины. Она оправдывала крайние меры, когда испробовано всё...

Еленка вслушивалась в разговор, сбивчивый, полный недомолвок. Они не хотели, чтобы она понимала. Она поняла всё.

– Мамочка, неужели ты могла бы меня бить?! – воскликнула она горестно.

– Ешь, Алена, никто не собирается тебя бить. Бьют только упрямых, дерзких, несносных детей...

Еленку ответ матери не успокоил, он ей не понравился.

– Я не думала, мама, что ты злая, – сказала девочка.

– Боже мой, Стась, зачем опять поднимать этот разговор. Так расскажи нам, дочка, про мальчика, где ты его нашла?

Еленка рассказала родителям всё: про Федю, Мухтара и, конечно, про шарики, с которых всё началось.

Тут Марина вспомнила, что говорила бабушка-соседка.

– Еленка, не надо играть с шариками – выброси их!

– Но почему, почему? Они у меня целый день, и ничего плохого не случилось!

Станислав попросил принести шарики на кухню.

– Вот и хорошо, покажи папе, он геохимик и, кстати, глава семьи – пусть решает, что делать.

Еленка раскатила шарики перед отцом по столу. Они зазвенели тоненько, заблестели, засияли под лампой. Сейчас они выглядели наряднее, чем днем, но серединки не были так хорошо видны, казалось, блеск загораживал их суть.

Станислав внимательно рассмотрел каждый шарик и попросил всех выйти из кухни. Мама отправилась в ванную – стирать. Еленка испуганно смотрела на отца.

– Что ты хочешь с ними сделать?

В голосе ее послышались слезы.

– Ничего страшного. Маленькое испытание. Не волнуйся.

Еленка ушла к себе, легла ничком на диван, зажала уши. Через несколько минут отец подошел к ней, но она будто не слышала, даже не повернулась.

– Хэлоу, Хеленка! Выходи из убежища...

Еленка поднималась медленно, тихонько бор-

мотала что-то. Отец услышал: "...и брата у меня нет..." Он не стал ее спрашивать, о чем она там говорит, вздохнул, потом сказал бодро-весело:

- Ну, поднимайся, забирай шарики, ничего опасного в них нет.

- Мама, ты слышишь, мама?!

- Не кричи так, Алена, я слышу. Раз отец разрешил, играй. Только вымой их в теплой воде с мылом.

- Папа, мама, вы не сказали мне, как будет с мальчиком. Можно мне позвать его?

- Нужно сперва узнать, что за мальчик, - сказала мама.

- Где ж Хелеңка будет узнавать? Пусть позовет в воскресенье, ты мы его и узнаем.

- Пригласи к обеду, как полагается звать гостя в приличный дом, - добавила мама.

Ночью, перед тем как лечь, мать зашла в комнату к Еленке. Девочка спала. В полутьме комнаты на письменном столе светились нежно, лунно шарики. Марина постояла, посмотрела, любуясь, потом тихонько прикрыла шарики тетрадкой - на всякий случай.

Когда легли спать, Марина спросила мужа о странных шариках.

Станислав долго молчал - может, заснул? Она стала думать о своем. И когда он заговорил, не вслушивалась, да и непонятно было: то ли ей отвечает, то ли размышляет вслух.

- Если это тектиты, то невиданной, завершенной формы. До сих пор встречались каплеобразные тектиты. Хондры? Обычно они состоят из железа. Может, стеклянные хондры? Да, забыл сказать: будущим летом наш институт опять включается в работу Томского университета по тунгусскому метеориту, я еду в экспедицию... Думается, "странные шарики" не образование, скорее - изделие. Чистей-

шее стекло. Может ли это быть? Фантастика! Или... трюк?

Тут Станислав услышал всхлипывания. Он повернулся к жене, она плакала.

— Что случилось? О чем ты, милая?

Подумать только, она плакала о том, что у них нет второго ребенка! Что теперь жалеть? Что говорить? Еленке одиноко. Может, и так, но родись теперь малыш, он уже не будет ей товарищем.

— Успокойся, Марыся, перестань. — Станислав обнял жену, поцеловал влажные веки. — Поздно, спокойной ночи. Какая ты смешная — спросила про шарики и вдруг заплакала...

На следующий день после школы Еленка пошла к старой яблоне. В ее портфеле, в целлофановом мешочке, лежала кость для собаки. Если никого не будет, решила Еленка, она посидит немного, оставит кость в кустах и уйдет.

На бревне сидел Федя и курил.

— Ты куришь? — Еленка даже не поздоровалась с ним.

— Ай-ай-ай-ай-яй, — запричитал дурашливо Федька. — Да, курю! Пришла? Здравствуй, садись. Ладно — не курю.

Федя бросил и затоптал сигарету.

Еленка села, растерянная. Она не знала, о чем говорить. Казалось, курение переводило ее нового знакомого в иной, далекий от нее возраст. Но тут, как в прошлый раз, вовремя вылез из кустов Мухтар. Еленка достала кость. Федя посмотрел на богатую кость задумчиво, казалось — с жалостью. Мухтар закрутил хвостом, даже застонал от счастья. Он улегся поодаль, зажал кость между передними лапами и начал скусывать мясо и жилки, изредка отрываясь, настораживая уши и ворча. Федя пояснил: он чует другую собаку или кошку, боится за кость.

- Приходи к нам в воскресенье в гости, - сказала Еленка.

Федя посмотрел на нее пристально и промолчал.

- Ну что же, придешь? Мама сказала: "Пригласи его к обеду".

- Мама твоя меня выгонит.

- Мама у меня очень вежливая, не бойся, папа тоже хороший. Увидишь.

- Ничего я не боюсь! Только не пойду. Папа твой меня с лестницы спустит, как узнает.

- Что ты затвердил: "выгонит", "с лестницы спустит"... Давай тетрадку, адрес запишу. Вот тут, на последней странице. Ой, сколько двоек у тебя по математике!

- Не тронь, оставь! - Мальчик попытался вырвать тетрадку, но Еленка не дала. - Еще ты будешь лезть.

Девочка поднялась, ей захотелось уйти, она не любила грубостей.

- Садись, ладно, пиши. Может, приду. А лучше бы ты сюда. Мухтар будет ждать. Отец, говоришь, будет дома? Чего ты придумала: в гости... к обеду... Это у поляков, что ли, так полагается... вежливо?

- Разве только у поляков? Обыкновенно, как у всех. Обыкновенно вежливо... - пролепетала Еленка.

Она вдруг встревожилась. Может, правда, лучше увидаться с ним здесь, под яблоней? Почудилось: ничего хорошего не получится. Федя и мама - трудно представить их вместе за столом. И почему он всё время говорит, что его выгонят?

Чтобы уйти от беспокойных мыслей, Еленка заговорила о другом:

- Смотри, у тебя есть такой шарик?

Она протянула к нему ладонь.

- Не знаю. Нет у меня больше шариков.

– Где же они?

– Где?.. Загнал! Не понимаешь? Продал. Деньги нужны. В кино пойти или что купить.

– Разве мама не дает тебе на кино?

– Дает?! Она сказала: "Пока у тебя будут одни двойки, не то что кина – обеда не будет". И не готовит. Пью чай с хлебом, картошки сварю иногда. Сама ест на работе.

– А ты не мог бы... ну хоть на тройки... – робко спросила Еленка.

– Не могу. По математике не могу. Может, другое что и смог бы, а математику и русский мне не вытащить. Не понимаю. Запустил. А может, память мне мать отшибла. Лупит по чем попало. Ты потрогай...

Он взял Еленкину руку своей шершавой рукой и приложил к затылку. Сквозь жесткие вьющиеся волосы прощупывался громадный желвак.

– Вот шишка так шишка, да? – сказал Федька гордо.

Еленка растерялась перед этой, совершенно чужой невероятной жизнью.

– Что она такая злая, может, не родная тебе?

– Не злая, просто бешеная. Может, ее собака когда покусала... – хохотнул Федька. – Может, и я довел. А может, ей просто не везет в личной жизни.

Федьке хотелось быть справедливым. Он испытывал желание говорить этой девочке правду. Такого с ним никогда не было.

Мухтар, отшлифовав кость снаружи, с треском грыз ее, добираясь до костного мозга. Еленка и Федя молча смотрели на собаку.

Еленка думала: Федя непременно должен прийти к ним, она предупредит, чтобы мама не донимала его вопросами. Может, мама сначала не понравится Феде, но папа понравится сразу же, он умеет с мальчишками, даже глупо, что они не родили еще и сына...

– Папа отлично знает математику, захвати учебник и тетрадку, ладно? – попросила Еленка.

Федя думал: пойти, конечно, можно. Почему не пойти? И пообедать неплохо, очень даже хорошо – пообедать. Ну, а если мать ее не захочет, чтобы Лена водилась с ним, если она знает про него, слышала, может, рассказывал кто-то, то авось она выпроводит его тихо-мирно, без скандала.

Они вежливые, эти поляки, видно же. А может, не надо им вовсе знать, что он – Коньков. Не узнала же Еленка. Вот держит тетрадку. Прочла или нет "Конькова Федора"? Может, и прочла, но зовет же его. А к ним можно принести чистую тетрадку, неподписанную. Хмырь этот мамашин ему двадцать штук подарил.

– Прощай, – Федька поднялся, – давай тетрадку. Прочла мою фамилию? Нет? Читай вслух: Коньков. Слышала про такого в школе? Коньков.

Он и сам не понимал – чего это он? Только что думал спрятаться за неподписанную тетрадку, и вот тебе – разобрало его.

Еленка смотрела на него, растерянная.

– Ну – Коньков. Чего ты хочешь – не пойму. Я прочитала: "Конькова Федора". Ты написал с ошибкой: "Конького". Ты и по русскому тетрадку захвати. Конечно, не в один день, а потом... А шарик мой возьми, я его тебе принесла. Он похож на твой глаз, – Еленка чуть засмушалась, – видишь, серый с темными точечками...

– А у меня с точечками? Смотри ты, а я не знал. Ну, спасибо.

Он сунул шарик в карман, повернулся и пошел.

– В воскресенье к трем, не забудь! – крикнула Еленка вслед.

Федька не оглядываясь поднял руку, помахал тетрадкой.

Мухтар всё еще трудился над костью. Еленка постояла, поглядела вслед мальчику, потом пошла, тихонько покачивая портфелем. О воскресном дне она думала теперь спокойно: всё будет хорошо, иначе просто не может быть.

Тревоги, вызванные появлением удивительных шариков, откипели в два-три дня, затихли постепенно разговоры. Начала уже складываться легенда, отодвигавшая событие в прошлое. Бабка Лысачева, увидевшая ранним майским утром небесное явление, рассказывала о том бесчисленное множество раз. Старые женщины слушали ее особенно охотно, разумные старички, хоть и возмущались бабкиной темнотой и неразвитостью, слушали тоже, слушали даже и молодые, похихатывая и забавляясь.

В бабкином рассказе собственные впечатления обогатились за счет услышанного здесь, на скамейках, а также чего-то давнего, очень давнего, почти забытого.

Бабка рассказывала, как ранним утром, лишь зорька заалела, лишь солнышко поднялось, явился нашему микрорайону ангел. Прилетел на крышу шестнадцатизатяжки, весь в розовых блестящих перьях, шибко махал крылами, и потому был виден смутно. "А полетевши в небеса, - говорила бабка, - оставил ангел за собой след, вроде облака или крема-бизе, розового цвету. Сбился, скатался тот облак по утреннему холодку, по свежему ветерку и пал на землю росой жемчужной, градом алмазным. Разлетелися росинки, покатались градинки, рассыпались по майской траве, по зеленой мураве..."

Бабкин рассказ прочел раз от разу, отливаясь в фольклорную форму, но слушатели, не способные оценить рождения нового сказа, окрестили его "Анекдот про ангела".

А шарики быстро забывались. О них почти уже не говорили. Не удивляйтесь – долго ли мы помним даже самое необычное? Вот хоть бы взять землетрясение в Москве. Уж на что редкость! После тревожной ночи только и разговору было, как трянуло, потянуло, качнуло, как звякнуло, как двери открылись, дети проснулись, кошки спрятались... Поговорили два дня – и забыли... Прошло, пролетело, и замельтешило, замелькало снова привычное.

Так и с шариками. Позабылись они. Может, потому, что бабушки побросали, дети запрятали или растеряли.

Но не все. Еленка хранила свои, и, когда приходил Федя Коньков, они занимались шариками. Не часто. У них были другие дела. Они изучали карту звездного неба, читали астрономию Фламариона, смотрели по вечерам с балкона в подзорную трубу на Луну, Сириус и Венеру, искали созвездие Ориона. Они говорили о кометах, болидах, метеорах. В их разговорах и делах принимал участие Stanisław. Он подарил им и карты и трубу с двадцатикратным увеличением. Он сказал: это вам вместе. Будущим летом Stanisław едет в экспедицию, в Сибирь. Федя мечтает: может, он возьмет его с собой – ему исполнится тринадцать.

Федор яростно взялся за математику. Он знает: без математики нельзя разгадать загадку Тунгусского метеорита. А он решил твердо эту тайну раскрыть. Так он сказал Еленке.

Однажды завтроно Лилия Никифоровна спросила у директора школы Розы Ефимовны, как они справляются с тем парнем, что был переведен к ним незадолго до... "Ну, ты помнишь, когда была эта история с шариками".

– А, Коньков! – ответила Роза. – Представь, заинтересовался математикой, хотя с учительницей у него были самые плохие отношения. Как она су-

мела его переломить, уму непостижимо. И не открывает свой секрет: улыбается и молчит.

Математичка действительно молчала. Она и сама не понимала, что случилось с Коньковым. В сентябре он уже потянул на тройки, недавно ответил на четверку. Он был внимателен на уроках, в его тетрадке убавилось грязи, исчезли посторонние записи и не совсем геометрические фигуры.

"Бывают же чудеса! – думала математичка, принимая прилежного Конькова как дар судьбы и награду за свои страдания. – Не часто, но бывают".

"Почему же вы не сказали, откуда взялись необыкновенные шарики?" – спросит, пожалуй, вдумчивый читатель. А взыскательный прибавит: "Похоже, что вы и сами не знаете".

И правда, не знаю. Примерно через месяц после удивительного происшествия в одной газете появилась маленькая заметка, озаглавленная "Крупный град". Именно про этот случай, но без подробностей. Другой информации я не встречала.

Фотография Зойки на фоне двора

Двор наш – большой одесский двор, вернее неогороженное пространство между двумя улицами и маленьким тупиком. Когда-то здесь было несколько дворов: один – позади четырехэтажного кирпичного дома, должно быть, купеческого, другой – вокруг дачки с затейливой башенкой, построенной давно, когда здесь был пригород, о третьем же напоминает приземистое строение – лабаз или сарай, да две чугунные тумбы, вросшие в землю.

Четырехэтажное здание определяет границу двора по Кооперативной улице, бывшей Лабазной, а обветшала дачка смотрит на Пионерскую, ранее

Приютскую. Номер имеет только четырехэтажный дом – он как бы представляет ото всех, построенных за его спиной позднее. А там появились два панельных пятиэтажных дома – корпус два и корпус три. Растут во дворе несколько деревьев – пирамидальные тополя и кипарисы, усыхающие от жары и от плотности вытоптанной земли, да еще куста два-три сирени и пышная роза под одним из окон первого этажа.

В местах, где больше тени, стояли скамейки – работа трудолюбивых доброхотов, – а за трансформаторной будкой скрываются мусорные баки.

Вот изображение пространства, именуемого по привычке двором, так сказать – декорация.

Двор редко бывает пустым, особенно в летнюю пору. В нем засиживаются допоздна, впитывая вечернюю прохладу, в нем до рассвета любезничают на скамейках под сиренью парочки, а утром – с раннего до позднего часа – бегут по всем направлениям работающие люди. Мамаши с дошколятами, бабки с сумками, моряки, рабочие, служащие, студенты. И уж потом, накормив и проводив трудовой люд, выходят передохнуть, прежде чем приниматься за готовку обеда, мамочки с младенцами в колясках, бабки с озорниками-внуками. Передохнуть и заодно обменяться свежими новостями.

В этом дворе вся жизнь на виду, всё нараспашку. Днями и ночами в теплую пору раскрыты окна и балконные двери, в летнюю жару и спят на балконах, а то и во двор выбираются с раскладушками. В темной тишине слышны все ночные звуки: храпы, стоны, шепоты, скрипы. А с утра начинают звенеть будильники, включается радио; перекрывая его, набирают силу голоса. Оклики, вопросы, напоминания и приказания вдогон уходящим – с балконов, из окон, и всё это громко, распевно, протяжно. Для всех ушей, для всех глаз. Всё для всех.

Двор, со всеми живущими в его домах, есть некий живой организм, существующий по своим законам, со своими проявлениями, действиями, противодействиями. В отличие от двора-пространства мы будем именовать этот живой организм с большой буквы – Двор.

В полновесном значении слова Двор есть главное судилище и рядилище, через которое проходят все живущие во дворе. Да, двор не терпит тайности, отъединенности, твоя жизнь здесь принадлежит всем, все хотят принимать в ней участие. Справедливости ради скажем – не только словом, но порою и делом.

Вспомним, как тетушка Рива няньчила близнецов Клары, когда утонул ее муж и ей пришлось работать. Сенька и Венька, здоровенные балбесы, до сих пор зовут Ревекку Ароновну бабушкой Ривой. Двор называет ее также "Ривой нижней" в отличие от "Ривы верхней", с пятого этажа. Но это так, к слову. А когда год назад скоропостижно умерла жена Иосифа Абрамовича, Двор принял участие в похоронах, помогал убитому горем вдовцу. Вызвали телеграммами сына и дочь, заказали гроб и венки, две бабки – Явдоха и Рахиль, с внучками Ксаной и Фаней готовили столы к поминкам, а две сестрицы – Евлалия и Евлампия – прибрали квартиру и вымыли полы к возвращению с кладбища. Да мало ли еще можно привести примеров. Взять хотя бы Глафиру Ивановну: она приехала сюда лет пять назад, обменяв домик в Клину на комнату в Одессе. Переехала на юг по совету врачей, лечиться. В поисках здоровья не задумывалась, как одиноко будет ей в чужом месте.. Так кто же приветил, кто же помог ей? Соседка по квартире, Дора Семеновна, бывшая партизанка, в войну работавшая в тайном госпитале. И не только приветила Глафиру Ивановну, но и ухаживала за ней, пока та не окрепла. А

теперь Фира Ивановна, как называет ее Двор, помогает Иосифу Абрамовичу, овдовевшему соседу по лестничной площадке – трудно мужчине, привыкшему к женской заботе, справляться с хозяйством. Или вот, гардеробщица, тетя Фима, ухаживает и не то что ухаживает, а прямо-таки нянчит дряхлую старуху, мадам Папандолос, внучку или правнучку первых владельцев дачи. А разве дедушка Ефим и другие старики-пенсионеры не старались обуздать Сеньку с Венькой с их приятелями-огольцами, от которых стонал весь Двор? Даже самая черствая из обитателей Двора Ираида Матвеевна и та жалеет, правда, не людей, а бездомных кошек, которые здесь не переводятся стараниями двух враждующих котов. Рыжий Васька, сокровище Ираиды, и черно-белый пупсик – кот верхней Ривы – ранней весной оглушают Двор мерзким воем, то жалостным, то грозным, а летом в подвалах вновь появляются котята. Ираида Матвеевна подбрасывает им корки от сыра, колбасные ошурки, а иногда выносит даже мисочку молока.

В общем, двор как двор, не хуже других дворов, а может, и лучше. Открытый двор, без оград. Двор, требующий полной открытости и откровенности от всех. Не потому ли чужие судьбы так привлекают завсегдатаев дворовых скамеек, что наблюдать за ними так же интересно, как читать роман?

Однажды вечером мимо сидящих во дворе женщин прошла молоденькая девушка с небольшим чемоданом. Рыженькая, стриженная, ничем не примечательная, но чужая, и этим уже интересная. Подняв голову, прочитала номера квартир и вошла в карийный подъезд пятиэтажки, корпус два. Кто такая? К кому? Приезжая – не курортница, на курортницу не похожа, одета просто, чемоданчик плохонький, да и не сезон еще – середина мая, вода холодная.

Женщины еще не знали, что внесет в общую жизнь рыженькая и какой сюжет пополнит библиотеку ненаписанных романов, собираемых Двором.

Девушка вошла в дом, и тут же в окне третьего этажа зажгли свет и тотчас задернули занавеску.

"К Фире Ивановне приехала", – установил Двор. Вот и тема для разговоров: какая у Фиры родня, и где она, эта родня, и не случилось ли чего в этой родне?

Да, к Глафире приехала племянница Зойка, дочь младшей сестры Тамары. Явилась, как с неба свалилась, – без телеграммы, без письма. Принесло, как перышко ветром.

"Только не выгоняй меня", – были ее первые слова. Но Глафира не услышала их, так как одновременно вскрикнула в испуге: "Случилось что? С мамой?"

Зойка, не отвечая, заплакала.

– Говори же, говори, что стряслось? – волновалась Глафира.

Из пробившихся сквозь всхлипы, сморканье и подвыванье слов тетка поняла, что Зойка убежала из дома, где случилась с ней неприятность, и повинен в том, как будто, отчим. Убежала, а может, мать выгнала, получалось и так и эдак.

Тамара, младшая сестра, приезжала к Глафире Ивановне два года назад с новым мужем, на пять лет ее моложе. Новый зять не понравился Глафире. "Бабник", – заключила она, заметив, как оглядывает он женщин на пляже. Однако, сестре о своих наблюдениях не сказала. Та, похоже, пока счастлива, и слава Богу. Недавно избавила ее судьба от первого супруга, Зойкиного отца, лихого пьяницы. Последние года три он пил и пил, синел, распухал на глазах и в конце концов рухнул.

Ну, что же, – приехала, так приехала. Тетка не приставала больше с вопросами, обождала, когда

всхлипы затихнут: "Умойся, давай ужинать". Поговорят, когда девчонка успокоится. Всё ж Глафира родне рада, а Зойка не только племянница, еще и крестница. Тамара хотела назвать Зойку не по-нашему, то ли Лилианой, то ли Альбертиной, а Глафира Ивановна настояла назвать по-русски, крестить, имя выбрала сама и объяснила, что Зоя значит "живая", а попросту "жизненок".

Поели, напились чаю, тетка постелила на диване, заправляя одеяло в пододеяльник, всё же вздохнула: "Летом-то сама сплю на диване, кровать сдаю курортницам". Зойка опять хлюпнула носом. "Не реви, ложись, поживешь пока что".

Утром Глафира написала сестре, опасаясь, не сбежала ли шалая девка из дома втихую, и, оставив спящей племяннице записку, где найти еду, ушла на работу. Она была кассиршей на одном из пляжей Аркадии.

Двор настороженно молчал, ожидая сведений из сорок восьмой квартиры, и удивлялся задержке. Но информации не было и у самой Глафиры Ивановны. Зойка от вопросов уходила, лопотала какую-то чепуху, ластилась, кидалась на любое домашнее дело, не давая тетке рукой шевельнуть. Что могла Глафира Ивановна доложить Двору? Только повторять Зойкину невнятицу. Тревожными недоумениями она поделилась лишь с Дорой Семеновной, соседкой и приятельницей. По ее совету и написала безотлагательно Зойкиной матери.

Любопытные взгляды ощупывали Зойку, пробежавшую в магазин или на пляж. Двор ждал и жаждал откровений, а их всё не было. Дело затягивалось. Кто-то уже вспомнил, что племянница, вроде, должна была вот-вот кончить школу, а сейчас май, значит, она прикатила, не закончив среднего образования. Пахло тайной и, значит, всё настойчивее требовалось объяснение.

А в сорок восьмой квартире решались свои проблемы: что делать с Зойкой? Сестра Тамара не отвечала на ее письмо. Под недоуменными размышлениями тетушки Зойка подвела черту: домой она ни за что не вернется. Глафира Ивановна устроила племянницу на сезонную работу: собирать на пляже плату за топчаны. Почти никто не купался, но люди уже загорали. Зойка бегала по пляжу весь день, солнце и морской ветер обласкали ее, посмуглили, обсыпали переносье и щеки веснушками, позолотили рыжие волосы. Она как будто успокоилась, не думала о том, что будет дальше, и щеки ее округлились.

Наконец пришло ответное письмо от Тамары. Странное письмо, оно ничего не прояснило и только расстроило Глафиру Ивановну. Сестра писала: "Пусть возвращается, если ей не стыдно".

Зойка встретила письмо новыми рыданиями и заявила, что домой она не поедет, "лучше с камней головой в море". Тетка испугалась, прекратила всякие расспросы. Посоветовавшись с Дорой Семеновной, она решила: как ни трудно, Зойку придется оставить. А единственный путь, считает тетушка, такой: идти на стройку, получить общежитие, прописку, поступить в строительный техникум. Выслушав это, Зойка нахмурилась – стройка ей не улыбалась. "А не хочешь работать, выходи замуж, можешь выбирать: женихов у нас двое – Сенька да Венька". Зойка надулась – она не против работать, но поинтереснее. "А что «поинтереснее?»" – "Ну, в театре..." – "Артисткой, что ли? Там как раз тебя не хватает".

Но всё же тетушка решила поговорить с Иосифом Абрамовичем; жена соседа, покойница, работала много лет в театре кассиром. Глафира Ивановна помогала ему по хозяйству, авось и он не откажется помочь. Иосиф Абрамович – человек солидный,

бухгалтер в пароходстве, нестарый, но скромный, услуги Глафиры Ивановны принимал с благодарностью, весомо дополнявшей ее зарплату. Она была довольна, он также — даже ключ от квартиры доверил, хозяйничайте, пожалуйста. Надеялась на него тетушка. Повела Зойку к соседу — познакомиться. Посидели, поговорили, он спрашивал, они отвечали.

Но с театром не получилось: сезон кончается, уезжают на гастроли, что будет осенью, сказать не могут, однако прописка нужна обязательно.

”Вот и остается тебе идти на стройку”. Зойка хмурилась. Однако, она совестились быть в тягость и там же, на пляже, устроилась в кафе — убирать, мыть посуду. Успокаивала Глафиру Ивановну: ”К осени я устроюсь”. А как она может устроиться? Пустое, одна болтовня.

Возвращалась Зойка поздно, однако, успевала и по дому, а последнее время пристрастилась готовить, и она и тетушка любили вкусно поесть. Зойка уверяла, что в кафе грязная посуда и чад от шашлыков отбивают аппетит. Глафира Ивановна боялась кухни — газа, духоты, — Зойка, расспросив тетушку, как что делать и сколько чего класть, быстро перенимала кулинарный опыт. Действительно, ”жизненок”, — весь день бегают и не устают.

Тетка хвалила: ”Тебе надо в кулинарный институт”. Зойка смеялась — ”такого нет”. А какой институт, когда школа не окончена и восемнадцать лет скоро. Но похоже, думала об этом Глафира Ивановна, а Зойке хоть трава не расти. Тетушка привыкать стала к племяннице, привязалась к ней, с Зойкой веселее, нет тоски, что нападала в одиночестве. Пусть поживет девчонка, а к осени авось их с матерью нелады забудутся, и вернется Зойка домой, всё ж Тамара понимать должна: ее дочь, ее и забота.

Освобожденная от домашности могла теперь Глафира Ивановна посидеть вечером подольше под кипарисами. Однако Двор принял ее отчужденно. Она поняла – от нее ждут откровенности: что значит Зойкино появление в неурочное время? Под гнетом молчаливого осуждения Глафире Ивановне осталось только придумать: племянница перенесла тяжелый грипп с осложнением, легкие у нее слабые, врачи советовали юг на всё лето, а в школе дали отсрочку. Двор сомневался и подозревал – это не всё, но пока согласился и на такое, и Глафира Ивановна могла спокойно сидеть на скамейках.

Зойка во двор не ходила, опасалась Двора и все вечера проводила дома, в трудах. Глафира Ивановна удивлялась – как по душе девчонке кухня, даже глаза блестят и горят щеки. "Ты что располыхалась?" – "Так ведь коржики пекла" или "пирожок раскатала с яблоками". "Лучше бы погуляла". – "С кем?" – "Да с кем-нибудь с нашего двора – хоть с Веней или с Сеней". Зойка в ответ только плечами передергивала. Однако, вскоре по вечерам начала исчезать.

Придет Глафира Ивановна, надышавшись во дворе, – чай свежий заварен, коржики под салфеткой, а Зойки нет. И не заметила тетушка, как она мимо прошмыгнула. "Ну, пусть погуляет, лишь бы не допоздна". А та придет и неслышно спать ляжет. Может, и поздно, тетушка что-то слышит сквозь сон, на часы не смотрит, – пришла и ладно.

Лето шло, катило, прокатились июнь с июлем, подошел август. Зойка купалась, находила время полежать на солнце, стала золотистая, как подсолнечное масло, похорошела, округлилась. Повеселела – то запоет, голосишко у нее тоненький, детский, то рассмеется, как горох рассыплет.

– Что-то ты больно распрыгалась – не к беде ли? – попугает Глафира Ивановна, а потом и поду-

мает, — зачем это я? Успокоилась девка, утешилась, и слава Богу.

В один прекрасный день, нет, какой уж "прекрасный", в один невозможный день всё открылось: и смех, и пение, и блеск в глазах.

Проснулась Глафира Ивановна утром в начале седьмого, а Зойки на диване нет, постель сложенная, будто и не ночевала. А может, ушла за молоком? В летнее время в молочную ходили к открытию, к семи, к свежему товару, и чтобы кефир для Иосифа Абрамовича не упустить. Вышла Глафира Ивановна на кухню: нет, бутылки и бидон на месте. Встревожилась тетушка, где же Зойка, однако, дела-то надо делать. Пошла в молочную. А на обратном пути зашла потихоньку, чтобы не разбудить, к соседу — поставить кефир в холодильник. На кухне не звякнула, не брякнула, а как пошла обратно, услышала из комнаты тихий разговор на два голоса и смех. По смеху этому рассыпчатому узнала сразу: "Зойка!" Распахнула двери, и круги в глазах — лежит Зойка на кровати с Иосифом Абрамовичем под одеялом, рубашка с плеча спущена, раскосмаченная, одна рука под головой, другая у него в руке, и он ей пальчики перецеловывает.

— Ах, ты, дрянь рыжая, вот ты где пригrelась... Что ж ты себе позволяешь? Сегодня же отправляйся домой, к мамаше, я тебя, потаскушку, видеть не хочу. Вот они, твои хитрости — пирожки да коржики... А вы-то, вы-то... ведь девчонка дочери вашей моложе!

Тетушка пошла красными пятнами по лицу и по шее. А Зойка и глазом не моргнет, и прикрываться не думает. Иосиф Абрамович тотчас сел, ноги опустил в тапки, кашлянул смущенно, но сказал твердым голосом:

— Вы, Глафира Ивановна, не думайте плохо, мы с Зоечкой решили пожениться, сегодня же собира-

ся иметь с вами серьезный разговор. Теперь буду ждать от вас согласия, и назначим день свадьбы.

Глафира Ивановна ответила сердито: о свадьбе и говорить нечего, людей смешить, а если в ЗАГС расписаться он не раздумает, то она как тетка, а сейчас вроде бы и мать, низко поклонится и спасибо скажет, что он эту бесстыжую в жены взять хочет, хоть всё равно жаль, что такой порядочный мужчина так себя потерял.

Дрожащим голосом попросила Глафира Ивановна до ЗАГСа позорные свидания прекратить, и пусть Зоя сейчас вернется к себе тайком. "Раз ты, рыжая кошка, ушла крадучись, так крадучись и вернись".

Дома Глафира Ивановна расплакалась – очень стыдно ей было. Стыдно, а еще обидно. От Зойки обидно, это раз, от Иосифа Абрамовича – это два. От него даже как-то особенно, вдвойне обидно. А почему так – Глафира Ивановна сама не понимала. Зойка постояла над плачущей, что-то лепетала невнятное, быстренько собралась и убежала на работу.

Боялась Глафира Ивановна Двора, очень боялась, и не даром. Уже кто-то что-то учуял, углядел, начались смешки, пошли шепотки. Как это получается – неизвестно, однако всё тайное, скрытое, Двор непременно раскопает, разыщет. И уж как обрадуется, как возликует Двор, если всё, что он унюхал или вообразил, подтвердится.

Через две недели Иосиф Абрамович с Зойкой пошли в ЗАГС. Жених, в новом сером костюме, статный, с легкой проседью, хоть не красавец, но очень даже ничего, вел под руку молоденькую невесту в белом гипюровом платье (его подарок), с букетом роз, пылающую румянцем гордости и стыда. Фаты на ее голове не было, фату Глафира Ивановна на чисто запретила, объяснив просто и точно: "Наспят-

ся до полного бесстыдства, потом нарядятся с головы до ног в белое – смотрите, какая я невинная голубица”.

Свидетелями брачующихся были Глафира Ивановна и Дора Семеновна – две пожилые женщины, с виду довольно угрюмые, но всё же принаряженные.

Свадебный кортеж вернулся домой на такси и, хоть мог быть доставлен к самому подъезду, но Зойка настояла – выйти на Кооперативной и проследовать через весь двор. Была суббота, светило солнце, сидели на скамейках, выглядывали в окна, собрались на балконах. Зойка шла королевой, подняв голову, Иосиф Абрамович виновато сутулился, у Глафиры Ивановны блузка взмокла на спине и под мышками, а Дора Семеновна шла спокойно, улыбалась и кивала всем направо-налево.

Двор нагляделся и наговорился всласть – всё обсудил и всех осудил. И еще дней десять Двор жужжал дружным мушиным жужжанием. “Что себе думала глупая тетка?” – “Как вы это понимаете – мать не приехала на свадьбу родной дочери?” – “Скоро на пенсию, а он женится на девчонке”. – “Ай-ай-яй, – если бы Рахиль Ефимовна увидала, еще раз умерла бы с горя...” – “Зачем девчонке этот старый еврей?” – “Ох, и хитрая девка, рыжие – они все пройдохи”.

Двор судил-рядил, говорил-гудел. И не только старые бабки в халатах, засаленных на толстых животах, но и солидные пенсионеры-мужчины с ленточками на пиджаках и кителях, и молодые женщины с крикливыми младенцами в колясках. Никто не мог от души поздравить новобрачных.

Но страдала от неприязни Двора одна Глафира Ивановна, а молодые были довольны и даже, казалось, счастливы. Зойка, конечно, понимала, что она поймала и оплела, Иосиф Абрамович знал, что оплетен и пойман, но им было хорошо.

Зойка оказалась примерной женой – бегала по магазинам, на Привоз, варила, жарила и пекла, крахмалила мужнины рубашки, утюжила брюки, чтобы Иосик, так она звала мужа, ходил на работу в Пароходство всегда красивый. Иосиф Абрамович приносил домой всю зарплату, покупал Зайке (так он ее звал) подарки и тетешкал ее как ребенка.

Однако Двор был недоволен и продолжал брюзжать. Угрюмо созерцал он этот брак и припечатал супругов насмешливыми прозвищами. Его – "Зойкин Иосик", а ее "рыжая кошка". Особенно неуважительно было первое, потому что Иосиф Абрамович был человек солидный, спокойный и хоть ко Двору не близкий, но лояльный. Впрочем, о прозвищах он не знал, вслух не говорили, а так – шипели за спиной. Но Зойка услышала и обиделась. Начала на всех фыркать, идет через двор – головой не кивнет. Будто она из другого теста – они ржаные, а она сдобная.

Глафира Ивановна не могла успокоиться, собралась даже меняться на другой район. Еще ее огорчило, что сестра Тамара не поздравила дочь, а на письмо ответила злобно: "...муженек Зойкин еще с нею наплачется". Подумала тетушка: видно, придется ей заменить мать, что поделаешь. Обида ее постепенно затихла, Зойка к ней ластилась, Иосиф Абрамович уважал, она стала вроде семейной – при дочери с зятем. Вот только Зойкина жизнь ей казалась неправильной. "Что же ты, так и будешь сидеть в домашних хозяках при одном-то муже, без детей?"

– Вот погоди, рожу двойняшек, – отшучивалась Зойка, – тогда и тебе хватит работы.

Однако время шло, а Зойка никого не рожала. Тетка подняла целую кампанию: Зою надо устраивать на работу, ей надо учиться. Иосиф Абрамович уже соглашался. Но вдруг сердце у него заболело, появилась одышка, перебои, женщины испугались,

пошли тут врачи, электрокардиограммы, лекарства, которые не так легко достать. Зойка объявила строгий режим, спать перешла на диван, захлопоталась с диетой, "дробным" питанием, гомеопатией. Работа, учеба — всё откладывалось.

Наладилось у Иосифа Абрамовича с сердцем, пошел на работу. А Зойка нашла себе дело: подбирать несчастных тварей. То щенка брошенного принесла, то ворону с подбитым крылом, то котенка вытащила полуутопленного из лужи. Открылся в доме то ли ветпункт, то ли зверинец. Ворона на гардероб и на сервант подлетывает, следы оставляет, котенок о диван когти точит, щенок обувь грызет. Иосиф Абрамович придет с работы, голову в плечи втягивает, вороны боится, вдруг на него сядет. К Зойке птица запросто на плечо садится, волосы клювом на голове перебирает. А то щенок и котенок поднимут возню, бегают, ловят друг друга, и Зойка с ними. Шум стоит, хохот, мяуканье, тьяканье, скулеж. И всюду лезут, везде устраиваются спать — на кресле, на диване, на кухонном столе. А Зойка не позволяет их гонять.

Прошел год. Иосиф Абрамович совершенно оправился от сердечных недугов, ворона, слава Богу, улетела, щенок вырос в большую дворнягу, и его взяли соседи — караулить сад в деревне, котенок превратился в кота-гуляку и однажды, загуляв, пропал. Иногда появлялись новые твари — то хромой воробей, то ласточка-птенец, выпавшая из гнезда, то приبلудная такса, потерявшая хозяев. Иосиф Абрамович умолял Глафиру Ивановну повлиять на Зойку, а та утешала: родит Зочка, не до зверинца ей будет.

Но прошел еще год, а Зойка не собиралась рожать, на работу не шла и учиться не хотела. Тетка уговорила сходить в консультацию, и врача сказала, что у Зойки детей не будет. Что тут началось!

Слезы, рыдания, Зойка распухла от плача. Иосиф Абрамович над ней разохался: "Бедная девочка, бедная моя крошка". Глафира Ивановна утешала: будешь лечиться, тебе не сорок, успеешь еще. И, наконец, осерчала: "Да за такое счастье по нынешним временам – не рожать, аборт не делать, хулиганов не растить – другая бы свечку в церкви поставила". Зойка не принимала тетушкиных утешений, бродила по квартире унылая, полуодетая, нечесанная. Иосиф Абрамович сам чуть не плакал, ее жалея.

К счастью, собрался навестить отца сын Яша – моряк Балтфлота. Приехал из Таллинна – повидаться и "мачеху" посмотреть. Веселый, живой, он Зойку приветил, называл то церемонно Зоей Петровной, то лукаво "маманчиком".

Понравилось ему, как она отца обихаживает. И Зойка отошла от печалей, повеселела.

Комнату свою, за ним записанную и по желанию отца запертую, Яша открыл – пользуйтесь, пожалуйста. Со зверями Зойкиными забавлялся, на Привоз с ней ходил, сумки за ней таскал, на лодке катал за маяком. Любила Зойка с Приморского бульвара рассматривать с Яшей порт, спускаться к причалам, слушать его рассказы о кораблях. Он уже восемь лет ходит в море, теперь штурманом, знает много интересного. Яша перед молоденькой мачехой оживлялся, интересничал, вспоминал забавные или страшные морские приключения, прихватывая и чужой опыт и старые матросские бывальщины. Даже историю своей женитьбы на эстонской девушке Айне расцветил он всякими перепитиями, взятыми, возможно, из заграничных киномелодрам.

Повеселела Зойка, увлеченно хлопотала на кухне, старалась удивить Яшу кулинарными способностями, угостить повкуснее. Она уже освоила

одесские кушанья – борщ, баклажанную икру, тушеную морковь с приправами – "циммес", фаршированную рыбу, или "гефилте-фиш", а теперь попросила "нижнюю Риву", Ревекку Ароновну, поделиться другими рецептами еврейской кухни. Иосиф Абрамович умилялся, хотя и не узнавал любимых блюд "грибенкс" и "тейглах", – а Яша ел всё подряд с молодым аппетитом и целовал "маманчику" ручки, что придавало еврейской кухне особую прелесть.

Вечерами подолгу засиживались втроем за чаем с "кухеном" или "струдлом" – тоже наука нижней Ривы, – или Зойка тащила мужчин в Аркадию погулять у вечернего моря под цветущими деревьями. Там они подолгу стояли у баллюстрады в дурманном аромате акаций и каштанов, любовались огнями кораблей в темнеющем заливе.

Но все праздники кончаются: Яше пора было домой, к жене, к детям – догуливать отпуск, готовиться к новому рейсу.

Звал Иосиф Абрамович приехать и дочь, Марину, которая жила в Киеве с мужем и дочуркой, но Марина отговаривалась то одним, то другим, – не хотела приезжать, видно, не прощала отцу скорой женитьбы.

Уехал Яша, Зойка притихла, нахмурилась, и муж испугался – не начнутся ли опять слезы. Очень кстати пришлось премия, выданная ему в Пароходстве за отличную работу: он отдал Зоечке все деньги – купи, что хочется.

В коммиссионном на Дерибасовской было много соблазнов: моряки сдавали туда привезенные из загранки вещи – платья, кофточки, туфли. Но больше всего Зойке понравилась красивая дорогая шляпа. Она ее приглядела и уже примерила, но всё еще колебалась. На деньги, что стоила шляпа, можно было купить платье и туфли. Почему шляпа

стоит так дорого? Ей ответили – из-за пера, перо от редкой птицы. Шляпа из тончайшего цвета вечернего неба шелка, заложенного на полях в мелкую складку, и украшена тоненьким, острым светлосерым перышком с бирюзовым отливом. Маленькое перышко, а такое дорогое.

Несколько дней дома разговору было только об этой шляпе, тетушка считала, что Зойка просто помешалась на шляпке с перышком. "На что она тебе, куда ты в ней пойдешь, купи лучше платье". Но такой красивой шляпы Зойка в жизни не видела! И как идет ей, какая светлая тень ложится от полей на лицо, приглушая румянец, прикрывая веснушки. А перышко будто хочет улететь, будто птичка забыла его, присев как-то на шляпу! Продащица права – к лицу ей, очень даже к лицу, и так хорошо с голубым костюмчиком.

Купила! Расплатилась, надела и пошла. Гордо так пошла, зацокала окованными высокими каблучками. На Дерибасовской на Зойку глядели во всю, оборачивались. Она и сама оглядывалась: интересно – смотрят ли вслед?

Перед фотоателье остановилась. В витрине, кроме множества портретов, было выставлено зеркало, а на нем хитроумная надпись: "Вы себе нравитесь? Цветное фото. Портрет на любом фоне". Она себе нравилась, очень нравилась, открыла дверь и зашла. Молодые фотографы обрадовались, усадили перед фотоаппаратом, похвалили и ее, и шляпу, стали вертеть – то боком, то прямо. "Поднимите головку, опустите головку, а теперь головку к плечу, приоткройте губки – зубки как перламутр, улыбнитесь, а теперь погрузите, вот так, отлично".

Зойка от такого внимания молодых мастеров совсем захмелела. Заказала шесть "кабинеток", шесть "открыток", большое фото и еще – цветное, на фарфоре, овальное.

Она теперь всё время надевала шляпу, только мусор выносила без шляпы. Замелькала Зойка в новой шляпе у всех перед глазами, и Двор, заметив эту слабость, припечатал ее еще одним прозвищем — "Зойка с пером". Конечно же, из зависти к молоденькой, хорошенькой женщине, которую балует муж.

Завистливые же существа эти люди! Обратите внимание: у зверей зависти нет, есть любовь, нежность, ревновать они могут. Всё, как у нас. А вот зависти нет, зависть — это у нас, как видно, только человеческое чувство.

Зойка в шляпке, действительно, была прехорошенькая. Вообще она в замужестве похорошела, расцвела, как розовый куст у них под балконом. Иосиф Абрамович налюбоваться не мог — и на Зойку, и на фотографии.

Та, что на фарфоре, стояла на его письменном столе, большую он застеклил и повесил на стену, остальные хранил в особой папочке, а две-три открытки носил в нагрудном кармане пиджака.

На той, фарфоровой, считала Зойка, похожа она на актрису, голова повернута и чуть закинута, губы полураскрыты, лицо розовое (канапушки фотографы убрали), шляпа синяя, глаза голубые. И хоть в жизни красавицей не была, — нос уточкой, губы толстоваты, лоб низковат, — как-то забывались эти недостатки, и когда живая Зойка мелькала перед глазами, и когда она сияла с фотографии во всем торжестве молодости и привлекательности.

Сама она нет-нет, да и остановится перед портретом — полюбоваться. Муж так расчувствовался, что колечко подарил золотое с бирюзой — "как твои глазки". Хотя глаза у Зои с зеленоватинкой, и их не назовешь "небесными", скорее что-то русалочье было в них или кошачье.

Однако все эти радости — похвалы, подарки,

мужнина ласка – разожгли в Зойке какой-то бесов огонь. Забегала, засуетилась – портьеру дорогую с каймой сдернула с двери, сшила юбку до полу, но с разрезом выше колена, побежала в парикмахерскую, брови выщипала в нитку, выкрасила ногти лаком, цвета сырой печенки, – накупила всякого снадобья – лосьонов, кремов, туши всех цветов, флаконов душистых разного назначения. Накрасится, напудрится, глаза обведет то синим, то зеленым. Такса на нее лаять стала. А тетушка ехидничала: "Час сидела – мазалась, а идешь куда – в булочную?"

Нет, хорошего ждать не приходилось от Зойкиного неистовства. Так и вышло.

В солнечный день, в конце лета, надела Зоя шляпку с пером и ушла во втором часу из дома. А вернулась в седьмом – без шляпы, расхристанная, платье порвано на груди, на лице и на шее царапины.

Иосиф Абрамович увидел – вскрикнул, за сердце схватился. А Зойка рухнула ничком на диван, затряслась в рыданиях. Он над ней: "Что, что, говори скорей, кто тебя, где – буду звонить в милицию". Она его за руку схватила – не надо, говорить не может, а на запястьях видит он кровоподтеки. Понял – сперва надо успокоить, потом спрашивать. Накапал валерьянки, йод схватил – царапины смазать, хотел платье снять – не дается. Побежал за Глафирой Ивановной. Часа два около Зойки прокрутились, пока уговорили повернуться, пока раздели, уложили, обмыли ссадины, смазали йодом, примочки из бодяги положили. Тетушка хотела дознаться, что стряслось, но Иосиф Абрамович не велел приставать: пусть успокоится.

Всю ночь он возле Зойки провел: она то задремлет, то вскинется, вскрикнет, заплачет. Поил водичкой, давал капли, успокаивал и всё повторял – "Бедная моя девочка, бедная моя детка".

По словечку, по малой капле, и не в один день, вытянул Иосиф Абрамович у Зойки рассказ о происшедшем. Правду она не сказала, а так – полправды или того меньше.

А вся правда, которую она ему открыть не могла, была такая. Отправилась Зойка в своей любимой шляпе с перышком в центр, пройтись по магазинам. Она любила такие походы – не покупать даже, а так, посмотреть, прицениться, потрогать, полюбоваться.

Зашла и в мебельный комиссионный, там всякую старину продают: горки, люстры с хрустальями, кресла на фигурных ножках. Увидела там Зойка столик – хорошенький, овальный, на тонких ножках, а на крышке вроде выложены картинки – цветочки, веночки, птички. Зойка обмерла – так столик понравился. Посмотрела на ценник – пятьсот рублей. Таких денег с собой у нее, конечно, не было, не было и дома. Купить нельзя, но полюбоваться-то можно? Стоит, смотрит, видит – в цветах розовых еще и бабочки бирюзовые порхают с перламутровыми крылышками. Загляделась, засмотрелась и чувствует: кто-то смотрит на нее так же пристально, жадно. Отвела глаза от птичек-бабочек, взглянула и сердце дрогнуло: стоит неподалеку от нее красавец темноволосый, в светлом фланелевом костюме, глаза черные горят, просто насквозь ее прожигают. Кажется, артист, где-то она видела его – в кино или в журнале.

Она повернулась – идти, а он вдруг загородил дорогу: "Постойте, погодите, я вижу вам этот столик понравился". Она уже в себя пришла – ну, что ж, думает, хоть и киноактер, не раскисать же совсем. "Да, понравился, но покупать столик я не собираюсь". Тогда он говорит, что знает, где есть такой точно столик, может быть, даже к этому парный, и продается ровно за половину цены. Там од-

ного только цветочка не хватает, выкрошилась чуть-чуть инкрустация, но это пустяк”.

Зойка уже на улицу вышла, красавец за ней, не отстает и уговаривает на столик взглянуть, совсем близко, десять минут ходу. А продает столик старая дама, его родственница, между прочим, бывшая графиня, и он рад ей услужить, и такой очаровательной молодой даме в чудесной шляпке с пером эспри тоже приятно доставить удовольствие. А если столик не подойдет, есть там и другие антикварные вещи – фарфор, хрусталь, бронза.

И не дожидаясь, что ответит Зойка, он ловко, легким касанием руки поворачивал ее из переулка в переулок. И говорил-говорил, не останавливаясь: есть у старой дамы еще две замечательные чашки, оставшиеся от старинного сервиза под названием ”Двенадцать любовных пар” – на одной портрет Наполеона, на другой красавицы Жозефины. С одной стороны чашек портреты, с другой – вензеля в венке, общий тон – зеленое с золотым, прекрасное сочетание.

Посреди рассказа о старой графине – владелице столика и прочих сокровищ, о ее прелестной дочери Лизе, за которой ухаживал некий Герман, страстный картежник, проигравший потом, когда женился, почти весь семейный антиквариат, – кинокрасавец незаметно свернул во двор и вошел в узкий проход между глухой стеной дома и деревянным забором. Идти рядом было неудобно, он пропустил Зойку вперед, и в этом узком загороженном пространстве ей вдруг стало страшно. Красавец уже не говорил, только жарко дышал ей в шею, наступая на нее, чуть не подталкивая. Убежать? Она прибавила шаг, быстрее, еще быстрее, вдруг проход кончился, она оказалась в тупике, перед стеной здания с маленькими окнами и металлической дверью, закрытой болтом – не жилой

дом, а сарай, склад. "Антиквар" открыл половинку двери и, прикоснувшись жестко к Зойкиной спине, почти втолкнул в помещение. Лампочка под потолком едва освещала темный коридор с несколькими дверьми. "Вот сюда, вот сюда, вот сюда", – бормотал он, и в лице его не было уже никакого обаяния, оно стало жестоким, губы раздвинулись в зверином оскале, обнажив желтые прокуренные зубы. До Зойки дошло – ее заманили, она в ловушке.

"Артист" достал из кармана ключ, открыл дверь и втолкнул Зойку в полупустую комнату, где не было ничего, кроме железной кровати с полосатым матрасом, кухонного стола и табуретки. Зойка поняла – она в руках насильника, может, убийцы, она погибла: Он повернул ключ в замке, сорвал с Зойки шляпу, подтолкнул к кровати. Началась борьба, молчаливая, злая. Зойка знала – кричать бесполезно, здесь никого нет, не надо тратить силы на крик. Она боролась, царапая его острыми ногтями, стараясь попасть в глаза. Сопротивление только распаляло его, придавая силы. Зойка чувствовала, что слабеет, и он, ощутив это, слегка отпустил ее, чтобы сдернуть платье. Тогда Зойка обмякла, будто лишаясь сил, уступая, и вдруг, согнув ногу, изо всех сил ударила его острым каблуком в пах. Насильник взвыл, она кинулась к двери, повернула ключ и побежала, страшась одного – не споткнуться бы, не упасть.

Зойка бежала и плакала, слезы текли по щекам, щипали губы. Добежала до остановки трамвая, и тут к ней подошли люди, спрашивая, чем ей помочь, не вызвать ли милицию, а она ничего не могла сказать – перехватило горло, только сиплый стон выходил из него.

Прошел час, может, и больше, пока она добралась до дому. Во дворе наступало время вечернего кайфа, на скамейках сидели, и надо было пройти

сквозь строй изумленных испуганных взглядов. Пройти, пробежать, чтобы скрыться в своей квартире.

Вот так было на самом деле, а рассказ свой для мужа и тетушки она смягчила. Иосиф Абрамович всё рвался в милицию, чтобы найти дом, куда, якобы, зазвала Зойку старая дама, владелица уникальных чашек, – обманщица, старая сводня.

В тревожную ночь, когда Зойка засыпала и просыпалась, вскрикивая, опять начинала рыдать и метаться, ожило в ней старое, казалось, выплаканное и забытое оскорбление. Вспомнилась та ночь дома, когда мать дежурила, а к Зойке в комнату прокрался отчим и напал на нее, сонную. Она поклялась рассказать всё матери, отчим же оболгал девчонку, сказав жене, что Зойка давно льнет к нему и держит себя бесстыдно. Вспыхнул скандал, Тамара поверила не дочери, а мужу. На следующий день Зойка выкрала у матери из сумки получку, написала на клочке бумаги, что она не соврала, всё правда, и уезжает навсегда.

Всё это воскресло в памяти и вызвало новый приступ обиды и горя.

Прошло порядочно времени, прежде чем зажили раны и синяки, и еще сколько-то времени, пока Зойка решилась выйти из дома и пересечь двор. Правда, тетя Глаша давно уже подготовила Двор, объяснив происшествие так: Зойка вступилась за девушку, которую били хулиганы. Прохожие пытались задержать мерзавцев, но они убежали. Двор верил и не верил. Не верил из-за шляпы. Где же замечательная Зойкина шляпа с пером? Ушла в шляпе, пришла без нее, побитая. "Так что же вы скажете – хулиганы украли шляпу? А если им нужна была шляпа, то подумайте, при чем тут девушка, которую били? Или девушка, или шляпа – скажете, нет?"

А дома о красивой шляпе молчали – никто не вспоминал ее ни полсловом.

Страшное приключение имело и благие последствия. Зойка поскромнела, перестала краситься, не ходила выщипывать брови и объявила, что хочет поступить в библиотечный техникум.

Тетка советовала идти в строительный, но Иосиф Абрамович был против – "там опять могут случиться грубости". Однако библиотечный тоже откладывался. Как только Зойка написала заявление о приеме, выяснилось, что абитуриентка неподготовлена, – сплошные ошибки. Засели за учебу – Иосиф Абрамович учил, Зойка училась. Тетя Глаша помогала на кухне.

От диктантов и грамматических правил Зойка быстро заскучала, и вскоре в доме появилась кошка на сносях, голодная, истощенная – подоплывшая во дворе. Занятия теперь сочетались с заботой о кошке. Зойка присутствовала при родах, ухаживала за матерью и пятью котятками. Квартира наполнилась пискom, нежным кошачьим курканьем, тревожным мяуканьем. Зойка подолгу сидела у коробки, глядя, как сосут котята, как вылизывает их мать. К Зойкиному интересу кошка относилась недоверчиво, поэтому перетаскивала котят из картонной коробки в разные укромные места – то в стеной шкаф в коридоре, то в ящик под диваном, где хранилась старая одежда, и даже в решето с луком под кухонным столом. Котята быстро росли, начали лакать молоко, бегать по квартире, Зойка забавлялась с ними, валяясь на ковре. Иосиф Абрамович взмолился: они же вырастут, переженятся, что будет? Он взял счеты, постучал костяшками и сообщил: "Через два года в квартире будет сто пятьдесят кошек". Зойка расхохоталась, потом задумалась, а назавтра, всплакнув, собрала котят в старую корзинку и,

сопровождаемая стонущей кошкой, вынесла их во двор: пусть берут, кому надо.

Удивительно, но Зойка экзамены в техникум сдала. Училась она неохотно, вяло. И сама как-то стала привядать – не была уже прежним "жизненным". К мужу Зойка была привязана, любовь его и заботу ценила, но понемногу в ней накапливалось какое-то раздражение против Иосифа Абрамовича: медленно ходит, болят ноги, увеличивается плешь, сдает память. "Да на пенсию ему пора уже – седьмой десяток идет", – говорила Глафира Ивановна, когда Зойка выражала вслух свои недовольства. "А как же мы тогда жить будем?" – пугалась Зойка. – "А вот так: работать пойдешь, заленилась ты за мужниной спиной".

И правда, время шло, Зойка уже пять лет была замужем, детей не было, видно, врачаха не ошиблась. Наконец, техникум был окончен – с тройками, ошибками, но окончен. Направили в одну из городских библиотек, там она не прижилась, Иосиф Абрамович поспособствовал – перевели в ведомственную, даже не библиотеку, а в архив. Зойка ходила на работу, тяготясь повседневностью, раскладывала на полках папки с документами, диссертации на непонятные темы, подшивала газеты и дважды в месяц получала свой скромный заработок. Смеялась – "на пудру хватит".

Иосиф Абрамович всё работал, тянул, вытягивал семейный бюджет. Однажды, когда тетушка с Зойкой чаевничали на кухне вдвоем, – Иосиф Абрамович теперь после работы обязательно отдыхал, – Зойка поставила чашку, положила надкусанное печенье и спросила:

– Скажи мне, тетечка, почему я так скучно живу?

Глафира Ивановна растерялась.

– Чем скучно-то? Не выдумывай. Всё у тебя

есть - квартира хорошая, муж добрый, тебя любит, всякого добра полон дом - чего тебе еще?

Зойка слушала, покачивала головой, соглашаясь, и, вздохнув, выдохнула протяжно: "А ску-у-у-чно, ску-у-учно..."

На седьмом году совместной жизни случился у Иосифа Абрамовича инфаркт. Забрать его в больницу "скорая" не успела. Хоронили его всем Двором и, конечно, с участием Пароходства, где он проработал почти сорок лет.

Соседи, как это уже бывало, приняли живое участие в печальных хлопотах. И Ксана с Фаней, и сестры Евлалия и Евлампия помогали Глафире Ивановне готовить поминки (дряхлая Ревекка Ароновна могла только советовать), Сеня и Веня, теперь уже отцы маленьких ребятишек, приняли на свои плечи основную тяжесть выноса, а молодые крепкие парни, бывшие на похоронах первой жены Иосифа Абрамовича мальчишками, помогали во второй и третьей паре. Зоя в черном платье, черном платке, - рыдающая, опухшая от слез - едва шла за гробом, ее поддерживали молоденькие жены братьев-близнецов Лиля и Роза, а Глафиру Ивановну вели Дора Семеновна и старый Ефим.

Сын и дочь не могли приехать: Яша, как телеграфировала его жена Айна, был в Северной Атлантике, а Марина сообщила, что еще не выписана из роддома и что сына непременно назовет Иосифом.

Двор горевал и сочувствовал, уважая покойного и жалея молодую вдову. Скажем правду: Двор любил похороны. Они соединяли живых в едином порыве доброты и сострадания, все житейские мелочи - недовольства, пререкания, ссоры, все недостойные чувства - зависть, злорадство, ненависть - отступали пред лицом смерти, облаченной в строгий и пышный траур похоронной процес-

сии. Все заботились об осиротевшей семье и друг о друге – помогали, подставляя плечо или руку, делили тяжелую ношу у дома, на кладбище, все были внимательны, сдержанны, тихи и полны сознания того, как дорога жизнь и как надо беречь эту короткую жизнь – свою ли, чужую.

Зойка горевала бурно: рыдала, отказывалась от еды, не могла спать, бродила ночами по квартире и совсем извела Глафиру Ивановну – тетушка не решалась оставлять Зойку на ночь одну.

Однажды, когда Глафире Ивановне удалось быстро и крепко заснуть, она вскочила в испуге: раздался удар, треск, стук. Тетушка выбежала в соседнюю комнату. Зойка стояла в халате, накинутом поверх ночной рубашки, у ног ее валялись осколки фарфоровой фотографии.

– Как же это случилось? – спросила тетка.

Зойка не ответила, молча дошла до кровати и легла лицом к стене. Глафира Ивановна ее не тревожила. С этой ночи к Зойке вернулся сон.

Двор ждал Зойку на своих скамейках, Двор хотел жалеть и утешать ее. Но Зойка не прильнула к обширной груди Двора, хотя и была благодарна за участие и сочувствие.

Посоветовавшись с тетушкой, Зоя устроилась в Одесское пароходство. Полгода проработала она на мелких подсобных делах в коммерческой части, потом стала проситься в плавание, соглашаясь на любую работу. Через несколько месяцев ей открыли визу и взяли уборщицей на сухогруз "Софья Ковалевская". Первый рейс Зои был в Индию. Плавание она переносила легко, работала ловко, быстро – старалась. Всё ей нравилось: море, моряки, невиданные места. Из Калькутты Зоя привезла Глафире Ивановне яркозеленое шелковое сари. Тетушка была тронута, но надевать "балахон" отказалась.

Уходя в следующий рейс, Зойка прощалась с тетей Глашей надолго. "Софья Ковалевская" отправлялась в Гавану, затем должна была поработать в портах Южной Америки. Новый рейс Зоя начинала официанткой в кают-компании.

Вернулась через год с месяцем – уставшая, но веселая. "Ну, показывай, что привезла", – тетушка глядела на чемоданы. Зойка засмеялась, ловко обтянула платье, собрав складками на спине, и выставила живот: "Смотри, что привезла – заметно?" Пятый месяц". Глафира Ивановна ахнула, заплакала, потом стала спрашивать. "А он на тебе женится?" Зойка ответила со смешком: "Может, и женится". Он – третий штурман, грузин, красавец, силач, гитарист. "Ты его любишь?" – "Может, и люблю". – "Всё смешки да смешки, а вот останешься одна с этим, – взгляд на Зойкин живот, – и смеху конец". – "Как это – одна, а ты?"

Нет, Зойка не осталась одна. Через полгода вышла замуж. В ЗАГСе была опять без фаты. Праздновали в узком, почти семейном кругу: Ксана Васильевна и Фаня Мироновна, Рива верхняя (Ривы нижней уже не было), тетя Клара, Сеня и Веня с женами Розой и Лилей, дедушка Ефим, совсем старенький, и, конечно же – Дора Семеновна. Было разнообразное угощение – еврейские "фиш" и "циммес", русские пироги и, естественно, грузинские "сациви" и "хачапури", приготовленные Зойкой вместе с черноусым Ваном – молодым. Была музыка, и Ван пел под гитару, а Зойка подтягивала тонким голоском, чувствовалось, что супруги давно спелись.

Были и подарки – вазы и рюмки, ложки и вилки, одеяла и покрывала. Но главным подарком были два аккуратных свертка, лежавших в синей двухместной коляске: Ванечка и Петенька – близнецы.

"...Но я рад просветленному небу"

1953

"Москва тверда, Кремлем горда,
Здесь Сталин наш живет..."

"Гимн Москве"

Мы в тот год на уроке пели
Препомпезнейший "Гимн Москве"
На мелодию Мурадели, -
Мы исполнить его не успели -
Божеству "сик транзит" приспел.

Значит, Божья-то справедливость
Торжествует, в конце концов?!

Я не знаю, чего он не вынес -
Может, крови наших отцов?

Дешева была кровь;
похоже -
Дешевле, чем хлеб и металл, -
В той стране, где "всего дороже
Человеческий матерьял".

Где и слово такое ссыскали,
Во каких таких словарях? -
Уж и мяли людей и трепали,
Перековывали, искореняли,
Переделывали второпях.

В нас плоды того воспитания,
Только это не сталь, а страх.
...Как угроза и напоминанье –
Этот гимн Москве на костях.
1987

* * *

С годами чаще, как ни странно,
Я вспоминаю вновь и вновь
Давида и Ионафана
Неистребимую любовь.

Среди раздора и разора
Да светится она всегда –
Вселенского первособора
Неугасимая звезда.

Как жаль, что нам не дорога
Способность, нужная сегодня,
В другом увидеть не врага,
А друга верного Господня.
1989

* * *

Ветераны ВОВ г. Обнинска были весьма недо-
вольны, когда к их распределителю подклю-
чили вдов солдат, погибших на той же Вели-
кой Отечественной Войне.

На пустой перекресток земли –
Будто снова в почете тиранство –
Стукачи с палачами пришли
Отovarить свое ветеранство.

Славно жили они средь своих,
К новым "подвигам" вечно готовы, –
Только ныне идиллии их
Помешали солдатские вдовы.

Краснощеки, на вид здоровы
Ветераны охраны ГУЛАГа, –
Только им против фрицев, увы,
Не пришлось обнажать свою шпагу.

Кто заград–, кто расстрельный отряд,
Кто трофеечный отряд, кто обозный.
Закаленный "в боях" горлохват
Всю войну ползал вошью тифозной.

Здесь не встретишь фронтовиков –
Нет, не тех, не штабных, – настоящих:
Время пишет без черновиков
Судьбы Родину отстоявших.

Как стряслось, что под сенью усов,
Проклиная недавние были,
Откормили мы лагерных псов,
О спасителях же – позабыли?

Не с того ль, что их воинский шлях
Неказисто прошел, неприглядно:
В окруженьях, в концлагерях,
По полгода в госпиталях,
Без бумаг – в партизанских отрядах?

Их немного – один из семи.
О себе они разве попросят?

Так и будут чужие – свои,
А свои, по старинке, – в забросе?!

* * *

Трава, седая от росы и паутины,
В кустах порхают стаи воробьиных.
Сподобь, о Боже, миг понять единый
 Про холодеющие русские поля.

В полях уже сменяет иней росы.
Конец дает ответы на вопросы.
Под ветерком плакучие березы
 Ветвями-косами уныло шевелят.

Гроза повсюду дров поналомала,
Но вновь весной начнется всё сначала.
В каком семействе дерево упало?
 Об этом вечно помнить не велят.

Жестки природы вечные законы,
Они издревле были непреклонны:
Установленьем древнего канона
 И нерожденных требует земля.

Постигни смысл невинного посева
И Божий промысел прими без гнева,
Губами в такт знакомого напева
 Молитвенно и грустно шевеля.

Благословенная жертва ради дела:
В полях, где ныне всё заиндевело,
Поспеет честный хлеб души и тела.
 Я верю в наши русские поля.

* * *

Чудеса в этом теплом апреле:
Всё вокруг утонуло в снегу.

Жаль, что годы мои пролетели:
Снежных баб я лепить не могу.

Но я рад просветленному небу
И светилу в дали голубой,
Тишине, эфемерному снегу,
Чистоте – над собой, под собой.

Вижу – куст распустился ракиты,
Весь в снегу, словно в белых цветах.
А осинки, метелью повиты,
Как березы, сият в лучах.

Нет, с природой не могут сравниться
Никакие земные дворцы:
На обтаявших ветках синица
Распевает свое "цы-цы-цы".

1991

Алексей АНТОНОВ

Анафема "детской литературе"

"...читая эти произведения, мы понимаем, что написаны они детским писателем, потому что художнику никуда не спрятать специфику своего дарования, не уйти от самого себя".

И. Мотяшов "Мастерская доброты. Очерки современной русской литературы".

Прежде всего, поспешу уверить наиболее нетерпеливых читателей в том, что автор не меньше вашего чадолюбив и собирается предать анафеме не всю детскую литературу огулом, а только лишь детскую литературу в кавычках (в дальнейшем, для краткости и удобства - "ДЛ"). Однако, понимая, что ничего этим пассажем не объяснил, попробую начать с происхождения вышеупомянутых кавычек, для чего придется сказать хотя бы несколько предварительных слов о трех источниках, трех составных частях детской литературы.

Первый источник - несомненно, фольклор. Сказки, загадки, былины. Здесь, наверное, можно обойтись без комментариев, только лишь заметив, что полнота и незамутненность мировосприятия изначально присущи всякому детству, будь это детство народа или личности.

Второй - произведения, попавшие в детскую литературу как бы сверху, из "взрослой": "Дон Кихот", "Путешествие Гулливера", "Гаргантюа и

Пантагрюэль", "Робинзон Крузо", "Остров сокровищ"... Эти немногочисленные шедевры ведут в литературе прямо-таки двойную жизнь. С одной стороны, они занимают свое место в "золотом фонде" и служат объектами всевозможных ученых интерпретаций и диссертаций. С другой - зачитываются "юными читателями", которым нет ровно никакого дела до их мирового значения. Справедливости ради надо сказать, что пренебрегавшей "занимательностью" классической русской литературе отведено здесь довольно скромное место. Да и вообще, в новейшее время этот источник иссякает. За всю вторую половину века право на двойную жизнь получит в нашей литературе, пожалуй, только "Мастер и Маргарита" - роман, который, потеряв привкус элитарности и "нерекомендуемости", проглатывается сегодняшним читателем в возрасте 10-12 лет, где-то между "Тремя мушкетерами" и "Тарасом Бульбой".

И, наконец, третья составная часть включает в себя произведения, написанные специально для детей специальными людьми, называющими себя детскими писателями. Вот такую литературу я и заключил в кавычки. Однако, прежде чем давать какие-либо характеристики этому "третьему источнику", имеет смысл сопоставить его с таким широкоизвестным и в то же время малоизученным явлением современной цивилизации, как массовая литература, которую, на мой взгляд, точнее было бы назвать недо- или сублитературой.

Сублитература отпочковалась от "большой" литературы, чтобы удовлетворить такие запросы и потребности "массового читателя", которые только с большой натяжкой можно назвать духовными. К ней следует с уверенностью отнести приключения и путешествия, так называемую "эотику", НФ (научную фантастику - Ред.) и детектив. А с некото-

рыми оговорками – военно-патриотическую и историко-революционную литературу. Впрочем, это далеко не полный перечень. Он не включает целый ряд процветавших в разные годы "ведомственных" литератур, которые обслуживали те или иные могущественные государственные структуры (армию, комсомол, милицию, КГБ и т. д.). Конечно, границы сублитературы и условны, и подвижны. Ведь она, как и ее старшая сестра, не стоит на месте, а развивается, причем одновременно в самых разных направлениях. Так, если НФ всё чаще и чаще прорывает рубежи и вторгается в смежные области антиутопии и социальной сатиры, то детектив, наоборот, замыкается в себе, культивируя чистоту жанра, а историко-революционная ветвь тихо чахнет.

Но было бы ошибкой смешивать сублитературу с серым потоком средней беллетристики. Демаркационная линия здесь проходит не по уровню исполнения, а по тем задачам, которые диктует жанр. Если "большая" литература, даже и не в лучших своих образцах, дерзает решать мировые проблемы, постоянно ставит своих героев перед нравственным (пусть и искусственно смоделированным) выбором, то сублитература отторгает как рефлектирующего героя, так и рефлексию вообще. Внутренний мир человека – не ее область. Она не "бьется" над "проклятыми вопросами", а оперирует уже готовыми ответами, которые беззастенчиво заимствует из "толстых" журналов десятилетней давности. Поэтому все сомнения и колебания она как бы выводит за скобки. Ее герой – будь он частным детективом или отважным путешественником – цельная личность, для которой, как, впрочем, и для принимающего правила игры читателя, в любой самой головоломной ситуации всегда ясно, "что такое хорошо и что такое плохо". Если же его вдруг на-

чинают "обуревать" сомнения, то это не более чем имитация – своеобразная дань уважения "большой" литературе. Ведь итог его исканий известен заранее, так как задан законами жанра. И даже автор при всем желании не в силах вывести героя "из рамок", не разрушив при этом произведения.

Может показаться, что сублитература примитивна и поэтому не заслуживает внимания. Но это далеко не так. Созданная на потребу "массовому читателю" (а маленький "массовый читатель" живет в каждом высоколобом интеллектуале, точно так же, как в каждом взрослом живет ребенок), скроенная по его образу и подобию, сублитература заменила ему образование и искусство, воспитание и любовь, эстетику и мораль. И в этом смысле она универсальна. Сублитература отразила внутренний мир "массового читателя", и по ней одной можно судить, насколько мир этот непрост и противоречив.

Казалось бы, раз сублитература делается в расчете на "среднего", "массового" человека, раз приспособляется к его вкусам – то уже по одному этому должна быть усреденна и сера. Но, словно компенсируя своему читателю монотонность и невыразительность его существования, она говорит только о "патологически" низком (преступления, мании, пороки) или о "патологически" высоком (неземная любовь, героические подвиги). А вот о "средней", "нормальной" жизни ее читатель и слышать не хочет. Он это знает сам. Короче говоря, "массовый читатель" берется за книгу не для того, чтобы поразмышлять о жизни, а для того, чтобы отгородиться от нее.

Чтение сублитературы требует минимальной подготовки – только умения читать. И в то же время она способна дать широчайшее представление о мире. Достаточно быть заядлым любителем

дет активов, чтобы попутно получить представление о самых разных вещах, от правил игры в рулетку до принципов устройства АЭС. Правда, в самых общих чертах. Но такая "нахватанность" вполне устраивает "массового читателя", который ценит не знание, а информацию.

В многотиражности сублитературы угадывается претензия на всеобщее равенство, на обращение всех в свою веру. Что не мешает ей ориентироваться на ограниченный круг посвященных и тяготеть к сектантской замкнутости. Это проявляется даже внешне — в оформлении многочисленных серий вроде "Библиотеки приключений" или "Зарубежного детектива" (а вне серий сублитература вообще не существует), чем помогает "своему" читателю безошибочно выуживать "книгу по интересам" из моря печатной продукции.

Сублитература изобретательна и непредсказуема, когда дело касается интриги и сюжета. Здесь она стремится поразить новизной, заставляет читателя увлечься. Как бы выпускает из него лишний пар. Но сублитература несамостоятельна, так как эксплуатирует "большую" литературу, списывая у той идеи, образы, коллизии. Причем, копируя, сплошь и рядом утрирует и упрощает. Она пытается сделать человека свободным, уводя его из обыденного мира. И тут же исподволь заключает его в рамки, навязывая самые расхожие стереотипы.

Узкая специализация авторов, пишущих по очень точному адресу, ограниченность задач, универсальность и способность мимикрировать — всё это позволяет если и безоговорочно причислить "ДЛ" к сублитературе, то, по крайней мере, заподозрить в тесных связях с ней. Эти "связи" я и попробую показать, взяв в качестве примеров не только (и даже, наверное — не столько) сегодняш-

реждение?", "Зачем он, дедушка, носил Владимира на шее?", "Да что вы, дедушка, завод нельзя продать на рынке", - смущаясь и краснея, удивляются пионеры в стихотворении С. Маршака "Быль-небылица (Разговор в подъезде)". Маршак, конечно, "взвешеннее" и "объективнее" Маяковского. Он не "задает тон", а только подхватывает и кропотливо разрабатывает уже намеченную тему. Поэтому большая часть стихотворения "по традиции" отведена под критику "социальных несправедливостей". Но мысль о том, что молодость выше, чище, мудрее старости и, в конце концов, куда достойнее "новой жизни", явственно прочитывается в почти молитвенном преклонении "дедушки" перед внуком-суворовцем, с которым осознающий собственную ущербность старорежимный старик как бы меняется ролями:

Я не учен. Зато мой внук
Проходит полный курс наук.

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
"Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоем поедem в Химки..."
Вот он, суворовец - мой внук -
С товарищем на снимке!

Серьезный и самостоятельный мальчик ставит ребячливого деда в известность о своем приезде. Больше того, он уже продумал целую программу развлечений старика. Но кажется, будет немного скучать и в Химках, и за ловлей щук.

В "ДЛ" 20-30-х годов возникает парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: отцы равняются на детей, учатся у детей, берут с детей пример. И чем младше герой, тем выше и непререкаемое его

авторитет, тем острее "классовое чутье". Только благодаря возрасту, "дорастают" до уровня пролетарского сознания и делают безошибочный выбор в сумятице классовой борьбы "паныч" Петя Бачей ("Белеет парус одинокий" В. Катаева), маленькие герои "Трех толстяков" Ю. Олеши, "Артемки" И. Василенко, "красные дьяволята" П. Бляхина и многие другие.

Но впереди всех здесь шагает Гайдар. В его словаре "старик" – жалкое, даже бранное слово. Атрибутам старости – немощи, бороде, склонности к выпивке – противопоставлены серый френч, сапоги со шпорами, выбритый подбородок и сабельный шрам у виска. Правда, в исключительных случаях Гайдару приходится реабилитировать некоторых пожилых героев. "Крепкий старик с орденом" – это совсем не то, что "старик Яков" с грелкой. А длинную бороду артековского разнобочего Гейки как бы уравнивает импонирующая ребенку "босоноготь". Но главное даже не это. В "Военной тайне" много хороших людей, большевиков и комсомольцев, пионеров и октябрят. А лучший – самый младший, шестилетний "маленький человек" Алька. По всем мыслимым меркам он стоит не просто вровень, но и выше тех, кто прошел революцию и гражданскую войну. Он спокоен и тверд, ибо один знает "самую верную, самую крепкую Военную Тайну". Поэтому есть в нем почти мистическая притягательная сила. Поэтому "с любопытством и уважением" смотрят на него пионеры-артековцы, комсомолка Натка, старый большевик Гитаевич.

В том, что обладателем "тайны" у Гайдара становится шестилетний мальчуган, есть своя закономерность. В "детской" повести Алька играет примерно такую же роль, что и партизан Морозка в эталонном для 30-х годов фадеевском "Разгроме":

оба ничего не знают, но всё понимают правильно – чутьем; у обоих – свои счеты со "старым миром", что заставляет их интуитивно стремиться к "новому"; души обоих – что называется "чистый лист", но тем глубже на них отпечатываются новые истины, тем крепче вера этих неопитов. Подлинный герой молодой советской литературы – человек без прошлого. Прежде он жил "естественной" жизнью, как дерево, как трава. В идеале вся его предыстория может быть сведена к одному только факту "обиды". На деле – чем она короче, тем лучше. И тогда во "взрослом" варианте получается Морозка, а в "детском" – Алька. Причем шестилеток в этой системе выглядит органичнее.

Похоже, "новый человек" понят "ДЛ" буквально – и она возводит на пьедестал малыша. Но отношение к "маленькому герою", конечно, связано с отношением к "маленькому читателю", с которым "ДЛ", несмотря на непрерывные "декларации о равенстве", всегда немножко заигрывала. Эта "специфическая" особенность "ДЛ" – превозносить ребенка за счет принижения взрослого – жива и по сей день. "А с детьми нечестно нельзя. Не получается, – пишет в 1990 году детский писатель Григорий Остер. – Это взрослые способны с вдумчивым видом вслушиваться в тоскливые "правильные" стихи, а потом аплодировать, потому что НАДО аплодировать. Детей не надуешь: они зевают – и всё".

Аналогии между "Военной тайной" и "Разгромом", влияние которого на советскую литературу, как говорится, трудно переоценить, этим бы, наверное, и исчерпывались, если бы не Алькина сказка о Мальчише-Кибальчише. Неравная борьба, готовность пожертвовать жизнью за правое дело, черная измена, геройская смерть и оптимистический пафос победы на фоне полнейшего (наголову!)

разгрома – вот те немногие компоненты, из которых приготовлена едва ли не половина блюд на советской литературной кухне. Но если "серьезная" литература добавляла в котлы всевозможные романтические, психологические, стилевые, национальные и проч. приправы, то копирующая ее "ДЛ" преподносит своему читателю упрощенный до схемы вариант.

Практически без изменений эта схема проецируется и на прошлое, если "ДЛ" обращается к истории. При этом бесследно исчезают даже те крупинцы сложности, которые еще сохранялись в советском историческом романе. Россия в книгах популярного в пору моего детства Сергея Алексеева расколота надвое смертельной классовой борьбой. С одной стороны – Разин, Пугачев, декабристы, революционные матросы и их верные помощники дети. С другой стороны – звери-помещики, звери-жандармы и главный зверь – царь. Перу С. Алексеева принадлежит целая галерея плакатных образов ребенка-борца. Леша Митин поднимает выпавшую из рук "сраженного юнкерской пулей" рабочего винтовку и бросается на штурм Зимнего ("Сын великана). Убивает немца-управляющего и бежит от преследователей Митя Мышкин ("История крепостного мальчика"). Гибнет в борьбе за свободу народа юный пугачевец Гришатка Соколов ("Жизнь и смерть Гришатки Соколова").

Крови и жестокости в "ДЛ", пожалуй, ничуть не меньше, чем в американских триллерах и боевиках. Советскому ребенку очень недолго полагалось находиться вне политики. Время аполитичных "Чиж" и "Ежа" заканчивалось для него, едва он влиялся в свой первый коллектив, где и приобщался к азам классовой борьбы, то есть к неизбежности убийства, а значит – к необходимости научиться убивать:

Возьмем винтовки новые,
На штык флажки!
И с песнею

в стрелковые

Пойдем кружки,

Потому что

Когда

война-метелица

Придет опять -

Должны уметь мы целиться,

Должны стрелять.

Это Маяковский ("Возьмем винтовки новые"). А вот - Гайдар. Всё та же "Военная тайна":

"- А потом... потом поехали бы прямо к тюрьме. Убили бы одного часового, потом дальше... Убили бы другого часового. Вошли бы в тюрьму. Убили бы надзирателя...

- Что-то уж очень много убили бы, Владик! - пожившись, сказал Толька.

- А чего их, собак, жалеть? - холодно ответил Владик".

Или - В. Катаев. "Катакомбы", заключительная часть тетралогии "Волны Черного моря":

"Дружинин взял его (провокатора Андреичева - А.А.) обеими руками за худую шею и медленно, чувствуя всё время тяжелое отвращение, задушил..."

Но было бы несправедливо предъявлять "ДЛ" обвинения в том, что она де занималась насаждением культа жестокости и насилия. Несправедливо потому, что она, как и всякая несовершеннолетняя, не отвечает перед законом за свои "деяния". "ДЛ" просто не могла быть другой. Ведь если советской литературе отводилась роль функции в воспитании "нового человека", то "ДЛ" была лишь функцией функции, зеркалом "большой" литературы. И вслед за ней то "ковала" оборонное сознание

"маленьких читателей", то "оперативно" включалась в пропаганду преобразования природы:

И вот в реке поставлена
Железная стена.
И вот реке объявлена
Война,

Война,

Война!

.....

Где шумел речной тростник, -
Разъезжает паровик.
Где вчера плескались рыбы, -
Динамит взрывает глыбы.

Весь этот экологический беспредел, разумеется, ничуть не противоречит существующей рядом прозе Пришвина и Бианки, ведь он продиктован "благороднейшими", "высшими" целями:

Чтобы
Углем,
Сталью,
Рожью
Был богат
Наш край родной,
Чтобы солнце
Запорожья
Загорелось
Над страной.

(С. Маршак "Война с Днепром")

"ДЛ" вообще не упускает случая ввести своего читателя в "большой мир", рассказать о профессиях, вещах, странах. Много стихотворений посвящают этой теме В. Маяковский ("Это книжечка моя про моря и про маяк", "Кем быть?", "Гуляем"), С. Маршак ("Детям нашего двора", "Почта", "Школа на колесах", "Как печатали книгу"), С. Михалков ("Веселый турист", "А что у вас?") и другие. И

наверное, нельзя ставить в упрек "ДЛ", что эта информация поверхностна и абстрактна. Здесь свою роль играет и возраст читателя, и авторская установка на этот возраст.

Но установка на "юного читателя" (а шире – на потребителя) – дело коварное. Естественное желание быть понятным заставляет детского писателя подлаживаться к ребенку, и он начинает говорить на тщательно профильтрованном "дистилированном виде" языке. С. Маршак, например, в стихотворении "Как печатали вашу книгу", рассказывая о книгопечатном деле, умудряется обойтись без "трудного" и "недетского" слова "типография", которое он заменяет по-восточному витиеватым оборотом – "фабрика такая, где вам готовят книжки". Ребенку это, может быть, и понятней. Только подобная литература приучает его с ранних лет механически скользить взглядом по странице. Ведь текст не вызывает никаких вопросов. Такое "облегченное" чтение вряд ли сравнимо с чтением, скажем, "Вечеров на хуторе близ Диканьки" или "Одиссеи капитана Блада", которое обилие украинизмов (свитка, парубок, рушник, люлька) в одном случае и морской терминологии (кливер, кватердак, поворот овершаг) в другом превращают в непрерывную цепь творческих усилий и маленьких открытий. Вместо этого произведения детских писателей наполняются "актуальной" лексикой. "ДЛ" подражает уже даже не литературе, а газете. Она *мимикрирует*, разрываясь между желанием быть одновременно и понятной ребенку, и "политически грамотной".

Тяга к *мимикрии* в "ДЛ" так сильна, что часто не осознается самим автором. А это порой приводит к весьма неожиданным результатам, что и случилось с автором стихотворения "Ленин и печник" А. Твардовским. В полном соответствии не только с

рецептами "детской" Ленинианы (а это могучая отрасль "ДЛ", обогнавшая по объему да и по силе воздействия на неокрепшие умы свою старшую товарку, Лениниану "взрослую", заслуживает отдельного исследования), но и с велением собственного сердца ("Великий Ленин не был богом / И не учил творить богов", "В большом и малом быть, как Ленин, / Свой ясный разум видеть в нем") Твардовский пишет для детей сказку о добром вожде. Но пишет ее в 1940 году. И невольно в образе "вечно живого", но уже лежащего в ту пору в "гранитном Мавзолее" Владимира Ильича начинают проступать черты здравствующего Иосифа Виссарионовича. Получается некий гибрид. С одной стороны - душа-человек:

В Горках знал его любой:
Старики на сходку звали,
Дети - попросту, гурьбой,
Чудь завидя, обступали.

С другой, - необъяснимая реакция, надо сказать, не без оснований отчитавшего "прохожего" за порчу заливного дуга и вдруг узнавшего, кто он ("Так и сел старик"). Казалось бы, нет никаких причин опасаться мести "доброго" ("Кто ни встретится - любил поздороваться душевно") Ленина. Но полгода не может забыть печник о злополучной стычке. И когда, наконец, видит у себя под окном "двух военных седоков", то воспринимает это как заслуженную кару: "Свесил руки: вот он я". Хороши, к слову сказать, и "посланцы Ильича". - Вы такой-то?.. Собирайтесь", - вот и весь разговор у этих статистов, словно заброшенных в патриархальные Горки из рассказов Льва Шейнина. Но самый главный сюрприз автор приберет к финалу: Ленин не стал сводить со стариком счеты "за ошибку на лугу", а, напротив, доверил починить свою печь и в качестве платы ("всякий труд должен быть оплачен". В. И. Ленин) напоил чаем.

И как бы ни хотелось считать "Ленина и печника" "уроком царям", эдакой советской "Фелицей" – не получается. Твардовский, подчинившись законам сублитературы, начинает оперировать стереотипами. Но сформировавшийся к концу 30-х годов стереотип вождя-отца, которому дано право по своему усмотрению карать и миловать "малых сих", заслоняет более слабый – "дедушки Ленина". Другое дело, что он дает куда более верное представление о реальном Ленине, чем вся "святочная" литература Зои Воскресенской и Марии Прилежаевой. Здесь бессознательная мимикрия Твардовского (Ленин пишем – Сталин в уме) разоблачает и Ильича, и автора, и "ДЛ", в которой тот пробует силы.

Излюбленная тема выступлений и размышлений детских писателей – неповторимое своеобразие внутреннего мира ребенка и вытекающая из этого факта пресловутая "специфика" "ДЛ". И в то же время те же детские писатели подвержены труднообъяснимой склонности повторять зады "большой" литературы, правда, приблизительно с 5-10-летним опозданием. Выражаясь языком формальной школы, "ДЛ" оперирует стертыми литературными формами. Во 2-й половине 20-х годов в советской литературе был широко распространен прием своеобразного "остраннения". Суть его в том, что "наши достижения" (или отсутствие таковых) оценивались глазами "постороннего". Чаще всего в этой роли выступал иностранец, но мог быть и заснувший на долгие годы летаргик. В 30-е годы этот прием осваивает "ДЛ" – и появляются "Мистер Твистер" Маршака и "Старик Хоттабыч" Л. Лагина. Позже, в 60-70-е годы, но с тем же временным интервалом, в книгах Анатолия Алексина получают "детское" развитие аксеновско-гладилинские молодежные проблемы, а юные герои Юрия Яковлева объявляют войну мещанству. Но особенно ярко несамостоя-

тельность "ДЛ" проявляется в своего рода "детских эпопеях" – книгах "с продолжением", которые пишутся едва ли не всю жизнь. Таковы "Волны Черного моря" В. Катаева, где Гаврик Черноиваненко проделывает путь от одесского "хлопчика" до секретаря райкома. Таков бессмертный "Дядя Степа" С. Михалкова. Степан Степанов идет на флот, когда партия проявляет наибольшую заботу о строительстве ВМС, служит в милиции во время одной из кампаний по укреплению правопорядка. Его сын Егор в середине 60-х учится на космонавта в "малозаметном городке полузапретном". И если бы С. Михалков по сей день продолжал свою эпопею, мы, вероятно, увидели бы его героя забивающим юбилейный костыль на БАМе, ликвидирующим аварию на Чернобыльской АЭС, чистящим автомат под деревом в центре Кабула...

Хочу, однако, быть понятым правильно. Я вовсе не свожу счеты с "эпохой тоталитаризма". Думаю, и в "свободном мире" дела с "ДЛ" обстоят приблизительно так же. В доказательство приведу выписку из статьи "Детская литература", помещенной в "Литературном энциклопедическом словаре" (1987 г.):

"...Однако, в массе издающихся в капиталистич. странах дет. книг удельный вес прогрес. лит-ры невелик. Передавая общественность этих стран встревожена засилием "коммерч." изданий: низкопробных "вестернов" и "крими", ремесленных и бессодержат. "комиксов", книг о вампирах, привидениях и т. п. Беспрепятственно выходят книги, прославляющие милитаризм, насилие, жестокость, вседозволенность... Одновременно стремительно растет выпуск лит-ры по "сексуальному развитию" (в т. ч. книжки-картинки для 3-4-х летних малышей), чаще всего являющейся "детским вариантом" обычной порнографии. К этому надо добавить огромное число дет. книг на религ. тему, фальшиво-сентиментальные "романы для девочек", серии про индейцев, инопланетян и т. п..."

Еще несколько лет назад я бы, наверное, обвинил авторов статьи в "коммунистической пропаганде". Но сегодня, глядя на лотошников, бойко торгующих "ремесленными и бессодержат." комиксами и "Детской сексуальной энциклопедией" вперемешку с "Библией для детей", остается только простить ханжеский тон ("передовая общественность...", "встревожена засилием..."), ортодоксальность, "специфику" ("малыши", "детвора") - и смиренно признать их правоту.

С недавних пор и мы живем в капиталистической стране. В свободном мире. Так стоит ли удивляться, что наша "ДЛ" дрейфует в сторону "низкопробных вестернов и крими"? Но это - заёмное. А ведь нарождается и свое. Сегодняшние "переоценка ценностей", "ломка стереотипов", "низвержение кумиров" неизбежно влияют на "ДЛ", которая в любой среде сохраняет свое главное свойство - быть зеркалом "большой" литературы. И отражается в этом зеркале, конечно, уже не Мальчиш-Кибальчиш. Вслед за "большой" литературой "ДЛ" спешит выступить в роли ниспровергателя старого мира. Тем более, что с начала эпохи гласности прошло 7 лет, то есть примерно тот срок, который, даже при современных темпах, необходим, чтобы сенсации и откровения первых лет перестройки превратились в "общие места" и спустились до уровня сублитературы. За это время в "большой" литературе вышел из подполья андерграунд, отгремел и улегся бум вокруг иронической поэзии. В памяти от нее осталось, пожалуй, только имя И. Иртеньева:

Встают дворцы, дымят заводы,
Владыка мира правит труд.
И окружающей природы
Ряды сторонников растут.

Спрессованная до абсурда и тем самым сати-

рически переосмысленная "совковая" фразеология – главное (если не единственное) "оружие" этого поэта. То же самое, только пожиже разведенное, можно встретить в детских стихах Г. Остера, ведущего в "Огоньке" недавно открывшуюся рубрику "Детский угол": "Молчи, как пленный партизан", "Я достоин страшной кары! / Мой позор лишь смерть искупит!", "крепка броня", "трудовой свой путь начать" и т. д.

Но "новая" "ДЛ" копирует "старую" литературу не только "стилево", а и "тематически". В "Детском углу" проигрываются все коллизии, затрагиваются все вопросы, волнующие "взрослую" литературу. Всё это, конечно, с мягким юмором, но и не без оттенка гражданственности. "Ведь ребенок, – делится с читателями Г. Остер, – это не состояние, а процесс. Процесс превращения человеческого детеныша в гражданина своей страны". Вероятно, исходя из этого, Сергей Седов преподает "юному читателю" азы расстановки политических сил в обществе:

Жили-были король с королевой.
Король любил всё левое,
Всё правое – королева.

Нужно ли говорить, что к финалу стихотворения король и королева расходятся направо и налево, чтобы больше уже никогда не встретиться. Эдуард Успенский поднимает проблему социального неравенства, толкающего на путь правонарушений. Хулиганствующие "три типа" подходят к юному скрипачу со словами:

У тебя, понимаешь,
Счастливое детство.
А у нас, понимаешь,
Окончились средства.

Вскользь помянуты и мафия с милицией, так сказать, "тема бандитизма в эпоху коммунизма". Волнует детских писателей и военная тема. Вернее – антивоенная. Прежде чем познакомить читателей "Детского угла" со стихотворением Игоря Шевчука, Г. Остер предупреждает, что кое-кто еще умудряется пропагандировать в "ДЛ" милитаризм:

"А то еще возьмет ДЕТСКИЙ писатель и спокойным тоном в КНИГЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ скажет: «...ядерные заряды? Сила их поистине огромна. Тем не менее войска могут действовать в условиях применения ядерного оружия... Важно не поддаваться панике, не потерять волю к победе, расчетливо укрываться от воздействия ядерного удара, хладнокровно исполнять приказы командира, действовать инициативно»".

Слов нет, жутковатую книжку написал для детей А. Митяев. Но: "Мы предлагаем ДРУГУЮ детскую литературу", – обнадеживает Г. Остер. Какую же? А вот:

Маршал лазил, маршал ползал,
Службу там и сям искал.
Там - не видн, сям - не видно.
Слушай все такой приказ:
"Если служба потерялась,
Нет ее ни там ни сям -
Ну ее к едрене-фене!
Марш, солдаты, по домам!"

Ну и конечно, "ДЛ" не может пройти мимо тоталитарного прошлого. Осветить этот мрачный период берется Э. Успенский:

Был он не нашего круга:
Мог донести на друга...
Соврет - и ему нипочем...
Он вырос и стал стукачом.
На горе родным и родителям
Сделался осведомителем.

Донес он на папу и маму,
И их посадили в яму.

И хотя жестокая диктатура пала, жестокости в "ДЛ" от этого не убавилось. Правда, нынче это – жестокость понарошки, "стёб". Как, например, у детского поэта Олега Григорьева: "Не свались в колодец, Оля...", "Тонет муха в сладости / В банке на окне...", "Прохоров Сазон / Воробьев кормил. / Бросил им батон – / Десять штук убил...", "Налетел я на столб в воскресенье, / Отлетел на асфальт без двтжения..." Так и вспоминается глубоко-застойное: "Девочка в поле гранату нашла..." Эстетика "черного юмора" близка и Г. Остеру:

Если всей семьей купаться
Вы отправились к реке,
Не мешайте папе с мамой
Загорать на берегу.
Не устраивайте крика,
Дайте взрослым отдохнуть.
Ни к кому не приставай,
Постарайтесь утонуть.

"Цель «ДЛ» – всестороннее образование и воспитание будущего поколения", – утверждали коммунистические идеологи. "По большому счету" с ними согласен и Г. Остер. "Когда наши произведения нам удавались..., – пишет он, – они становились своеобразными прививками детям против навязываемых им дурных стереотипов мышления и поведения, помогали стать раскованными, самостоятельно думающими, свободными от калечащих юные души идеологических схем". Однако, это не совсем так. Разрушив одни "стереотипы и схемы", "Новая «ДЛ»" тут же начинает навязывать другие. И делает это не менее жестко. А куда денешься? Такова "специфика". За что бы ни бралась, "ДЛ" везде норовит быть "святое Папы". А на деле –

остаётся профессиональным педагогом, так сказать, учителем начальной школы. ЧТО воспитывать – решается наверху. В её же "компетенции" остаётся лишь вопрос – КАК?

А иной раз в голову приходят прямо-таки еретические мысли. Так ли уж необходима, думаю я, "ДЛ" для "всестороннего образования и воспитания"? И удалось ли развиться гармонически тем, кто не читал в молодые годы произведений детских писателей? Для разрешения этих вопросов стоит, вероятно, обратиться к детству одной из наиболее гармонических личностей. Например, к детству Пушкина.

Сведения о долинейском периоде жизни поэта крайне скудны, но и по ним можно попробовать реконструировать круг чтения Пушкина-ребенка.

Вот что вспоминает его сестра Ольга Сергеевна Павличева: "Учился Александр Сергеевич лениво, но рано обнаружил охоту к чтению и уже девяти лет любил читать Плутарха или "Илиаду" и "Одиссею" в переводе Битобе. Не довольствуясь тем, что ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века". Страсть эту развивали в нем и сестре сами родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читывал им Мольера. Не противоречат этому и воспоминания Льва Сергеевича Пушкина: "Пушкин был одарен памятью необыкновенной, и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу". Пятнадцатилетний (по нашим меркам – средний и старший школьный возраст) А. С. Пушкин, перечисляя в стихотворении "Городок" любимых авторов, с большей частью которых он, надо полагать, познакомился еще до Лицея, "забираясь в кабинет отца", называет Гомера, Вергилия, Тассо, Горация,

Вольтера, Мольера, Лафонтена, Лагарпа, Вержье, Парни, Гекура, Расина, Руссо. Из русских писателей – Державина, Карамзина, Фонвизина, Княжнина, Озерова, Крылова, Дмитриева, Богдановича, Батюшкова, В. Л. Пушкина, Баркова. Есть в этом списке произведения фривольные, но нет примитивных. И ни в воспоминаниях брата и сестры, ни в стихах и письмах самого Пушкина нет упоминаний о его знакомстве с "ДЛ", хотя в ту пору в России уже издавались специально для детей книги и журналы, такие, как "Письмовник" Курганова и "Детское чтение для сердца и разума" Новикова.

Конечно, Пушкин – явление исключительное. Так тем более его пример многому научит. Книжный голод, рано или поздно возникающий у каждого ребенка, может быть удовлетворен либо манной кашей "ДЛ", либо требующими усилий для "разжевывания", но куда более "калорийной" пищей. "Уже девяти лет" (ну пусть – "на одиннадцатом году") можно прочесть "Илиаду", а можно – приспособленные для "детского восприятия" "Рассказы о Троянской войне". "ДЛ" же сплошь и рядом подменяет собой "большую" литературу и тем самым на несколько лет (если не навсегда) тормозит развитие личности. Она как бы видит в своем читателе потенциального "массового человека", будущего потребителя сублитературы. Иному "ребенку" впору уже познакомиться с Гюго, Диккенсом, Толстым, а он всё мусолит "Волшебника изумрудного города". Но привыкнув к подлаживающейся к нему литературе, такой читатель с годами только лишь сменит один эрзац на другой. "Незнайку" – на "Терминатора".

Михаил НАРИЦА

После реабилитации

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошлом номере "Граней" мы успели буквально в момент сдачи в типографию поместить некролог в связи с кончиной Михаила Александровича Наричы (7. 11. 1909 – 7. 02. 1993).

М. А. – человек, даже по советским меркам, редкой всей своей мученической Судьбы. Он не был профессиональным писателем в общепринятом смысле, но желание описать всё, что его окружает, что он видел и как понимал, простым, чистым языком было в нем очень сильно. "Каждый пишет, как он дышит...". Ведь он не так много хотел: рисовать, лепить, писать – просто делать всё это не "за" и не "против" чего-то, а как бы для себя, а там, смотришь, и людям ляжет на душу.

Редакция получила полный текст воспоминаний М. А. Наричы, которые он писал приблизительно до середины 70-х годов. Большая часть их была опубликована отдельной книжечкой издательством "Посев" в серии "Вольное слово" (Самиздат. Избранное. Выпуск 43, 1981 г.). Но две значительные главки не вошли в ту публикацию. В память М. А. Наричы мы публикуем и эту часть. Да успокоится душа его...

* * *

Третий арест

1

Ленинград. Начало лета 1960 года. "Voir et connaitre" (видеть и знать) – это было написано на автобусе, в котором приехали туристы из Франции. Встреча моя с ними со-

стоялась в Эрмитаже. После разговора француженка отстала от своих: она соглашалась взять у меня пакет с рукописью. Но шпик не отходил, и мне не удавалось отделаться от него. За мной смотрела и охрана музея (некоторые весьма усердно). Возможно, меня собирались задержать при выходе из музея. Это усиливало мое желание передать пакет, но это усиливало и мое волнение. Я старался развлечься, глядя на шпика. Невзрачный, с тупым видом. До чего же ему было скучно смотреть на картины! А надо делать вид, что что-то понимаешь... Надо стоять у картины не меньше, чем стоял я. Забавны были его усилия обрести осмысленное выражение. Француженка, наконец, присоединилась к своим, может быть, не понимая моего поведения. Я настиг ее на лестнице, когда они поднимались на верхний этаж. Шпики были сзади. Я сделал самое ничтожное движение, и пакет был в ее руках, под концами платка, накинутого на плечи. Главное было сделано хорошо, но дальше последовала непростительная ошибка. Сказалось сильное утомление. Вместо того, чтобы так же быстро продвигаться и дальше в толпе французов, я обнаружил желание повернуться назад и оказался в объятиях своего шпика. Я отшвырнул его, но меня схватил другой. Мог бы я отшвырнуть и этого. Но стало ясно, что все это бессмысленно. Уже подал голос и третий шпик. Это была женщина, которая вопила, обращаясь к "гражданам", чтобы помогли меня задержать.

Меня вели первым. За мной вели француженку. А за ней шли все французы, приехавшие в своем автобусе, чтобы "видеть и знать". Они очень беспокоились за своего человека, шумно протестовали. Для нас, привыкших к тупой покорности, то были люди из другого мира.

Простите меня за лирическое отступление, как-то я заверял документ в нотариальной конторе на Васильевском острове в Ленинграде. Я удивился, держа в руках типографский бланк. Там я прочел, что они собираются заверить не только подлинность моей подписи, но и удостоверить мою дееспособность. Подобное мне встречалось

первый раз (это было году в 1965). Как же они будут проверять, болен я или здоров психически? Я спросил что-то у посетителя, пришедшего раньше меня. Он ответил крайне раздраженно. Он уже проходил эту проверку. Я вошел в комнату, где сидело несколько нотариусов-женщин. Подошел к одной из них. Она указала мне на незначительную и сомнительную погрешность в заполнении бланка и потребовала сделать все заново. Когда я зашел второй раз, меня направили к другой женщине. Та в свою очередь придралась к какому-то пустяку, о котором первая проверявшая ничего не сказала. Я переписал столько раз, сколько женщин сидело в помещении. Каждый раз меня направляли к новой. Это было настоящее издевательство. Я выдержал эту проверку блестяще, ни единым звуком не выразил своего неудовольствия. Вот что является признаком психического здоровья в СССР!

Вернемся к французам. Они нас сопровождали до конца длинного и извилистого пути, до той комнаты, где нас допрашивали. Там их, наконец, уговорили остаться за дверью, ограничившись тем, что на допросе будет присутствовать человек, возглавлявший их коллектив.

Ждали нужных людей. Слишком тяжело было думать, что это, скорее всего, конец всех моих попыток спасти свое произведение, а заодно и мой конец. А если бы я тогда знал, что единственный экземпляр рукописи, который я передал удачно, как мне тогда казалось, уже находился в руках КГБ. Хорошо, что я этого тогда не знал. Внешне я был спокоен и своим видом старался успокоить и француженку. Мне, наконец, задали вопрос: "Это ваш пакет?" Я ответил отрицательно больше жестом, чем словами, чтобы подсказать француженке, как ей поступать. Она сказала, что не видела, кто сунул ей пакет в руки, и что она сразу же бросила его на пол, не зная, что с ним делать.

Я бравировал спокойствием. Я ничуть не заботился о том, чтобы мне верили, и знал, что мне не верят. Но они скоро убедились, что я буду говорить и подписывать толь-

ко то, что найду нужным. Они смотрели на меня в несколько пар глаз, когда были сказаны слова: "А что если мы сделаем у вас дома обыск? Как вы на это смотрите?" Я ответил, слегка улыбаясь: "Не мне вас учить". Я сам удивился своему спокойствию, сбившему их с толку. Если бы они в этот вечер сделали обыск, то никому бы не пришлось читать "Неспетую песню", и мне бы не написать больше ни строчки.

Часа в 3-4 утра меня отпустили, предупредив, что я им скоро могу понадобиться. Разумеется, понадобится!

2

Осенью, в институте два студента предложили мне работать вместе с ними. Речь шла о том, чтобы заработать немного денег. Обычно работу было очень трудно получить. Я согласился и поблагодарить не забыл. Работа, по их словам, была очень срочная. Я уезжал домой с последними трамваями. Скоро я обратил внимание, что они сами не торопятся. Они двое делали меньше, чем я один. В том, что они не умели работать, удивительного ничего не было. Но то, как они торопили меня и как не спешили сами, не соответствовало даже их совести. Была еще одна странность: после работы (в такое-то позднее время) они каждый раз шли звонить по телефону. Я выходил на улицу очень переутомленным. В одну из таких ночей на трамвайной остановке меня поджидал мой сосед по квартире, Семенов В. П. До этого, утром, он сильно оскорбил мою жену и угрожал выколоть ей глаза. На трамвайной остановке, где я всегда садился, но где Семенова я не встречал, кроме этого раза, он пытался привязаться ко мне. К счастью, трамвай подошел очень скоро. Сели в один вагон, едем долго. Вместе выходим. Он ждет, чтобы я пошел первым. Я тоже жду, демонстративно и долго. Наконец, он идет первым. Через некоторое время я перехожу на другую сторону улицы, удваивая скорость. Удваивает и он. Иду слишком медленно. Он делает то же. Переходя на мою сторону, он опять настойчиво старается оказаться позади

меня. Значит, спереди нападать трусит. После неудачного нападения в прошлом году он стал осторожнее.

В прошлом году была попытка натравить на меня еще двоих, хотя тогда еще никто не знал, что именно я пишу. Достаточно было того, что стук пишущей машинки дошел до сердца чиновников нашего заботливого государства и что для них я не тот человек, которому можно доверить общение с тайнами своей памяти.

Наконец, меня арестовали. Я спросил следователя: "Значит, я сделал даже два преступления?" - "Да, вам предъявляется обвинение и за заявление с просьбой отпустить вас за границу". - "Я не знаком с законом, запрещающим советским гражданам подавать заявления в советские учреждения". - "Важно не само заявление, а его мотивировка". - "Значит, по-вашему, цель моего заявления - сагитировать против Советской власти ни больше ни меньше, как самого председателя Президиума Верховного Совета!"

Первое время меня усердно пугали, думая, что причиной моего "отвратительного поведения" была просто легкомысленная настроенность, что я просто не верю, что меня ждет много мук, поэтому у меня нет желания уменьшить их. "Вы получите самый большой срок, который возможен по вашей статье", - угрожал мне прокурор. Я отвечаю: "Но надеюсь, вы как-то зачтете то, что я уже отсидел". - "Разумеется, - отвечает он, еще не догадываясь, куда я клоню, - предварительное заключение засчитывается". - "Начиная с 1935 года?" - "О нет!" - "Почему же нет? Конечно, в нормальном государстве человек сначала делает преступление, а потом отбывает наказание, а в вашем государстве - все наоборот. Вы имеете нахальство меня обвинять уже третий раз, а кто за ваши преступления будет держать ответ?" - "Я не сделал никакого преступления, - отвечает прокурор и добавляет, - другие люди были, другое время". - "Вот я этих других людей и обвиняю в своем произведении. Вас не трогал. Почему же вы так обозлились на меня?"

Я занимаюсь собственным перевоспитанием. У меня привычка: во время разговора бросать на собеседника только беглые взгляды. Излишняя мягкость - не хочется смущать. Это совсем никуда не годится по отношению к врагам. Я не отвожу взгляда от лица следователя. Следователь, Елесин, тоже пытается смутить меня взглядом. Но его положение хуже, его взгляд на моем лице томится от безделья, от бессмысленного напряжения. Мой взгляд на его лице работает. Я - скульптор: я щупаю ненавистную форму. Она мне позирует.

Он ходит вокруг меня. Он не дает мне покоя вопросам. Но я обретаю этот покой. Я разясняю себе самому, что и здесь мое положение лучше. Меня устраивает молчание, а ему нужно говорить. Он уже выдохся. Я забавляюсь его затруднением. "Ну так будем говорить..." Я молчу и стараюсь угадать, какие он еще найдет слова и жесты. Много же тебе придется сделать бесплодных усилий! Я не отвожу взгляда от его лица. В конце концов, лицо - более интересная форма, чем стена или решетка на окне. Ему хочется закричать, но он старается быть сдержанным. Наконец, он почти кричит, что я не имею права молчать, что я обязан говорить. Я отвечаю: "Я вообще никаких прав не имею в вашем государстве".

3

Но главное поле моих сражений не в кабинете следователя, а в одиночной камере, где я не один. Последний сексот хуже всех. Он отлично спит днем, но старается не дать мне спать по ночам. Храпит он настолько совершенно, что искренне удивляется, что я не жалуюсь на это. Ночью он старается как можно больше и громче откашливаться, как будто у него в горле что-то безнадежно застряло, - мало помогает. Наконец, я стал просыпаться от стука. Когда я, проснувшись, увидел в его руках ложку и миску, которыми он стучал, я предупредил его, что после этого в следующий раз последует серьезная драка между нами. "Серьезная?" Вертухай принял в этом скандале такое сер-

дечное участие, что казалось, он начнет меня бить, не дожидаясь следующего раза.

Днем сексоты стараются мешать ходьбе по камере, стараются мешать думать, о чем ты хочешь, вместо этого стараются как можно чаще сообщать об ужасах в лагерях и тюрьмах. Ужасы, которые тебя ожидают. На меня это слабо действует. Но ведь на многих действует сильно. Коммунистические инквизиторы предпочитают, когда можно, не портить кожу.

Последний раз я застал в кабинете у следователя трех пожилых людей: одну женщину и двоих мужчин. Это были врачи-психиатры из тюремного сумасшедшего дома. Отрекомендовались, начали задавать вопросы. Я не отвечал. Мое молчание приводило их ко все большему беспокойству. Следователь, желая прекратить такое положение, объяснил, что он постановил подвергнуть меня медицинской экспертизе. Я продолжал молчать. Следователь вышел из кабинета. Пришел через несколько минут. Извинился, обращаясь к врачам, и объявил, что мне разрешается свидание и что жена уже ждет меня в соседней комнате. Разговор с Люсей у меня был о защитнике. Люся сказала, что она нашла хорошего защитника. Я возразил, что никакой защитник не осмелится доказывать, что написание "Неспетой песни" и передача ее на Запад не является преступлением, зачем же тратить деньги. Люся об этом и слышать не хотела. "Нужно все использовать до мелочей для облегчения твоей участи. Мне сказали, что если не будем брать защитника, они сами назначат". Затем я узнал, что вскоре после моего ареста Петя, младший сын, отравился, приняв несколько таблеток люминала. Неделю он лежал без сознания. Положение его было очень серьезным.

Врачи опять задают вопросы. Я опять молчу. Переваживаю случившееся. Наконец, мне показалось, что на многие вопросы я могу ответить не с пользой для них: не пью, не курю, хорошая наследственность и т. д. Однако скоро вопросы вышли из круга таких сведений. Меня спросили, не могу ли я найти такие темы для своего литературного

творчества, чтобы они не противоречили интересам народа. Я ответил:

- "Неспетая песня" не противоречит интересам народа, но коммунистам не дано этого понять.

- Вы отрицаете руководящую роль партии в области искусства?

- Руководить можно только при помощи ума, а при помощи оружия можно только мешать всякой разумной деятельности.

4

Это была трудная ночь. Первая ночь в тюремном сумасшедшем доме.

Я думал о Пете. Его они выбрали постоянной мишенью, чтобы бить по мне. Его страдания будут значительной частью моего наказания. Тошно будет Люсе. Эти люди способны на все злодеяния, и на самые крупные и на самые мелочные. А он слишком доверчив. Какая нужна бдительность, какая нужна воля, чтобы успешно противостоять большому разнообразию воздействий!

Вспоминаю его очень веселым ребенком. Теперь ему не будет весело. Они превратят его жизнь в помойную яму. Они уже сделали сексотом девушку, которая ему нравится. Они гнали и будут гнать его с работы. Ни в какой институт его не допустят. Они постоянно будут провоцировать его на драки. Они сделают его больным.

- Мама, как хочется жить. - Это были его первые слова в больнице, когда к нему вернулось сознание через неделю после отравления. Сказал он это, еще не зная, кто около него.

Однако мне нужно спать. Это основа любой победы. Но вместо сна одна картина за другой. Вспоминается нечистоплотный запах и холод здешней бани. Холодно и здесь. Я пытаюсь еще больше скрючиться.

Спит ли мой сосед? Сколько он порассказал мне сегодня кошмарных вещей. Я повторяю его слова:

- Это пыточная тюрьма. Под предлогом, что здесь су-

масшедшие, им дано право делать все, что захотят. И бьют, и лекарства дают вредные, и допрашивают с уколами. И мне такой укол делали. Когда я пришел в сознание, смотрю, у нее целая страница исписана. И не помню, что спрашивали и что я отвечал.

Очень страшно кричал, как мертвец из могилы, исхудавший парализованный мужчина.

- Это вы меня сгубили! Это вы виноваты!

Сосед пояснил: "Неудачный укол сделали. Из позвоночника мозговую жидкость брали".

Надо спать, а во мне все возмущено. Нет, я еще не видел самого главного издевательства над человеком. Оно здесь.

На этих не коричневые рубахи, а белые халаты. Тупым топором хотят переделать мою душу. Сохранит ли моя голова то, что я не додал людям?

Спать! Прежде всего здесь, на постели, я должен выиграть сражение. Остальное проще. Однако слова мои, как бы они ни были разумны, убедительны, остаются снаружи, а внутри меня, как навозной жижей, все пропитано страхом.

Мне случилось видеть, как бандиты в лагерях угрожали ножом, замахивались, не делая ран, считая, что страх острее удара. Нет! Пустым маханием меня не возьмешь! Или ваши руки будут в крови, или потерпите поражение.

5

Всякий раз врач спрашивает: "Как себя чувствуете?"

Я выразил претензию по поводу излишних шумов по ночам.

- Не затыкать же нам рот больным, которые кричат.

- Но вы могли бы сказать вертухаям, чтобы они с меньшей силой хлопали дверями, если вы претендуете называться лечебным заведением.

- Закрывать тяжелую дверь, обитую железом, совершенно бесшумно, видимо, невозможно.

- Разрешите продемонстрировать. Вот так можно закрывать, а закрывают вот так.

- Я никогда не слышала таких ударов дверью. У вас галлюцинации.

Лидия Алексеевна - врач-эксперт - разговаривала с моей женой. Им важно было использовать ее согласие со своими действиями. Но Люся заявила, не оставляя никакой надежды, что она не считает меня ни больным, ни бездарным. После этого женщина в белом заявила представителям власти, что жена моя тоже больна. И изъявила готовность оформить это официально.

6

Комиссию составляли почти одни женщины. Больше десятка человек. В их руках были вещественные доказательства моего преступления - моя рукопись. Одна на всех. По несколько листов на каждого. При мне заканчивали ее дележ. В конце продолговатой комнаты восседал старенький профессор Случевский. Вид, как подобает, солидный. Но на меня он произвел жалкое впечатление. Седой клинышек как приклеен к подбородку. Слабым голосом он спросил меня:

- Как вы смотрите на все, что с вами происходит?

- Я еще не знаю, чем кончится весь этот спектакль, поэтому ваш вопрос считаю несколько преждевременным.

- Вот вы написали литературное произведение... Тогда как у вас на это нет ни достаточной эрудиции, ни достаточного таланта.

Я спросил:

- Вы мне разрешите предложить вам один вопрос?

Несколько смутившись, он ответил:

- Пожалуйста.

- Из здесь присутствующих кто-нибудь читал мое произведение от начала до конца?

Он еще более смутился. Перемолвился с экспертом и ответил:

- Ваше произведение читала врач-эксперт.

- Вы не читали. И тем не менее, совесть вам позволяет утверждать, что оно бездарно.

- Мы верим нашему эксперту. У нее достаточный опыт, обширные познания.

- Даже в области искусства?

- Да... Кроме того, у нас есть рецензия на ваше произведение специалистов, писателей.

- И вы верите, что в нашем государстве найдется такой специалист-писатель, который способен высказать свое собственное мнение.

Наконец, он спросил, считаю ли я себя больным.

- До сих пор был здоров. Не знаю, удастся ли вам сделать меня больным.

- За кого вы нас принимаете?

- "Трижды убийца - убивающий мысль". Это слова Ромэна Роллана, которые я взял эпиграфом к своему произведению. Они относятся к Сталину и его помощникам. Что ж посмотрим, будут ли они относиться и к вам.

7

Итак, я оформлен сумасшедшим. Гуманное государство не наказывает, а лечит. Это "лечение" нужно не мне, а государству. Моему здоровью оно вредно. Когда меня арестовали первый раз, это было в 1935 году, тогда мне лгали, не стесняясь даже такого свидетеля, как я сам, что я - враг государства. Наконец, я стал врагом этого государства. Теперь мне лгут, что я не враг, а больной. Лгут, не стесняясь меня самого.

Причиной моей болезни считают незаслуженные наказания, которые я претерпел. Теперь причина болезни годится в качестве лекарства от этой же болезни, ибо лечить меня будут не в курортных местах, а в тюремных. Главный метод "лечения" - устрашение. Главный признак выздоровления - раскаяние. "Лечить" меня можно сколько угодно долго. Всегда можно сказать: "Еще не выздоровел".

Меня еще не перевели из экспертного отделения, а заботы о моем здоровье становятся более активными. Без всякого повода меня перевели в камеру к рослому, крупному мужчине, который пользовался известностью неукро-

тимого драчуна. Я сам несколько раз видел его в таком состоянии, когда он набрасывается с кулаками на кого угодно. Первый вечер мы провели мирно. На другой день он разошелся...

Немного позже я был переведен в седьмое отделение. Начал, конечно, с двадцать пятой палаты. Таких палат, как двадцать пятая, в каждом отделении две-три. Вновь поступающих суют туда под предлогом ознакомления с их поведением. Называются эти палаты наблюдательными. Переводят туда и для того, чтобы наказать провинившихся. Нечто вроде карцера. Побывавший там обычно становится сговорчивее.

В палате было тесно. Дюжина живых существ шевелилась, ища себе занятие. Один из них подкарауливал возможность схватить чьи-нибудь тапочки и выкинуть их в форточку. Первым ко мне подошел тот, кто выполнял обязанности старосты и чувствовал себя хозяином. Задавши мне несколько вопросов, он отрекомендовал свои владения с пренебрежительным жестом: "Тут у нас ни одного нормального - все чумари". У самого спинки койки были облеплены бумажками из-под конфет, а на стене красовалась какая-то странная фигура, напоминающая изображение взлетающей ракеты на детских площадках. Фигура эта составлена была из разноцветных этикеток и вырезанных откуда-то картинок. Другой из подошедших задавал более толковые вопросы, но был достаточно надоедлив, и я перестал обращать на него внимание, хотя он еще долго не отходил от меня. Шевелились, правда, здесь не все. Трое сидели неподвижно на своих койках от еды до еды. Позы у них неудобные, напряженные, как будто они постоянно ждут удара. Смотреть на них очень неприятно, потому что трудно постигнуть их терпеливость. Обычно натурщик, даже добросовестный, делает одну-две разминки за 45 минут. Единственным разумным занятием здесь была еда. Все другое, что существует в мире, было вне этих стен.

Здесь были и очень шумливые, излишне живые существа. Один из них, еще молодой, из военных, очень исхудав-

ший: его еду тайком съедали другие, потому что он сам с трудом отрывался от исполнения своих служебных обязанностей. Все время он кричал на своих подчиненных, изображая гнев на своем лице, ругаясь и поучая. Поднятая кисть его руки поражала своей худобой и неподвижностью в течение многих часов. Глядя на это, я думал: "А были ли его слова более разумными и безвредными, когда перед ним были не воображаемые, а живые подчиненные?" Такого крикуна, который кричит непрерывно, еще можно временами не замечать. Вреднее был другой, в противоположном углу камеры. Он молча гримасничал, стараясь придать лицу угрожающий вид. Потом неожиданно громко вскрикивал, желая напугать. Делал это он через равные промежутки времени, как часовой механизм. Иногда он вскакивал с койки, подбегал к кому-нибудь и осыпал быстрыми ударами, которые не достигали цели. Несколько человек постоянно бродили у чужих коек, совершая какие-нибудь пакости, старались украсть что-нибудь недоеденное. Одному из таких предприимчивых нравилось копаться в чужих волосах. Он разбудил меня, когда я задремал, переутомленным. Чуть ли не самым надоедливym оказался выполнявший обязанности старосты. Он слишком часто, громко и многословно ругал то одного, то другого за беспорядки и хулиганство, и учил, учил, учил.

Не скрою, мне было бы гораздо легче находиться среди трупов, чем среди таких живых. Я понял, что для улучшения своего настроения нужно поменьше сочувствовать. Люди, на которых я смотрю сейчас, больше причиняют неудобств другим, чем страдают сами... Да об истинных страданиях они даже представления не имеют. Будем же смотреть на них с лупой в руках. Поучимся равнодушию у здешних врачей.

Как много крика и движения! А я уже сильно переутомлен, у меня уже начинает болеть голова, что со мной очень редко случается. Глаза закрыть можно, но что делать с ушами? В ту ночь я еще не догадался затыкать уши пробками из хорошо промятого хлеба. Нужно уснуть. Ко-

нечно, меня могут изуродовать сонного... выбить глаз... Но какой смысл об этом думать! Ночью одному из предприимчивых пришла идея поплясать у моей койки. А утром интересовались моим самочувствием. Изволил со мной побеседовать молодой человек даже не в белом, а в военном. Пришел он во время завтрака, имел возможность видеть, что аппетит у меня остался нормальным, и глаза были не умоляющие, переполненные ужасом.

Три года держали меня в этом заведении, принуждая к капитуляции.

Капитализм "научный"

Спроси, бывало, у неграмотного мужика, как выйти из трудного положения, ответ будет коротким. Теперь спросить не у кого: все грамотны. Теперь мы говорим, говорим, говорим...

1

Русская революция и тот слабоумный эксперимент, который за ней последовал, есть результат общей болезни. Родилась эта болезнь в Европе. А ведь не хочется признавать это. "Там русский дух, там Русью пахнет" - берите на себя русские весь позор за содеянное.

Было две причины революции. Первая - это недовольство народа деятельностью правительства. Вторая - это деятельность, подрывная деятельность одержимых жаждой власти революционеров. Чем недоволен был русский народ? Земельной собственностью дворян и войной. На этом спекулировала троцкистско-ленинская клика, чтобы свергнуть Временное правительство, законное, революционное. В феврале была революция, в октябре - нечто другое. Немецкий народ был солидарен с русским, они братались на фронтах первой мировой войны. Два народа, пролившие больше крови, первыми поняли дряхлость мышления европейских господ.

- Бабка, а ты чёрта видела?
- Видела.
- Своими глазами?
- Своими глазами.
- Какой же он?
- Верх - в кожаном, внизу - галифе, на боку - наган.

Много их ходило по землям российским. И я их помню.

- Земля ваша велика и обильна, а порядок ваш нам не нравится.

- Слова-то, кажись, знакомые. Новыми господами к нам пожаловали? Первые-то князья не порядок на Руси завели, а войны междоусобные. Татарам победу обеспечили.

- То были князья, а мы - теоретики. Под нашим руководством вы постройте социализм.

- И чертежи у вас есть? На сколько этажей потянет этот ваш социализм?

- Чертежей у нас нет. Дураки вы... Это не дом и не церковь, это идея...

- А что она разъясняет эта ваша идея? Ну?.. Ну-ка?

- Отвяжись. Мы сами еще не уразумели. Споров было много... много слов, лозунгов... Ну, в общем, это такой порядок, где трудящийся зарплату получает справедливую, по труду.

- Так у нас уже есть социализм, лучше и не придумаешь. Земля платит человеку по труду, честно. Она, матушка, не обманет и себя не даст обмануть. Не нужен нам ваш социализм. Свой нам лучше.

- Вот какие упрямые! Так мы вас коммунизм построим.

- А это что за штука такая?

- А это... когда берешь не по труду, а по желанию. Сколько хочешь, столько и берешь.

- Вот тебе и раз! Мы ж не грабители. Честному человеку лишнего не надо. Одно брюхо каждому Бог дал. И одежды много не наденешь: жарко будет. Тело на каждого тоже - по одному. Вы у крестьянина поучитесь потребности понимать. На год только запасаем. А дальше земля-матушка за наш труд и дальше покормит.

- Свиньи вы деревенские. Где вам понять потребности образованного человека.

- А ты не лайся, шибко образованный. А наша необразованность... это город виноват.

- Вот мы вам и хотим ваш труд облегчить. Машин побольше...

- А не надо нам труд облегчать. Где труд - там здоровье. Когда сам себе хозяин - не надорвешься, не беспокоиться. Летом, правда, спать приходится поменьше... Это, когда сено сушим да рожь с поля убираем. А в остальное время и летом жить можно. А уж зимой раздолье. Зерно - в клетки, сено - в сарае, скот - в хлеву. Конечно, и зимой крестьянин не бездельничает. Не такой человек. Бабы прядут, ткут, вышивают. Мужчины плотничают, столярничают. Сани... столы... все делают сами. Времени много зимой, хватило бы на образование. Да с книгами беда, лихая беда. Нам книги умные нужны, чтоб понимать, что творится... и как самому жить. А вы нам что пихаете? Сонники, гадалники, песенки про ухаля-купца да про разбойников. Такая благодарность за наше добро - за пшеницу, за лен, за шерсть.

- Так это ж при царе было!

- А при вас еще хуже будет. Один Демьян Бедный чего стоит...

- Да-а. Видим мы вас насквозь. Чуждый элемент. Эсеровским духом так и прет. С этой мелкой буржуазией похорошему не договориться. Арестуем главарей.

2

Весна 1966 года.

Едем в деревню. Ох, и тяжелы же наши рюкзаки! Нелегко преодолевать большие расстояния с такой ношей. Когда мы с Петей останавливаемся на короткую передышку, мы не садимся, а расслабившись падаем в снег. Повалившись минут десять, с трудом поднимаемся на ноги и не сразу верим, что мы еще способны идти дальше. Кроме

прочего в наших рюкзаках несколько увесистых чугунов для русской печи. В ленинградских магазинах они иногда бывают, но в сельских я их никогда не видел. Зато в Нище можно купить овощные консервы - такова "плановость" нашего хозяйства.

Тетя Ньюша умерла в начале 1965 года. Ветхая избушка-малютка осталась мне по ее завещанию вместе с огоро-дишком.

Петя хочет жить в деревне, в Нище. Желание большое... Он полюбил деревню в качестве дачника, в качестве добровольца он немножко попробовал и здешней работы, знаком со здешними людьми. Нам пришлось употребить немалые усилия, пытаюсь отговорить его. Безрезультатно.

- Твои заработки будут очень маленькие, деревенских эксплуатируют вдвое больше, чем городских. А ты уже семьей обзавелся... ребенок.

- Нам хватит того, что я заработаю: у нас будет огород и сад.

- В Нище нелегко получить постоянную работу.

- Я устроюсь почтальоном, нам и хватит.

- Прозевал. Место занято. И поверь, что эта женщина зубами будет держаться за эту работу до пенсии.

"Пойду пастухом". Пете закрыли дорогу к профессиональному образованию не только в институты, но и в техникумы. И вот его новые мечты. Всех он в Нище удивил своим решением, противоположным всем ветрам нашего времени.

- Да я за одну только прописку в Ленинграде всё отда-ла бы, - говорит продавщица.

Директор совхоза произвел на Петю неплохое впечатление. Уверил, что, работая пастухом, он заработает более ста рублей в месяц. Петя слишком доверчив. Однако условия приема на работу оказались в полной мере антигуманными. Несмотря на свое сильное желание, Петя сохранил малую толику осторожности. Он не сразу хотел переезжать. Он надеялся, что ему дадут возможность поработать временно, испытать себя и работу. В нашем государстве

существует испытательный срок работы, но только для удобства администрации. В обратном направлении этот механизм не работает. От Пети потребовали, чтобы он сначала сжег за собой мосты, чтобы он сейчас же вернулся в Ленинград, выписался в домоуправлении и прописался бы здесь постоянно. Только после успешного завершения этих хлопот и затрат директор изволит взять из его рук заявление о приеме на работу. И Петя все это проделал.

3

Здесьшний колхоз недавно переименован в совхоз. Это произошло непросто. И как раз в то время, когда нам в институте объясняли с педантичной наукообразностью преподаватели "закона Божия", что с переходом от колхозов к совхозам спешить нельзя, что крестьянская психология изменяется медленно. Они все еще собственники, говорили нам, хотя те счастливики, которым удавалось уйти из деревни, никогда своей доли собственности из колхоза не получали. И вот во время моих занятий в институте здесь, в деревне, потомки крестьян сами требовали переменить название. Да еще как требовали! Даже милиционеров сюда присылали из районного центра присутствовать на собраниях для устрашения населения. И не помогло. На скользком месте оказалось правительство, что даже трусливые люди добились своего. Добились они того, что с переменной названия теперь, достигнув старости, они будут получать от государства хоть малую пенсию. Да и за работу будут получать хоть малую зарплату. Значит, ко времени Петинного устройства в деревне дела местных жителей здесь улучшились.

Несколько слов о том, как жили здесь до перемены названия. Сейчас платят за работу деньгами, тогда начисляли трудодни. На трудодни если и выдавали продукты, то так мало, что люди могли существовать только со своих огородов, которые не превышали полугектара. Другой источник существования - свиньи и корова. Корову содержать очень трудно. Дореволюционный крестьянин до-

бывал сено для своего скота на своих лугах. А если и случится такая беда, что своего сена чуточку не хватит, то недостающее сено можно было косить на лугу помещика исполу, т. е. половину себе, половину помещику. Теперь все сено нужно добывать на других условиях. Норма эта изменчива, но в Себежском районе она не удалялась существенно от одной десятой. Десятую тонну тебе после того, как ты заготовил девять колхозу или совхозу. За последние годы формула эта улучшилась, но до старого еще далеко.

Есть еще значительный источник корма для скота. Но он никогда не используется. После уборки зерновых культур комбайнами около одной трети зерна остается на поле в колосьях и мякине. Но собирать эти колосья и разбросанную по всему полю мякину запрещено. Эта бессмысленная жестокость имеет мудрый философский смысл, она направлена против возбудителя опасной болезни - вируса "частнособственнической" психологии. К слову, рассказывают, что здешний председатель колхоза поджигал по весне заросли малинника, чтобы колхозники в рабочую пору не увлекались сбором ягод.

Итак, Петя начал здесь работать после значительных изменений к лучшему. Прежде чем начать работать, нужно было устроить пьянку для всех рабочих и начальников в Нище. Таков обычай, уверяли они Петю. Я уговаривал его не поддаваться давлению, но Петя опасался испортить отношения со здешним населением. Теперь все активны пропивать чужие деньги, особенно начальники.

4

Почти все скромные Петины сбережения пропиты, и Петя начал работать на скотном дворе. Зачислен он пастухом. Но сейчас еще нет в поле травы, и он убирает от коров навоз, самый свежий, по мере его производства. Я выполняю обязанности домохозяйки. Топлю печь, готовлю еду, слишком скромную. Петя безропотно терпит всё: и самый свежий навоз, и самую тощую грубую еду. Кроме

домашней работы, я занимаюсь еще ремонтом Петинной квартиры. В прошлом году в Нище достроили двухэтажный дом для предполагавшихся рабочих совхоза. Дом этот почти пустует. Пете дали в этом доме квартиру. В теткинной халупке жить с семьей мудрено: слишком тесна и ветха. Огород и сад у него будет здесь, а квартира там, за мостом. Здесь разрастается сад. Яблони постарше уже начинают давать урожай. Количество ягодных кустов мы довели до полусотни.

Какая надобность ремонтировать квартиру в доме, который выстроен только в прошлом году? Стены строили из кирпича, междуэтажные перекрытия привезли готовые - железобетонные. Они валялись некоторое время на земле. В их внутренние продольные отверстия набралась вода, которая там замерзла к тому времени, когда их клали на место. Когда лед растаял, то в потолках оказался достаточный запас воды, чтобы стены намокли и все обои сгнили. Разрушилась штукатурка вокруг окон. Мы содрали обои, отковыряли часть штукатурки и заменили ее новой. Все это мы делали вдвоем, пока Петя не принялся за работу. Теперь я продолжаю делать это один, а ему не часто удается даже выспаться нормально.

Расписание работы составлено так мудро, т. е. так путанно, что трудно даже обнаружить какие-либо повторения. То днем работает, то ночью, то утром, то вечером. А промежутки между рабочими днями и ночами слишком коротки. Когда прошло десять дней и мы подсчитали отработанные часы, то обнаружилось, что директор совхоза в своей первой беседе проявил "незначительную" забывчивость. Сказав о зарплате в сто рублей, он всего-навсего забыл сказать, что продолжительность рабочего дня при таком заработке будет не 7-8 часов, а все 16. Даже нормальный сон не выкраивался. А ведь нужно еще одеться, раздеться, помыться, несколько раз поесть.

Но Петя не сдается. Он перешел со скотного двора в так называемую полевую бригаду. Заработки будут меньше, но больше свободного времени. Первый день он вместе

с другим молодым человеком возил сено на лошади от стогов на скотный двор. Заработали за весь день по сорок копеек. Второй день их опять послали на эту же работу. Еще раз - по сорок копеек. Эти копейки способны вызвать недоверие у читателя. Но что поделаешь, действительность с этим не считается. Пришлось Пете обратить внимание и на то, как по утрам грызутся рабочие, чтобы получить более выгодную работу. Он почувствовал себя неспособным к ежедневной борьбе такого рода. Позиция сельской жизни развеялась. Не запах цветов - вонь публичной уборной.

5

1967 год.

Петя с жаром хватается за новую надежду. Ему кажется, что нам будет хоть немного спокойнее жить в любой из прибалтийских республик. Много мне пришлось поездить по Эстонии, Латвии, Литве, прежде чем нам удалось на свою комнату в Ленинграде выменять хорошую квартиру в городе Елгаве. Хоть от квартирных соседей избавились. Часть хлопот Петя взял на себя. Вещи перевез он.

Казалось, уже все позади с переездом. Но вот Петя приехал к нам в Нищу. "Что случилось?" - "Михайловна не выезжает из квартиры. Притворилась больной".

Пришлось мне опять собираться в путь. Взяли с собой ведро варенья. Нашлось и еще груза. Порожняком ходить не приходится. При посадке на автобус увидели милиционера. Подходил к нам, даже пытался заговорить. Так обычно контролируют всякое наше перемещение. Так обычно готовится для нас "воспитательное" мероприятие. Когда мы, очень усталые, появились в Себеже, к Пете сразу же стала привязываться "шпана". Сначала только двое.

- Что вам от него надо?

- Да вот... я задаю вопрос, а он не отвечает.

До вокзала мы все же доехали благополучно. Но и они приехали туда.

- Выходи на улицу, а то здесь начнем бить.

Проходит час, другой. Их становится все больше. Их уже около десятка шныряют около нас.

Их главарь отделился от своих. Подсел к нам поближе. Начал разговор. Хочется ему поиздеваться над нами. Я бросаю ему вопрос: "Кто вы такой?" - "Художник". - "Вы сексот, а не художник". Такое изобличение обычно обескураживает. При этом появляется желание получить дополнительные инструкции, как действовать дальше. Действительно, он исчез. Исчезли и его сообщники.

Скоро они опять собрались в зале ожидания. Либо их главарь получил распоряжение только потрепать нам нервы, либо они нападут на нас, когда придет поезд и мы с занятыми руками направимся к вагону.

На этот раз обошлось без кровопролития. А совсем недавно стены коридора нашей ленинградской квартиры были густо забрызганы кровью.

6

Лето 1968 года.

Петины надежды, что в Прибалтике жить можно будет спокойнее, не оправдались.

Но латыши хоть менее любопытны, чем русские. Спроси у русского дорогу, прежде чем ответить, он подвергнет тебя допросу. И кто ж ты такой, и к кому ты там идешь. Выворачивайся наизнанку, а то рассердится и дорогу не покажет.

- У нас так не полагается, можа, ты шпион...

Собственную бестактность оправдывают интересами государства. Особенно в наших прославленных партизанских краях развита шпиономания до полного маразма. Разговаривают две женщины в автобусе:

- Встретился какой-то мужчина, спрашивает меня, где Осиновское озеро. Что за человек?.. И зачем ему Осиновское озеро понадобилось? Я ему в другую сторону показала - пусть поищет...

Когда я попросил знакомого охарактеризовать население тех мест, где он жил, он уточнил:

- А тебя какое население интересует, нынешнее или то, что было до Сталина? Это разные люди, очень разные.

И в Нище у нас идут обычные допросы: "А что ж Петя уехал? А что он не побыл? А ти приедет он опять?" И все это с таким наивным видом. А надо нам поменьше о себе рассказывать. Даже уйти отсюда нужно тайком, чтобы не сразу спохватились, чтобы не успели наши благодетели подготовить в дороге какое-нибудь "воспитательное мероприятие", опасный спектакль с участием "бывших моряков"... Себежским кагебешникам именно моряки представляются самыми устрашающими забияками. Если в Себеже или Идрице появились около нас хулиганы, называющие себя моряками, то мы уже знаем, что это сексоты и что привязываться они будут именно к нам, а не к кому-либо другому.

7

Познакомимся с некоторыми из моих соседей в Нище. Здесь к человеку доступ более свободен, чем в городе. Прийти могут и без дела, зайти могут и без стука. Правда, у меня дверь в сенях отворяется с большим шумом. Я не чиню ее умышленно. В Нище мы живем месяцев пять в году. Пробыть шесть месяцев рискованно, можно потерять право на проживание в городе. Жена моя превратилась в пенсионерку, а я навсегда потерял право на пенсию в связи с тем, что меня нигде в свое время не принимали на постоянную работу. Прирабатываю малость в зимнее время, позируя в художественных школах и институтах. Пока живем в Нище на своей картошке, бобах и ягодах, немного накапливается денег от пенсии жены.

Ануфриевну, нашу соседку с восточной стороны, я не отнесу к числу своих "воспитателей". Вот она сейчас гоняется с палкой за своим петухом и кричит. Она уже стара, живет одна. Только с курами и поругаться. Кричит своему петуху:

- Как я сказала, так и будет!

Для нас она удобнее других соседей. Ее куры у нас на

огороде не ищут пропитания. Они сыты, да и держит она их больше взаперти, в просторном помещении, построенном ее сыном. Сын ее сообразительный мужчина, знает, что деревенский дом ему в старости может понадобится, посещает мать и кое в чем помогает ей. Она получает всего восемь рублей пенсии. Общаться с Ануфриевной не скучнее, чем с другими нашими соседями.

Петр Степанов. Он моложе нас. Иногда настойчиво приглашает к себе, прибавляя при этом: "Вы ведь ни к кому больше не заходите". Несколько раз я у него был. О художниках-передвижниках он кое-что слышал. Бывший партизан из отряда Дуды. Был и в регулярных частях армии, в войсках государственной безопасности. В общем, не скрывает, а может быть, даже преувеличивает свою причастность к чекистам. Высокий, черный. Взгляд немного загадочный.

Однажды пьяный (а трезвым его редко увидишь) он увлекся и перешагнул границу осторожности. "Или я вас перевоспитаю, или - вы меня", - заявил он мне. На что я ему ответил, что не считаю это возможным. "Я вас не хочу перевоспитывать, а вы меня не можете. Теорию... так называемую теорию марксизма я лучше вас знаю, и вы бессильны изменить мое отношение к ней. А практику так называемого строительства коммунизма вы не можете мне преподнести в привлекательном виде. Вы лучше меня знаете, как плохо вы здесь хозяйничаете, а я лучше вас знаю, как плохо хозяйничают и в других местах. Скажите, ваш совхоз приближается к коммунизму или удаляется от него?" Он молчал. "Вам с каждым годом все труднее прокормить скот, а площадь скошенных лугов с каждым годом уменьшается. Сколько здесь заливных лугов... Все заросли кустарником или не все? А ниже по реке что делается?" "Рабочих рук не хватает..." - ответил он уныло. "Безлюдье, - сказал я, - как в Римской империи накануне ее гибели".

Однажды он стал уговаривать меня, чтобы я принял участие в выборах. "Хотя бы для меня лично. Мне поручи-

ли... Что вам стоит..." - "Вот-те раз! Что мне стоит... Выборы я считаю издевательством над избирателями. Я согласен, но при одном условии... если вы мне дадите обещание". - "Какое?" - "Бросить пить, - сказал я, оглядываясь на его жену и дочь, присутствовавших при этом. - Что вам стоит? Для меня лично..." Как отрезало. Больше он ко мне не обращался с приглашением на выборы.

Однако такой откровенный воспитатель встретился мне только один раз. Очень нужно уметь их распознавать.

Под жестким давлением (не скупятся) сексотом у нас может стать твой вчерашний друг, и твой родственник, и член твоей семьи. И это для многих из них путь не к легкой, а к мучительной жизни, иногда к соучастию в преступлениях с риском быть уничтоженным в качестве нежеланного свидетеля.

8

Еще две семьи. Переселенцы. Раньше они жили ближе к Москве, где-то около Великих Лук. Значит, есть места, где и похуже, чем в Нище, живут. Ближе к нам живет Хилип, дальше - Хвидосей. Не в почете у многих русских звук "Ф". Начнем с Федосея и Федосеихи. Они переселились в Нищу раньше Филиппа, сразу же после войны. Федосей - тертый калач. Был в Нище и председателем колхоза (много мужчин попробовали этой должности), пока не сняли с работы по той же причине, что и всех остальных, за то, что пропивал колхозное имущество. На общем собрании колхозников его приговорили к такому наказанию: не уходить из колхоза до старости, работать рядовым рабочим.

В старое время сообразительность проявлялась на пашне: "Что посеешь - то и пожнешь". Ныне соревнуются иначе. У кого выпивка и закуска, для начальства будет приятнее. Тут не скупись, тогда и будешь пожинать... выгодную работу, и пенсию получишь.

Техника получения пенсии такова. Работают оба супруга, а записывают всю работу на одного, кому раньше на

пенсию выходить. Удваивается заработок - удваивается и пенсия. После этого первая половина, уже получившая пенсию, помогает удвоить пенсию второй половине. А дальше - обе половины успокаиваются и стараются на полях совхоза не показываться. Разрушительная пересадка на другой "поезд": от переутомления - к безделью, но нерегулярному. Все рывки. Весной рывок: картошку запахать на своем огороде. Осенью рывок: картошку убрать надо. В остальное время - всё болит...

Лошадей в совхозе совсем мало. И нет лошади отдыха, когда ее приводят для работы на огородах. Тут она хорошо чувствует, что она всем чужая, что люди эгоисты. Хотя первую вспашку на огородах делают трактором, но для посадки пользуются лошадью. Получивши лошадь, все соседи стараются поскорее довести до конца всю свою посадку.

По Сеньке и шапка. Оставшиеся в живых лошади так же не похожи на своих предков, как нынешние жители деревни не похожи на крестьян. Другое воспитание. Раньше лошадь с хозяином были друзьями. Нашей "Буланке" бывало не только кнута не требовалось, даже прикрикнуть на нее не было надобности. Сама все время бежит рысцей, два-три человека для нее ничто. А если с грузом в гору - сама торопится, чтобы воз не потерял инерции. Теперь лошадь в упряжке и шагом идти не хочет, если ее не погонять - остановится. Нынешняя лошадь тоже соображает, но по-новому. Попробуй выйти из саней для того, чтобы наломать хворостину, - уйдет, не догонишь.

Мы в нашем маленьком хозяйстве лошадью не пользуемся. Услугами соседей - тоже. Картошку выращиваем с помощью лопаты. Проявляем изобретательность, чтобы работа шла не рывками, а по возможности равномерно, всё лето.

Но мы ушли от Федосея. Мужик он грамотный. В газеты заглядывает и может проклинать Никсона или кого другого за их поездки в Китай. Все наши встречи в бане старается превратить в политические дискуссии. Это легче,

чем воздержаться от выпивки за счет колхоза, когда тебя выбрали председателем. Наше присутствие в Нище позволило не одному Федосею самым легким способом продемонстрировать свою благонадежность. Вот продавщица в магазинчике расписывает, как плохо жилось ее матери в старое время и как бы хорошо она жила сейчас. "Теперь бы зарабатывала больше сотни и ходила бы так, что на ней всё шуршало бы". На матери шуршало бы, а на дочери не шуршит. Мать получала бы больше сотни, а дочь довольствуется половиной этого. Даже это можно забыть в пылу пропагандистского увлечения.

Ближе всех от нашей избушки живет Филипп. Свой дом он построил за лето 1963 года. Он родной брат Федосеихи, и Федосей теперь не чувствует себя одиноким среди недружелюбных соседей. Филипп многодетный: три сына, две дочери. Впрочем, как у самого Федосея дети расплозились по городам, так и Филипповы дети стремятся к тому же. Первое время Филипп вызывал у меня сочувствие. Он не из тех, кто "умеет жить". Внешность незаметная. Посмотришь в бане - худенький. А работать надо много. Привычка к регулярной работе делает чудеса. Поди-ка, помахай рядом с ним косой! Катька, жена Филиппа, подобно мужу невысокая, лицо добродушное, в молодости была красива. Нарожала кучу детей. Теперь это "старомодно" даже в деревне. Как она их воспитала, лучше всего охарактеризовал сам Филипп.

- Хуже нет маленькому: ты хочешь пить - тебя кормят, ты хочешь есть - тебе пустышку суют, ты спать хочешь - тебя трясут, трулюлюкают.

Катька ленива, неряшлива. Но все же себя и свою семью обслужить способна. А вот ее старшая дочь Валька, та и на это будет не способна. Той совесть позволяет на полях совхоза только один раз нагнуться за то время, пока другие успевают это сделать три раза. Так как и другие не торопятся, то ее движения можно признать почти виртуозными в своем роде.

- Когда она была девчонкой, я думал, что из нее полу-

чится аппетитный шашлычок, а вот она уже превращается в толстую бабищу, - сказал о ней один из нищанских мужчин.

При таком уважении к своей лени эта Валька была способна целый день отстоять около мужчин, которые ремонтировали трактор у нашего огорода и которым было не до нее, так на всякий случай, - может быть, и обратят, наконец, внимание. Позже она под видом любовных свиданий караулила по ночам у нашего огорода, чтобы мы не ушли из Нищи без ведома КГБ. Тут уж скорее КГБ надоест, чем ей.

9

Новые мечты у Пети. С ним недавно познакомились работники редакции и обещают ему место штатного фотографа в редакции елгавской газеты "Дарба узвара". Ему остается только уволиться с работы. Сейчас он работает при почте, ремонтирует телефоны-автоматы. Зарплата в этой организации скромненькая, но он достиг высшего разряда, мечтает о каком-то усовершенствовании, изобретении. Жалко терять эту работу. Мы с Люсей почти уверены, что он не получит обещанного места в редакции, что эти люди - сексоты. Но как убедить Петю? Как ему отказаться от заманчивого будущего? Он любит фотографию и достиг уже значительного умения. Его фото время от времени публикуются в елгавской газете, правда, анонимно. Неужели родители правы? Но надо дерзать. Он уволился. Добрые люди из редакции пропили все деньги, которые он получил при увольнении, и оставили его без работы... Когда мы после этого вновь возвратились в Елгаву, старший внук (четырёх лет) уже знал, что делать, когда нечего есть, и бабушку поучал:

- Есть хочешь? Выпей водички и пойдем гулять. Может быть, бутылку найдем...

10

1972 год. Идем вдвоем с Люсей в Нищу. Тяжело. Вещи

кажутся тяжелее, когда не уверен, что именно сюда их надо нести. Удивительно! Собираясь в дорогу, берешь только самое-самое необходимое, а рюкзаки и сумки всегда тяжелы. Пишущую машинку с запасом бумаги все время приходится таскать с собой. И дорога кажется длиннее (9 км пешком), потому что нет уверенности, что не придется идти обратно. Цела ли избушка? Будет ли в этом году здесь атаковать нас милиция? И как?

Моя верная подруга шагает рядом со мной. Под грузом не горбится. И как я, она готова на время отодвинуть заботы и тревоги о будущем ради того, чтобы летние месяцы отдать творческой работе. Хочу писать повесть, которая уже созрела в моей голове. После каждой остановки на отдых Люся спорит со мной из-за вещей, не с тем, чтобы освободиться от лишней тяжести, а с тем, чтобы мне облегчить ношу. Давно, будучи девушкой, она мечтала о профессии геолога. Непоседливая жизнь тогда ей казалась привлекательной. Теперь она слишком пресыщена переменами и дорожными тяготами. Теперь нам приходится скорбеть, что даже для вещей у нас нет надежного места. Из-за нашего присутствия в этом мире уродуется жизнь наших близких.

Впрочем, силы наши прибывают, когда мы шагаем по деревенским дорогам среди зеленых друзей.

Мы пришли. Изгородь вокруг нашего огорода исчезла. И жерди не валяются на ее месте. Всё унесено дочиста, при восстановлении не воспользуешься старым материалом. Из полусотни наших ягодных кустов осталось только пять, самых старых. Уборной нет. Яблони изуродованы: лучшие сучья обломаны. Труба избушки доверху заполнена землей вперемешку с сучьями. А внизу видим неиспользованные остатки этого материала. Вместо того чтобы сразу затопить печь, нам приходится несколько часов возиться с очисткой трубы. На крыше ветер кажется достаточно прохладным после тяжелой дороги.

Больше других здесь потрудились семья Филиппа. Он, бедняга, получил очень маленькую пенсию. Ему и жене зачли в стаж только время их работы в Нище и не зачли всю их работу на родине, до переселения. Писали они жа-

лобы. Но отовсюду получали подтверждения, что пенсия им начислена правильно, что они "летуны" и должны быть по заслугам наказаны. Есть в Нище и еще более показательный случай. Не смогла ужиться в одной избе с родственницей и переселилась женщина в Нищу из Красюков - километра четыре между этими деревнями - и оказалась... в другом совхозе. И весь ее прежний стаж работы не был зачтен по закону, который держится в секрете от населения. Она получила пенсию одиннадцать рублей. Что за дело до бедного народа тому, что получает персональные пенсии. Теперь Филипп надеется, что за его сексотское усердие с ним расплатятся нашим же имуществом. Уверяет соседей, что ему "нарежут" наш сад, когда нас отсюда выживут.

11

Можно плюнуть на то, что коровы ходят вокруг яблонь. Пусть это больше смущает пастухов, чем нас. Но разумно ли в нашем положении пренебречь тем, что обветшавшая крыша на избышке может с самой малой помощью соседей в любой день открыть для дождей значительную часть потолка. Я чувствую, как мое "имение" одним только видом своим ослабляет мое здоровье, подчеркивая наше бессилие. Может быть, и не нужно ничего делать, но и для этого необходимо принять твердое решение и покончить с мучительным взвешиванием.

Идем по берегу реки. Рубим на болоте жерди и столбы для изгороди. Стаскиваем все это к реке и, связав веревкой, тащим вслед за лодкой как можно ближе к своему огороду. Разумеется, на это уходит несколько дней. Несколько дней уходит на очистку от коры. И через две недели стоит новая изгородь вокруг всего огорода. После этого мы несколько дней ходим жать тростник для крыши по берегам реки. Ух, и жарыща! Купаемся, вспоминаем молодость. Мы ведь оба неплохо плаваем. В какие только воды нам ни приходилось погружать свои тела. Но эта маленькая река особенная, загадочная, со своим очень ленивым течением и значительной глубиной. Протекает она здесь по заливным лугам, которые теперь густо за-

росли кустарником. Оба берега низки, но высок зеленый барьер у самой воды.

Тяжелое для нас лето, очень жаркое, засушливое. Работы очень много. После крыши делаем из старых новые стены в сенях и дверь. По мере того, как работа убывает, у нас прибывает бодрости и уверенности.

Только к осени наше хозяйство приведено в хорошее состояние. Чувствуем себя молодцами, хотя для того, чтобы писать повесть, не осталось времени. В середине сентября из Ленинграда, куда уехал на время Петя с семьей, получаем телеграмму: "Петя с Галей ушли к знакомым неделю назад. До сих пор не вернулись".

Через полмесяца выяснилось, что их держали 15 суток под арестом за то, что они побеседовали на улице с иностранцами, а после этого не сумели достаточно угодливо объяснить по данному поводу с милиционерами.

12

1973 год.

Сидим вечером на скамейке у избушки. Идут домой коровы. Здесь проходят два стада. В большом стаде около сотни коров. Это совхозные. Маленькое стадо - это личная собственность жителей. Тут и корова Петра, и корова "учителки" - секретаря партийной организации. Посмотрите, какое вымя у каждой. Такого вымени ни у одной коровы из большого стада вы не найдете. В большом стаде явно неполноценный скот. Около трети коров - яловые. Зато бегают шустро. Пастуха близко не подпускают с его кнутом и отборной матерщиной. Коровы жадно хватают траву у изгородей и с особой жадностью окружают любую лужицу. Пастух не останавливается ради такой их прихоти.

- У-у-у!.. сволочи... отродясь воды не видели!

Коровы жадно пьют, обращая внимание не столько на раздраженный голос пастуха, сколько на расстояние до него. Бегом, бегом через всю деревню...

Вечером Люся идет к Полине. Та иногда рассказывает,

как мучилась с пятью детьми во время войны. "Никому не нужна... и партизаны гнали от себя". Однако немцы не дали погибнуть голодной смертью. "Привезли меня с ребятами в Литву. Там хуторяне всех наших взяли на работу, а меня с ребятами не берут. Тогда немцы отвезли меня к одному толстому капиталисту, сказали, чтоб взял. Плохо он нас кормил... три литра молока на всех... настоящий капиталист, американский..." Так и сказала: "Настоящий капиталист американский". Пока работала у "американского капиталиста", все дети были живы, а когда вернулась к Титовичу - двоих похоронила.

Поразительно это дикое невежество, агрессивное невежество нашего населения, лишенного правдивой информации. В Ленинграде нас совсем недавно уверяла молодая женщина со средним образованием (!), что ходят слухи (и сама она в это верила), что стали воровать грудных детей.

- Зачем?

- А кровь из них выкачивают.

- Для чего?

- В Америку увозят...

С поразительной наивностью многие верят в то, что все скверное течет к нам с Запада, все уродства в искусстве и в модах, вплоть до порнографии - всё оттуда. Значит, выше железный занавес!

А у нас всё хорошо. Только что это за крик, истощный крик доносится от моста? Это утопился пьяный мужчина, еще молодой. Покончил самоубийством. Хотел и пасынка заодно утопить, да тому удалось вырваться. Этот мужчина жил с очередной женой. Так живут многие из тех, кто заботится не о детях, а о возможности частой выпивки. Через несколько месяцев вблизи от этого моста забрел в воду и утонул другой пьяный. Здешний ветеринар Романовский, коммунист.

У нас всё хорошо. Полина, соседка, каждый день переутомляется. Сын с женой привыкли к тому, что всю домашнюю работу выполняет мать, да еще сено сушит для совхоза. И никто не думает о том, что матери нужно помогать. Верке, ее внучке, лет 13. По старым временам она

уже всё умела бы делать ловчее своей бабушки. Но в новой деревне она работать не хочет. Это главный признак времени. У некоторых деревенских школьников - маникюр. Сережка, внук Полины, тоже многое мог бы делать и без напоминания. Советский Сережка весь длинный летний день томится от скуки и фыркает презрительно, когда ему скажешь, что нужно помочь бабушке.

Так кто же страшнее: "американский капиталист" или собственные дети и внуки?

И уж, конечно, ничего не делают внуки, родители которых живут в городе, внуки, которые проводят здесь лето в качестве гостей. Хотя некоторые из этих гостей ростом уже выше своих "предков". "Предки" рады уже тому, что их скучающих потомков нет дома. Для крестьянина такое поведение молодежи казалось бы непостижимым. А не это ли самый верный признак близкой гибели народа?

13

Наша квартира, в которую мы переехали из Ленинграда, понадобилась детской поликлинике. И нас оттуда выселили зимой в начале 1974 года. Вместо одной большой квартиры мы получили две, и разъехались с Петей. Все это сделалось очень нелегко для нас. Но это мы оставим за кулисами.

Я многое пропустил из событий своей жизни. Если я, по понятиям моих "воспитателей", заслужил непрерывное наказание, то читатель этого не заслужил.

В начале 1975 года Петя стал поговаривать со мной о своем проекте наладить кустарное производство копий мелких скульптурных произведений. Я ему не советовал приниматься за это. Дело громоздкое, требует помещения, сложное, много надо потратить времени, чтобы овладеть им, покупателей будет мало - не оправдать предварительных больших затрат. Наконец, "если ты будешь работать кустарем, то твоя зависимость от государства не уменьшится, а увеличится. Они в любое время могут прекратить

твое производство, налогом задавят или административными придирами”.

В Караганде в тяжелые для себя дни я выставил в комиссионном магазине две картины. Одну я написал с натуры, другую скопировал с хорошего левитановского пейзажа. Цену заведующий магазином назначил оскорбительно маленькую. Когда я обиделся, он меня успокоил, что и за эту цену никто не купит. И действительно, никто не купил.

- Рисковать так крупно я тебе не советую.

Но Петя рискнул, и крупно рискнул. Много труда он потратил на быстрое освоение новой профессии и хорошего качества отливок добился. С хорошим вкусом их окрашивал. Правда, качество работы Гали - его жены, часто раздражало. Но зато она торговала успешно и все административные хлопоты взяла на себя. С помощью неведомых мне покупателей дело пошло...

Уроки Ясского совещания

Подготовленные историком Н. Н. Рутычем материалы альманаха "Русское прошлое" № 3 представляют собой заметное событие в Российской историографии* - поскольку в научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся документы (из собрания Общества ревнителей русской истории; основано в 1986 г. в Париже по инициативе Рутыча).

Актуальна и тематика публикуемых документов: революция, гражданская война и первая эмиграция - ибо многие факты этой эпохи до сих пор неизвестны (в их оглашении не были заинтересованы ни советские, ни западные историки).

Наиболее важный материал альманаха - журналы заседаний "Русской делегации" на известном Ясском совещании с союзниками, которое состоялось в Румынии в ноябре 1918 г., сразу же после окончания Первой мировой войны. В качестве "Русской делегации" дипломаты стран Антанты пригласили в город Яссы представителей возникших тогда "буржуазно-демократических" антибольшевицких организаций (социалистический "Союз Возрождения", кадетский "Национальный центр" и более правый "Совет государственного объединения"). Все они возлагали на это совещание большие надежды, не сомневаясь, что теперь-то Антанта направит войска на помощь союзнице-России для

* Русское прошлое. Историко-документальный альманах. С. - Петербург. 1992. № 3.

ее освобождения от немецких ставленников-большевиков - подобно тому, как во Франции воевал Русский экспедиционный корпус.

Действительно, представители союзников, участвовавшие в переговорах, особенно военные, были готовы такую помощь оказать. Они не признавали советскую власть, подчеркивали, что "продолжают считать Россию существующей" (с. 257) и что Добровольческая армия, не признавшая Брест-Литовской капитуляции, сохранила преемственность русского участия в общем деле против немцев (это в свою очередь было одной из причин германской помощи большевикам даже летом 1918 г.).

По замыслу совещания, ген. Деникин (возглавивший Добровольческую армию после смерти генералов Корнилова и Алексеева) должен был стать главнокомандующим, а "Русская делегация" в Яссах - "неоспоримым моральным центром русского дела" (с. 323), представителем России в международных отношениях (в том числе на предстоявшей Мирной конференции), чем "устранила бы конкуренцию в деле *всенародного представительства*" (с. 325-326). Фактически "Русская делегация" должна была стать ядром формирования русского правительства (с. 327).

В "Записке, адресованной союзному командованию" русская делегация писала: "Велики и безмерны страдания народа, живущего под этим режимом самой жестокой и бессмысленной тирании... Если страны Согласия желают видеть новую Россию крепкой и здоровой, членом семьи цивилизованных народов, если эти страны не хотят того, чтобы население Севера России умирало сотнями тысяч от голода..., если, наконец, эти страны признают, что Россия в течение первых лет войны принимала в ней огромное и славное участие, внося, следовательно, большой вклад в окончательную победу, и что именно ввиду ее усилий, направленных на победу над общим врагом, усилий, превзошедших национальные силы, она испытывает все невыразимые несчастья, которые ее подавили, - одним словом, если победное Согласие непоколебимо решило возродить Рос-

сию, помощь, которую они России окажут, не должна ни опоздать, ни быть незначительной... Мы не сомневаемся в том, что союзниками уже выработан ряд мер, столь же решительных, сколько и мудрых, для устранения язвы большевизма", - писали русские члены Совещания (сс. 338-342).

"Ряд мер" западными союзниками России действительно был выработан. И, вероятно, они были вполне "мудрыми". Но лишь с их собственной точки зрения, а не с точки зрения России.

Прежде всего: "...Оказалось, что никаких полномочий для серьезных переговоров местные представители Антанты не имеют. Едва ли не по почину местных людей создавалась самая идея этого Совещания... самое заседание есть лишь безответственный обмен мыслями вслух", - вспоминал позже один из персонально приглашенных участников совещания Н. В. Савич (сс. 120, 123-124). Публикатор документов Н. Рутыч отмечает, что западные представители в Яссах лишь "по инерции" обещали помощь русским, "будучи оторванными от главных политических центров" Антанты.

"Центры" же совсем не собирались выполнять союзнические обязательства перед Россией. Как напоминает Н. Рутыч, французский министр иностранных дел Пишон объяснил в парламенте: "Все наши вмешательства в России за последний год... всё, что мы сделали против большевиков, было в действительности сделано против Германии". Черчилль также заявил, что с окончанием войны "исчезли все аргументы, которые могли вести к интервенции" (с. 225)...

Таким образом, "видеть новую Россию крепкой и здоровой", как надеялась "Русская делегация", члены "цивилизованной семьи народов" не пожелали. Ни одно из белых правительств в годы гражданской войны, даже в период их наибольших военных успехов, не получило дипломатического признания стран Антанты (за исключе-

нием признания "де-факто" правительства ген. Врангеля в Крыму - в силу сложившихся обстоятельств, о чем ниже).

Следует заметить, что в то время армия большевиков была очень плохо организована и со стороны Антанты было достаточно прислать около десяти дивизий на Украину и на Кубань - в виде тыловой "*армии прикрытия*" русским добровольческим частям при их формировании (с. 341); участия в боях от Антанты не требовалось. Однако даже этого сделано не было. В Одессе, правда, высадились французские войска (более дивизии) - которые, имея трехкратное превосходство над противником, вскоре, по приказу из Парижа, ретировались с позором, не оказав материальной помощи Белой армии, даже ограбив ее (забрали русские военные суда и ценности Госбанка) и оставив большевикам богатейшие запасы дореволюционной русской армии, которые, вопреки обещаниям, так и не были переданы белым¹...

Вопрос помощи Белым армиям был подменен созданием "кордона из пограничных с Россией государств, таких, как Румыния, Польша, страны Прибалтики", - пишет Рутыч о перемене, происшедшей к началу 1919 г. (с. 225, 227). Поэтому даже снабжение союзники не предоставили белым в необходимой мере - требуя за него оплаты вывозимым российским сырьем, зерном, золотом, которое удалось спасти, а также российскими средствами, имевшимися в западных банках (часть поставок записывалась в счет российского государственного долга, но есть все основания предполагать, что союзники и Япония вывезли тогда из России средств больше, чем поставили вооружений; достаточно вспомнить часть так называемого "золотого запаса", увезенную с Дальнего Востока). Часто единственным источником боеприпасов для белых частей было - с бою добывать их у красных (которые пользовались центральными складами царской армии).

¹ Г. Трубецкой. Очерк взаимоотношений Вооруженных Сил Юга России и Представителей Французского командования. Май 1919 года. Кн.: Годы смут и надежд 1917-1919. Монреаль. 1981.

На Дону атаману Краснову французы предъявили такое условие: возмещение французским предпринимателям всех убытков, происшедших "вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, <...> обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к этому 5-процентной надбавки за всё то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года"² "От союзников, вопреки установившемуся мнению, мы не получили ни копейки", - писал ген. Краснов о Доне.

Деникину Антанта помогала в основном, пока шла война с Германией и для отвлечения ее сил на восток надо было создать угрозу восстановления русского фронта. Противодействием немцам (высадившимся в Финляндии) объясняется также приход англичан в Мурманск и Архангельск в 1918 г., еще до формирования там белых частей (потом англичане оставили их воевать одних). Черчилль, выступая в британском парламенте в июле 1919 г., объяснял эти действия тем, что иначе немцы захватили бы все ресурсы России и тем ослабили бы союзную блокаду; причем он оправдывал посылку аммуниции белым тем, что она, будучи избытком для Англии, приносила коммерческую выгоду.

Вмешательство союзников в Сибири в 1918 г., как они официально подчеркивали, диктовалось помощью чехословацким пленным (около 50.000), для их включения в борьбу против той же Германии, а вовсе не против большевиков. Помощь Колчаку оказывалась при условии признания им государственного долга России, но львиная доля по-

² П. Краснов. Всевеликое войско Донское. Кн.: Белое дело. Москва. 1992. С. 189.

ставок направлялась чехам³. А когда потребность в войне против Германии отпала - чехи воевать отказались и вместе с союзниками способствовали восстанию "сибирской демократии" (эсеров и большевиков) против Колчака, который был предательски выдан французским генералом Жаненом на расправу.

Японцев, которые прислали самый крупный контингент "интервентов" (около 70.000), вообще интересовала лишь эксплуатация Дальнего Востока.

В заключительный период гражданской войны на Юге англичане в апреле 1920 г. предъявили ген. Деникину (и его преемнику ген. Врангелю) требование прекратить борьбу с большевиками (Ленин должен был гарантировать белым "амнистию"...)⁴. Французы же, как признал позже Мильеран, оказали тогда Крыму кратковременную поддержку по одной единственной причине: чтобы спасти звено вышеназванного "кордона" - Польшу, где к власти пришли их единомышленники. Армия Врангеля, ударив в тыл большевикам в Северной Таврии, отвлекла часть их сил от польского фронта. Тогда-то (10. 08. 1920) и последовало признание французами правительства Врангеля де-факто: чтобы он для закупки снаряжения смог воспользоваться частью дореволюционных русских средств, хранившихся за границей - и чтобы заодно обязался оплатить прежний внешний долг России. Когда же Польша при помощи Антанты и Врангеля выдержала натиск красных, ни поляки, ни французы помогать белому Крыму даже не подумали: "Да какой же нам смысл помогать вам? Пусть Россия еще погниет (так и сказал!) лет 50 под большеви-

³ С. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака. Белград. 1930. Ч. I, сс. 51-53.

⁴ В. Даватц, Н. Львов. Русская армия на чужбине. Белград. 1923. (Репринт: изд. "Посев-США". Нью-Йорк. 1985. С. 5

ками, а мы встанем на ноги и укрепим!.." ⁵ - таким был ответ Пилсудского на просьбу о помощи. В октябре в Риге был подписан польско-советский договор, и освободившиеся войска Троцкий бросил против Врангеля...

Отметим также, что французские кредиты администрацией Врангеля воспринимались как "просто ростовщические", а условия поставок снаряжения, по словам П. Б. Струве, были "крайне обременительны": Франция обещала поставить только свои излишки и трофеи - в обмен на столь нужные в самом Крыму хлеб, уголь, шерсть. "В сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника и продать ему в рассрочку чужое, не нужное ей имущество" ⁶ Из собственно французских поставок успел прибыть лишь один пароход с запасами из "вещей, бесполезных для войны, на сумму около 8 миллионов франков, согласно договору, заключенному еще генералом Деникиным - и это всё" ⁷. Правда, французы помогли при эвакуации - но для оплаты "издержек" забрали себе русский торговый и военный флот вместе с грузами и даже конфисковали личные счета лиц из окружения ген. Врангеля... В Константинополе, не желая кормить русскую армию (надеявшуюся на возобновление борьбы!), французы стремились к ее "распылению", уговаривали вернуться в Крым (где обещанная "амнистия" обернулась террором Куна и Землячки), была попытка покушения на упорствовавшего Врангеля (что-то судно протаранило и затопило его яхту)...

Ясно, что белая эмиграция восприняла эту политику

⁵ Цит. по: А. Карташев. Непримириость. "Возрождение". Париж. 1949. № 6, с. 9.

⁶ К. Кривошеин. А. В. Кривошеин. Париж. 1973. Сс. 331-332.

⁷ В. Даватц, Н. Львов. Указ. соч. С. 10.

союзников как предательство (именно это стало главной причиной "сменовеховства": так как у русского дела на Западе союзников нет, то эмиграции не остается ничего другого, как примириться с большевиками и восстанавливать Россию изнутри...).

*

Но всё это - общеизвестные факты. Перейдем от описания предательства хотя бы к краткому анализу его причин⁸.

На Западе в виде причины наиболее часто называют собственное "недомыслие", мол, не предвидели силы и опасности большевизма. В этой связи вспомним слова писателя Л. Андреева (1919): "То, что ныне по отношению к истерзанной России свершают Правительства союзников, есть либо предательство, либо безумие... Надо совсем не иметь ушей, - или иметь, но ничего ими не слышать, - чтобы не услышать этих воплей и стонов... треска непрерывных расстрелов, что составляют неумолчную песню России в течение последних полутора лет... Надо совсем не иметь чувства достоинства и даже простой опрятности"⁹.

Более близкую к истине причину можно видеть в эгоистическом изоляционизме союзников (не помощь, а "санитарный кордон"): Зачем напрягаться ради кого-то? "России больше нет", - заявил французский премьер Клемансо. Это избавляло союзников и от "выплаты" русской доли в победе: передачи Константинополя и проливов. (Заметим, что в отличие от политиков, у французских военных совесть была: они помнили о том, что именно вступление в войну русской армии - неподготовленное и

⁸ Подробнее эту тему я затрагиваю в статье "Уроки Белого движения", которая будет опубликована в одном из российских изданий.

⁹ Л. Андреев. Перед задачами времени. Бенсон, Вермонт. 1985. Сс. 151-152, 153-157.

оплаченное большой кровью - спасло Францию в 1914 году; и позже жертвенное русское наступление спасло французов от разгрома. Маршал Фош признавал: "Если Франция не стерта с карты Европы, она этим прежде всего обязана России"¹⁰. Но политические центры Антанты не считались и с совестью своих военных...)

Однако была еще одна важная причина предательства, выходящая за рамки эгоистического изоляционизма и "непонимания". Она проявлялась не всегда с одинаковой силой и отчетливостью, но свое влияние тоже возымела. На нее указывают известные слова английского премьера Ллойд-Джорджа: "Торговать можно и с людоедами" (и чем они слабее, тем выгоднее торговля). Но подлинное представление об этом дает документальное исследование американского профессора Э. Саттона "Уолл-стрит и большевицкая революция"¹¹. Оказывается, могущественные круги стран Антанты, теряя надежды на жизнеспособность Временного правительства, уже с августа 1917 г. оказывали большевикам - закулисно - большую поддержку. Эта политика стран Антанты и США определялась не столько правительственными, сколько финансовыми кругами, которые стремились захватить российский рынок и сумели оказать соответствующее влияние на свои правительства.

Для выполнения этого замысла Уолл-стрит направил в Россию свое представительство под видом "миссии Красного Креста". В Англии эту линию проводил лорд Мильнер (один из ведущих английских политиков и директор "Джойнт Сток Банка"), послав в Россию своего агента Локкарта, которого "выбрали для своей миссии Мильнер и Ллойд Джордж лично". Французское правительство назначило таким же неофициальным представителем в России

¹⁰ Цит. по: М. Игнатов. Враги и друзья. Сигнал. Париж. 1939. № 60. 1 авг. С. 3.

¹¹ Sutton A. C. Wall Street and the Bolshevik Revolution. New Rochell, N. Y., 1974.

симпатизировавшего большевикам Жоржа Садуля, старого друга Троцкого. Таким образом, "союзные правительства нейтрализовали своих собственных дипломатических представителей в Петрограде и заменили их неофициальными агентами, более или менее симпатизировавшими большевикам"¹² - документально доказывает проф. Саттон.

Троцкий ежедневно встречался с Локкартом, выдал ему пропуск в Смольный, предоставил собственный поезд для поездок между Москвой и Петроградом и даже снабдил таким документом: "Прошу все организации, Советы и Комиссаров вокзалов оказывать всяческое содействие членам Английской Миссии, госп. Р. Б. Локкарту, У. Л. Хиксу и Д. Герстину"¹³. Локкарт и Садуль бомбардировали свои правительства посланиями, что надо "не гнать большевиков, .. но использовать... их новую революционную армию - для этого дав им возможность провести всеобщую мобилизацию, - ...не в старой царской войне, но в новой революционной войне с цитаделью реакции, Германией, и тем спасти молодую революционную республику"¹⁴. Эти предложения были сделаны большевикам официально и англичанами, и французами, и американским послом Френсисом¹⁵.

Разумеется, в смуте тех времен ставка западных финансовых кругов на большевиков не была стопроцентной; ведь западные правительства должны были считаться и с распространенными в военной среде антибольшевицкими настроениями, и с уже упоянутым эгоизмом невмешательства... Но в числе этих факторов ставка определенных

¹² Sutton A. C. Op. cit. Pp. 102, 103, 106.

¹³ Цит. по: Н. Берберова. Железная женщина. Нью-Йорк. 1982. С. 41.

¹⁴ См.: там же. Сс. 44-45.

¹⁵ С. Мельгунов. Трагедия адмирала... Ч. I. Сс. 10-11, 16-17.

"капиталистических" кругов на большевиков тоже присутствовала, проявляясь иногда в большей степени, иногда в меньшей (более всего этому мешал идейный антикапитализм коммунистических вождей).

В принципе, эти финансисты были готовы "ставить государственные деньги как на революционную, так и на контрреволюционную лошадь, которая выглядела возможным победителем"¹⁶. Им было не так важно, кто будет править в России: важно, чтобы это правительство было подконтрольным. Но поскольку банкиры из США давно финансировали революционные партии, а теперь их "подопечные" оказались у власти, предпочтение отдавалось им; к тому же - как более централизованной администрации будущего объекта экономической эксплуатации, - считает Саттон.

Всё это вместе взятое объясняет многие факты двойственного отношения союзников к Белому движению (перед эвакуацией с Севера англичане "вместо того, чтобы передать запасы и снаряды русским, утопили всё в море... после их ухода снабжение велось со дна моря"¹⁷; американцы же продали аммуницию большевикам в кредит - с оплатой будущими поставками сырья¹⁸). Этим, возможно, объясняются и просоветские настроения "интервентов" как в Одессе¹⁹, на Дальнем Востоке²⁰, в Крыму²¹,

¹⁶ Sutton A. C. Op. cit. P. 102.

¹⁷ А. Лампе, фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых. "Посев". 1981. № 2. С. 45.

¹⁸ Sutton A. National suicide: Military Aid to the Soviet Union. New Rochell. N. Y. 1973. P. 76.

¹⁹ Очерк взаимоотношений... Сс. 204-205, 219, 236.

²⁰ С. Мельгунов. Трагедия адмирала... 1931. Ч. III. Т. 1. Сс. 113-115.

так и в Лондоне (где Ллойд-Джордж еще в 1918 году "настойчиво пытался убедить" кадетку А. В. Тыркову-Вильямс с мужем, "что следует сговориться с Троцким, который... в настоящее время является единственным государственным человеком в России"²²) или в Нью-Йорке, где при поддержке Уолл-стрита в начале 1919 г. было открыто советское бюро, основана американская компартия, организована активнейшая кампания против Колчака - в то самое время, когда шансы белых на победу были наиболее велики...

Таким образом, чтобы правильно оценить небывалую живучесть большевиков в гражданской войне, их способность выходить из самых отчаянных положений, перебрасывая с места на место интернациональные карательные войска для подавления множества разрозненных русских восстаний - надо учесть это обстоятельство: они знали, что Антанта серьезно против них бороться не будет. Соответствующей пропагандой ("Антанта вам не поможет") большевики успешно разлагали белый фронт²³. Как верно резюмирует Н. Рутыч в другой публикации: вопреки раздутому в СССР тезису об интервенции 14 государств, "нет сомнения, что Советское главное командование правильно оценило политику и стратегию держав Антанты, подчиненные в 1918-м году стремлению покончить с Германией, а потом, начиная с 1919 года, поискам компромисса с большевиками, с силой, пришедшей к власти в России"²⁴.

Серия международных конференций 1921-1922 гг. (в

²¹ Цит. по: Н. Росс. Врангель в Крыму. "Посев". Ф/М. 1982. С. 234.

²² А. А. Борман. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен-Вашингтон. 1965. С. 159.

²³ См.: П. Краснов. Указ. соч. Сс. 106, 173, 176.

²⁴ Н. Рутыч. Северный фронт и генерал Миллер. "Посев". 1989. № 3. С. 50.

Каннах, Генуе, Гааге, Лозанне) - одновременно с сотнями восстаний в России! - привела к дипломатическому признанию коммунистического режима главными европейскими странами (что тоже не укладывается в одну лишь концепцию "санитарного кордона"). Последовавший нэп с раздачей богатейших концессий "капиталистам" и вывозом из России огромных количеств золота, культурных и художественных ценностей, в том числе отнятых у Церкви - тоже можно лучше понять с учетом вышесказанного... В руках коммунистов оказались фантастические богатства, накопленные страной за всю ее историю - и именно эти награбленные богатства, охотно принятые Западом в оплату всевозможных поставок, помогли советской власти выиграть войну против собственного народа.

*

Но друзей у России на Западе не было никогда. На этом фоне лучше задаться вопросом о наших, русских "вождях", который имеет прямое отношение к рецензируемому альманаху: могла ли "русская делегация" в Яссах и за ними подобные февралисты в белых правительствах быть "неоспоримым моральным центром русского дела", на что они претендовали?

Документов на эту тему в эмиграции опубликовано столько, что ответ можно дать сразу. Мужество белых воинов - славная страница русской истории. Менее славным было поведение их тыловых правительств, в которых хотя и было немало патриотов, - но всё же либералы-февралисты при поддержке Антанты почти везде доминировали над более правыми деятелями и стали одной из причин поражения. Белое движение было уложено ими в прокрустово ложе борьбы проигравшего Февраля против победившего Октября - без понимания того, что и Февраль, и Октябрь были вехами одного процесса разрушения России; сами же февралисты своим непониманием происходящего и привели к Октябрю. Понимать это они начали лишь в эмиграции...

Характерны уже первые обращения этих политиков

(приведенные в рецензируемом сборнике: "Обращение Добровольческой армии к союзникам", "Заявление Главного Комитета Всероссийского земского и городского объединения")²⁵, как и сами журналы Ясского совещания. Они оттеняют не только неисполненный долг стран Антанты, предавших свою союзницу Россию, но и то, что политики-февралисты, потерявшие власть и надеявшиеся восстановить ее с помощью своих прежних западных покровителей, были далеки от понимания как их подлинных интересов, так и причин российской катастрофы и Мировой войны. Война "имела демократическую идеологию", поэтому "Россия попала как бы в разряд побежденных стран", - написал позже в эмиграции П. Б. Струве²⁶. Только сквозь призму этой идеологии войны, в которой демократам удалось столкнуть между собою главные европейские монархии и привести их всех к поражению - можно понять и поведение Антанты в нашей гражданской войне.

Этот "демократический" фактор виден в Ясском совещании как у представителей Антанты, так и у многих русских делегатов. (Участник совещания К. Р. Кроповиков: "Россия может быть возрождена и объединена лишь на демократической основе... восстановление монархии представлялось бы с этой точки зрения вредным" - с. 321). Большинство сочло неприемлемым бывшего Главнокомандующего армии вел. кн. Николая Николаевича на роль "вождя" (из-за "царской крови", хотя он и поддержал Февральскую революцию); утвердили Деникина, в армии которого русский гимн "Боже, Царя храни!" был заменен на Преображенский марш...

Но подчеркнем: нас сейчас интересуют не споры о монархии и республике; даже тот, кто ничего не имеет

²⁵ См. Ясское совещание... Приложения.

²⁶ П. Струве. Размышления о русской революции. София. 1921. Сс. 9-10.

против демократии, найдет в этом "демократизме" много неприемлемого с точки зрения национальных интересов России.

Так, для левой части февралистов (многих членов представленного на Ясском совещании "Союза Возрождения") "реакционными" вскоре оказались даже Колчак и Деникин. Эсеры провозгласили их "сознательными сторонниками возврата к старому режиму", отказались от борьбы с большевиками и объявили войну белым "всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия". Эта борьба развернулась в тылу у белых, "подрывая их дело изнутри" - вместе с большевиками²⁷.

У более правых же февралистов "демократическая" политика превратилась во внешний нажим на Белое движение через подобные "русские делегации", ставшие белыми правительствами. Так, созданное в Париже в начале 1919 г. "Русское политическое совещание" (председатель - Г. Е. Львов, первый глава Временного правительства), игравшее роль представительства Белых армий на Западе, постоянно требовало от белых генералов провозглашения "глубоко-демократического характера целей, преследуемых русским антибольшевицким движением". В марте 1919 года всем Белым армиям была разослана телеграмма об "усилении демократических идей после войны, закончившейся победой демократии... о дальнейшем росте их авторитета в международной конъюнктуре. В общественном мнении они приобретают всё большую силу и влияние их становится требовательнее. Под их влиянием проходят работы Конференции (Версальской Мирной конференции. - *М. Н.*), ими же определяется в значительной степени отношение к вопросу о... помощи нашим национальным армиям в борьбе с большевиками... Всякая тень старой России внушает недоверие. В опасении призраков политической и социальной реакции склонны в каждом шаге

²⁷ Цит.: С. Мельгунов. Николай Васильевич Чайковский в годы гражданской войны. Париж. 1929. Сс. 160-163, 169-171.

отыскивать и преувеличивать сомнения в искренней демократичности новой национальной России...". Поэтому необходимо "практическое подведение демократического фундамента русской государственности путем... выборов в какой бы то ни было форме (выделено в оригинале. - М. Н.)"²⁸.

Это означало привлечение в белые правительства "общественности" (социалистов, сепаратистов) и "правильную организацию власти": военные должны только воевать, передав все политические функции своим правительствам и "не вмешиваясь" в "политическое управление страной", - настаивал влиятельный Н. В. Чайковский²⁹.

Разделяя "демократическую идеологию" Мировой войны, наши февралисты и в гражданской войне фактически действовали в пользу иностранных интересов, а не интересов России. Хотя бы уже потому, что, помимо союза с демократической Антантой, другой возможности борьбы за Россию они себе не представляли. Если бы они понимали, что надеяться можно только на внутрироссийские силы, - кто знает, быть может, легче было бы найти общий язык и с консервативным российским крестьянством? Оно оказало мощное стихийное сопротивление большевикам, но не нашло смычки с Белым движением... Зависимость же от иностранцев вела к тому, что даже на чисто русских белых территориях, как в Северной области, накапливались "несомненное непонимание и даже вражда между властью и населением"³⁰.

Тот же суженный кругозор февралистов сказался и в геополитике. Призывая к борьбе с "последним союзником

²⁸ Цит. по: там же. Сс. 103-104. См. там же всю главу о "Русском политическом совещании".

²⁹ Цит. по: там же. Сс. 178, 182-183.

³⁰ Цит. по: там же. Сс. 206-207.

Германии - большевицким правительством - продуктом одной из военных махинаций германского военного изобретения, при помощи которых Германия пыталась обрести господство над миром"³¹, участники Ясского совещания возлагали вину за приход к власти большевизма только на Германию, имея в виду знаменитые транзитные вагоны для группы Ленина, но упуская из виду другую линию поддержки: не менее вместительный пароход и американский паспорт Троцкого (выданный ему американскими властями для облегчения переезда из США в Россию в том же 1917 году).

Правда, в заслугу "Русской делегации" в Яссах следует поставить то, что после большевицкого переворота представители как левых, так и правых партий, забыв о прошлых спорах, проявили единство в сохранении целостности России: "Отрицание Брестского договора и признание единой, неделимой России в границах августа 1914 года, за исключением, однако, Польши" (с. 250). На подобной позиции (делая еще одно исключение: для Финляндии) стояли и последующие белые правительства. Однако сохранить единую Россию в союзе с Антантой, при такой ее политике, они не могли.

Следуя инерции Мировой войны, они видели опасность единству страны только со стороны Германии, стремившейся оторвать от России Малороссию и Прибалтику - хотя уже тезисы президента Вильсона о предстоящем после войны "самоопределении наций" выдавали те же цели Антанты. И, даже когда эти цели стали очевидны - это мало что изменило в проантантовской ориентации многих февралистов.

Так, французы при своей высадке в Одессе в 1919 г. запрещали белым выступление на петлюровцев и стали на путь переговоров с самостийной украинской Директорией³².

³¹ Ясское совещание... С7 340.

³² Очерк взаимоотношений... Сс. 188, 202-205.

Англичане в августе 1919 г. потребовали скомпоновать "правительство" при ген. Юдениче по заранее составленному списку; затем "члены правительства" по одному приглашались в отдельную комнату для подписания листа, на котором было "неграмотным русским языком написано... признание эстонской независимости", иначе Антанта прекратила бы помощь, - вспоминал Маргулиес³³ (с участием которого был подготовлен список этого "правительства"). Впрочем, помощи всё равно не последовало, а "независимые" эстонцы откровенно заявили на просьбы белых, что "было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это"; после отхода Юденича от Петрограда "эстонский народ" не разрешил даже отдохнуть Белой армии и, потребовав ее удаления, вступил в переговоры с большевиками³⁴...

Поддержка Деникину происходила одновременно с поощрением кавказских новообразований, где Англию интересовала бакинская нефть и порт для ее вывоза - Батуми: "С легкой руки англичан грузины заняли определенно враждебную позицию к русским вообще и Добровольческой армии в частности. Русские в Тифлисе подвергались настоящему гонению. Особенно потерпела русская Церковь..."; Деникин даже "просил англичан разъяснить, имеем мы дело с союзниками или с врагами?"³⁵...

Есть и официальный документ высшего уровня: в мае 1919 г. в ноте Клемансо, подписанной также Вильсоном и Ллойд Джорджем, выдвигалось требование к Верховному Правителю России Колчаку признать фактическую самостоятельность всех новообразованных государств³⁶.

³³ М. Маргулиес. Год интервенции. Берлин. 1923. Книга 2-я. Сс. 204-214.

³⁴ Там же. Сс. 136-137.

³⁵ Г. Трубецкой, кн. Указ. соч. Сс. 164-165.

³⁶ С. Мельгунов. Трагедия адмирала... Ч. III. Т. 1. Сс. 322-323.

Деникин потом горько упрекал союзников, что они, не признав официально ни одно из русских белых правительств (за исключением французского признания "де-факто" правительства Врангеля ради спасения Польши), охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраинах России³⁷. "...история еще не знала расчленения дружественной державы ее же союзниками", - констатировали галлиполийцы³⁸.

Похоже, Россию тогда могло (теоретически) спасти лишь одно: если бы чудом прозрели и белые генералы, и немцы, заключив между собою консервативный антибольшевицкий союз. Предпосылки для него отмечают все мемуаристы. Но этому помешали сначала близорукий эгоизм немецких политиков, затем всё та же Антанта. По мере накопления горечи от предательств Антанты германофильские настроения появились даже в Сибири, в окружении Колчака³⁹, - но было уже поздно: побежденная Германия вышла из игры, и Антанта не позволила ей пойти на союз с белыми (иначе бы попытка такого союза, армия П. М. Авалова-Бермондта, могла принять более серьезные формы).

Такое же отношение западных демократий к России наблюдалось все годы существования коммунистического режима. Так, в годы Второй мировой войны (которая имела сходную "демократическую идеологию") западные демократии снова предпочли союз со Сталиным, а не с народом России, и уже не только торговали с нашими "людоедами", но и воевали вместе с ними, а после войны выдали им миллионы их противников - обманным путем, с жестокими расправами как в Европе, так и в Америке... Былые "союзники" выдали на казнь и тысячи белых эмигрантов - Краснова, Шкуро и других офицеров...

³⁷ А. Деникин. Мировые события и русский вопрос. Париж. 1939. С. 81.

³⁸ В. Даватц, Н. Львов. Указ. соч. С. 25.

³⁹ С. Мельгунов. Трагедия адмирала... Ч. III. Т. I. Сс. 346-351.

Кратко об остальных материалах 3-го номера альманаха "Русское прошлое". Отрывок из ценных воспоминаний Н. В. Савича ("Из красного Петрограда на белый Юг") дополняет предыдущие публикации в журналах "Грани" (№№ 127, 129 и 130) и "Москва" (№№ 11 и 12 за 1991 г.).

В частности, Савич дает еще одно описание разных ориентаций в русских антибольшевицких (в том числе кадетских) кругах в начале гражданской войны: одни надеялись на Антанту, другие (даже Милюков) считали, что "только немцы могут оказать нам реальную помощь, если мы сумеем доказать, что восстановленная с их помощью Россия будет им глубоко благодарна, явится их постоянным союзником и другом". Последняя точка зрения, видимо, разделялась большинством присутствовавших на совещании, описанном Савичем. Самому ему, однако, "казалось невероятным, чтобы немцы решились изгнать во время продолжающейся еще борьбы на Западе своих подневольных союзников и послушных вассалов-большевиков".

Савич оказался прав. В немецкой политике тогда возобладала близоруко-эгоистическая ставка на расчленение России: отторжение от нее Украины и Прибалтики (и опять-таки, как в странах Антанты, это произошло вопреки мнению военных, готовых помочь Белому движению...). А поскольку почвы для самостийничества на Украине тогда практически не было (Савич описывает соответствующую беседу с гетманом Скоропадским), то немцы поняли: правительство Скоропадского - "такие же самостийники, как и любой русский человек подмосковного района". Поэтому они перед эвакуацией "свели с ними счеты... выпустили против них силы анархии и разложения" (петлюровские банды и социалистов) (с. 116-119). Этому же способствовала Антанта. Но тот факт, что через несколько лет Германия, стремясь изменить результаты Версальского договора, начала тайное сотрудничество с большевицкой Россией - свидетельствует о том, что по-

тенциал естественного русско-германского союза имелся. И будь в обеих странах более достойные правительства - судьба Европы могла сложиться иначе...

"Записки драгунского офицера (1917-1920)" А. А. Столыпина (племянника русского премьер-министра П. А. Столыпина) живо передают чувства верного России офицерства, которому нелегко пришлось в те трудные годы; среди прочего Столыпин дает одно из редких описаний турецкой оккупации Батуми после побед русской Кавказской армии.

Ген. Махров (который, по словам ген. Врангеля, "не прочь был поиграть «демократизмом»") ярко описывает тылы и штабы Вооруженных Сил Юга России.

Все эти публикации добавляют много фактов и черточек к уже отмеченной раскладке сил...

К более позднему периоду относятся воспоминания полк. П. В. Колтышева (участника похода Дроздовского полка от Ясс до Новочеркасска и последующих боев Белой армии вплоть до эвакуации из Крыма, затем парижского шофера такси и помощника ген. Деникина в эмиграции). Он с подробностями описывает положение русской эмиграции во время немецкой оккупации Парижа, в частности превентивный арест немцами многих русских деятелей (не только леволиберальных, но и правых, в том числе членов РОВСа и НТСНП). Его воспоминания, впрочем, подтверждают, что, в отличие от гитлеровских зверств на Востоке (где славянские народы подлежали порабощению), в Западной Европе немцы вели себя более цивилизованно, соблюдая даже правовые нормы (освободили заключенных эмигрантов, против которых не нашли улик, а освобождению Колтышева не помешали даже его пререкания с немецким командованием).

Для правильной оценки воспоминаний Колтышева следует, однако, отметить, что и в 1940 г. он продолжает верно служить ген. Деникину, разделяя его верность Антанте и мнение о моральной невозможности для эмигрантов поддержать немецкую интервенцию в России. Кое-где

это приводит его к неточным утверждениям, например: "русские белые воины не пошли с врагами России - немцами, а в рядах бывших союзных армий приняли активное и широкое участие в борьбе с общим врагом - Германией Гитлера" (с. 174).

Таких русских эмигрантов, воевавших во Второй мировой войне на стороне западных демократий, было мало: более всего во французской армии - около трех тысяч⁴⁰, подлежавших мобилизации (в основном молодежь). Тогда как подавляющее большинство военной белой эмиграции отказалось воевать в армиях демократических стран (помня об уроке, полученном в годы гражданской войны!) и попытались бороться за создание независимой Русской Освободительной Армии на немецкой стороне: как вместе с бывшими советскими военнослужащими (РОА ген. Власова), так и самостоятельно - "Русский корпус", созданный в Югославии, 1-я Русская национальная армия Б. А. Смысловского-Хольмстона, казачьи части Краснова, Шкуро, Туркула⁴¹. И в эти тяжелые для России годы как старые, так и новые "союзники" опять-таки продемонстрировали, что друзей у России нет...

Интересно, что и в 1940-е годы в судьбе Колтышева отразились описанные проблемы гражданской войны. Арестованный немцами за свои прозападные симпатии, он оправдывает антинемецкую позицию ген. Деникина в 1918 году тем, что тогда немцы выдали большевикам белую организацию в Москве (вероятно, это соответствует действительности: для немцев тогда Добровольческая армия была союзницей Антанты), тогда как Англия "оказывала нам большую материальную помощь, без которой мы не

⁴⁰ Kovalevsky P. La Dispersion Russe. Chauny (Aisne). 1951. P. 41.

⁴¹ См.: М. Назаров. Миссия русской эмиграции. Ставрополь. 1992. Т. 1. Гл. 11-12; журнальный вариант этих глав в "Гранях" № 161 и № 162.

смогли бы вести боевые действия в столь широком масштабе” - что явное преувеличение, если учесть дальнейшее признание: ”Правда, они могли бы оказать белым фронтам более существенную поддержку, и тогда большевизм был бы ликвидирован...” (с. 191).

Деникин же, напомним словами Колтышева, в начале гражданской войны верил обещаниям союзников по Антанте и сохранял им верность настолько, что действовал себе во вред: ”...«Мы, русские, мира с немцами не заключили», - любил говорить генерал Деникин. И когда в 1918 году немцы предлагали свою помощь Добровольческой армии, он категорически отвергал ее (соглашаясь, однако получать немецкие боеприпасы через посредника, ген. Краснова. - М. Н.). И когда в июле 1918 года немецкая кавалерия, стремясь на Кубань, занятую Добровольческой армией, стала переходить реку Ею через Куцевский железнодорожный мост, последний по приказу ген. Деникина был взорван, несмотря на то, что Белая армия прервала свою связь с Севером...” (с. 176), - вспоминает Колтышев... Тогда Деникин отказался и от совместного с ген. Красновым похода на Волгу для соединения с восточным антибольшевицким фронтом, что обещало важный стратегический успех; он предпочел занять Кубань и ждать там прибытия союзников...

К достоинствам альманаха следует отнести указатель имен. Даны подробные справки о таких генералах, как Болдырев, Стогов, Рененкамф и др. Подобного справочника о Белом движении до сих пор не было ни в эмиграции, ни в СССР (в советских изданиях к тому же многие данные неверны). Хотелось бы надеяться, что эта кропотливая работа, начатая составителями альманаха ”Русское прошлое” (под редакцией доцента С.-Петербургского университета В. Г. Бортневского), будет завершена охватом всех известных деятелей Белого движения и по возможности с большей аккуратностью (страницы в именном указателе часто не соответствуют действительности).

Остается с нетерпением ждать дальнейших публикаций из архива Общества ревнителей русской истории. Раньше для этого было невозможно найти средства на Западе, но теперь такие материалы удастся печатать в самой России. И именно там они сейчас очень необходимы. Кто не учитывает уроков прошлых поколений, может повторить те же ошибки...

Татьяна КАЛИНИНА

Тридцать дней февраля

"Рвусь из сил - из всех

сухожилий,

Но сегодня - опять, как вчера:

Обложили меня, обложили -

Горит весело на номера"

Идет охота на волков.

Идет охота!

Владимир Высоцкий.

Мальчишка гоняет по берегу футбольный мяч. Иногда мяч резво и гулко прыгает по камням, пытаясь удрать от мальчишки в море. И тогда он мчится вслед за ним, обжигая водой босые ноги. Сквозь светлую ситцевую рубашку "в крапинку", сшитую матерью, его, загорелого и черноволосого, пронизывает свежий ветер, несущий вместе с крупинками белого прибрежного песка запахи омулевой чешуи, влажных смоляных деревянных лодок, рыбацких сетей и канатов, дымка из печной трубы и еще чего-то до боли родного.

...Человек, осознанно или неосознанно, несет в себе всё, что он пережил. И в моей памяти на дальней-дальней ступеньке ее, в глубоком колодце воспоминаний живет неотступно ощущение свежести и одновременно тепла того побережья, нагретого щедрым сибирским солнцем, прикосновение в полуденный жар к ладошке, наполненной ледянящей пресной морской водой - единственной в мире. Наивная вера в разумность мира.

Но между песчаными дюнами нашего детства, сохранившимся в памяти и у него, и у меня, и - настоящим - пролегла целая жизнь. У каждого - своя. И, как это

часто бывает, - встрече предшествовал его величество - Случай.

...Ранним листопадом сентября шесть лет назад по заданию одного из московских журналов я проехала тысячи километров в районе будущей "дороги в XXI век" - Байкало-Амурской Магистральной. И еще прошла, как говорят мореходы, на грузовом теплоходе-лихтере весь Байкал с юга на север и обратно. А прокомментировать историю строительства БАМа с ее потерями и человеческими жертвами, героизм которой явно преобладал не только над экономическим обоснованием, но и просто здравым смыслом, согласился, по моей просьбе, ученый Сибирского отделения Академии наук СССР Геннадий Иннокентьевич Фильшин, с которым меня познакомили в Иркутске.

Он занимался уже давно региональной экономикой, вместе с другими сибиряками разрабатывал программу специального хозяйственного освоения "стройки века", изъездил всю Сибирь вдоль и поперек, а берега священного моря обошел пешком и, вообще, слыл "возмутителем спокойствия" - ученым с независимым мнением, решительностью, смелостью. Словом, человеком нестандартного поведения и непредсказуемых поступков.

Тогда и выяснилось, что наше детство прошло вместе в одном и том же иркутском дворе, покрытом зеленым ковром травы, который, к счастью, сохранился, как и дыра в покосившемся от времени дощатом заборе. Через нее до сих пор так удобно и быстро оказаться на набережной Ангары...

В стране радостно бурлила, захлебываясь вместе с каплей от звонких голосов появившихся надежд на долгожданную свободу, весна перестройки восьмидесят седьмого, а наш первый, рожденный с Фильшиным материал "Уроки правды", был запрещен цензурой. Но ведь нам объявили, что мы свободны - не надо ничего бояться, говори, что думаешь, а что думаешь - делай. Запрет был тем более удивителен, что журналы захлестнула волна "диссидентской" литературы. Но факт есть факт.

Материал увидел свет лишь в июне будущего года в журнале "Байкал", выходящем в далекой от центра столице Бурятии - городе Улан-Удэ. Как сказали бы сейчас, "в ближнем Зарубежье".

По странному совпадению, этот журнал опубликовал когда-то запрещенную цензурой "Улитку на склоне" братьев Стругацких. После той публикации весь состав редколлегии был разогнан! Да простят мне такую смелую аналогию!

Во всяком случае, именно с этого материала началась наша работа с Фильшиным и молчаливое понимание того, что ею будет руководить компетентность, достоверность, искренность и ничего более. Кажется, впервые в жизни я поняла, что такое быть *свободным* в стране несвободы. Ответственность за всё, происходящее вокруг тебя - одно из самых личных чувств на свете...

"Урок правды" состоял и в том, что легче пробиться сквозь толщу многовекового байкальского гранита, как, к слову, это сделали мужественные бамовцы, имея допотопную технику и голые руки с кайлом и лопатой! - чем справиться с бюрократической вакханалией и партийным диктатом. Система *отлажена* на "ять!". "Зловещий тандем", по меткому выражению Фильшина, делал свое черное дело, неминуемо ведя Россию к пропасти.

...В мае, в один из первых дней работы I Съезда народных депутатов СССР, Геннадий Фильшин, входивший в число организаторов Межрегиональной депутатской группы и единомышленник Сахарова, буквально прорвался с галерки Кремлевского Дворца съездов, откуда безрезультатно отправил три записки в президиум с просьбой дать слово.

Он стремительно пробежал через зал, вскочил на подмостки сцены - на трибуне в это время стоял Горбачев - и, подняв в порыве руку, сказал категоричное "нет!" от имени тысяч своих избирателей не только безальтернативным выборам Председателя Верховного Совета СССР, но и альянсу Горбачева с Лукьяновым, этим "серым кардиналом перестройки", выдвинутым тут же, минуту назад, новоиспеченным председателем в свои заместители.

"Мы допустили большую оплошность, что пошли на «исключения». Сатира в конце XIX века называла нашу страну «исключительной» в том смысле, что мы ничего не делаем по законам, а всё в порядке исключения!" - почти выкрикнул тогда Фильшин.

Позднее он назовет "иллюзией" решить проблему "нехватки власти" безальтернативными выборами Горбачева уже в Президенты. "Реальная власть у партийных комитетов всех уровней, которые вкупе с ведомствами и привели страну к кризису", - заявил он всенародно и как "в воду глядел".

Это был *открытый* вызов самой системе. Запоминали ли поступки тогда мало кому известного народного депутата из Сибири - на слуху были другие имена, - те, кому "положено по штату"? Скажем так: запомнили.

Через полтора года имя Геннадия Фильшина, вице-премьера России, вынесенное волной демократических преобразований на гребень политической власти, неожиданно прозвучало на весь мир в связи с "делом о 140 миллиардах". Его еще называют "фильшинским делом" или "сделкой века", в которой, на мой взгляд, сошлись как в фокусе все наши давно назревшие проблемы. Россия была беременна ими и даже переходила свои сроки.

...И до, и после тревожного начала 1991 года мы вели с ним своеобразный дневник происходящего в стране. Он давал оценку событиям и иногда столь увлеченно, что, казалось, забывал о моем присутствии, ставил прогнозы, которые - увы! - почти всегда сбывались. Иногда наш разговор переходил в диалог, случались и споры. Диктофон бесстрастно записывал всё, мне оставалось с усердием ученицы-отличницы переносить сказанное на бумагу.

Так складывался наш архив. Из месяца в месяц, из года в год. Время летело стремительно. Случались лишь перерывы в работе, вызванные его неотложными делами или отъездами из Москвы.

...14 января, наутро после кровавой вильнюсской ночи, бессонной для меня, как и для других - своего рода увер-

туры к наступившей реакции, я позвонила Геннадию Иннокентьевичу из своей московской квартиры по прямому проводу в кабинет, что находился на пятом этаже Белого дома. Спасибо Провидению! - наша связь по телефону ни в те дни, ни позднее ни разу не была нарушена. "Слушали" ли его кабинет? Вероятно. Но я не думала тогда об этом. Даже страшно не было.

Помню его взволнованный голос и наш отрывочный разговор.

- Дела хуже, чем можно представить. Милитаризм остановить не смогли. - И добавил:

- Приезжай. Будем работать.

До скандала со "140 миллиардами" оставалось ровно десять дней...

Меня пропустили в Белый дом беспрепятственно. Бумага, выписанная по звонку в бюро пропусков секретарем вице-премьера, давала возможность спокойно проходить сквозь кордон охраны. Ни один человек, кроме него, не знал о цели визита. Да и никого, кажется, не интересовало мое присутствие в стенах власти. Я была своего рода "невидимкой", нисколько не заботясь об этом.

Сегодня мне может позавидовать любой журналист.

Но и наши отношения друг с другом были построены на полном доверии, что бывает не так уж часто между представителями власти и прессы. Он твердо знал, что я не только верю ему, но и не выдам сиюминутную информацию на страницы изданий, какой бы сенсационной она ни была. Не предам, не куплюсь, не солгу.

Пристрастна ли я к нему? Пристрастна. Не скрываю. Но мое пристрастие основано на том, *что* я знаю об этом человеке, а это, в свою очередь, сродни презумпции невиновности.

Стремлением лишь приоткрыть завесу над "сделкой века", тайна которой до сих пор не открыта (ясно одно - она была рождена в кабинетах ГБ и стала лишь звеном в цепочке событий, потрясавших Белый дом) - и продиктовано мое желание опубликовать дневник тех дней.

Итак.

23 января.

Вчера вечером по телевидению программа "Время", прервав на несколько минут показ обычных кадров, сделала многозначительную паузу и сообщила следующее.

В аэропорту Шереметьево-2 у некоего Пола Пирсона, подданного Великобритании, органами КГБ в ходе таможенного досмотра были обнаружены и задержаны документы о сделке. Она была заключена с советской стороны челябинским филиалом производственно-экологической фирмы "Эхо" при международном неправительственном фонде "Вечная память солдатам", а с иностранной - английской компанией "Дов Трейдинг Интернейшнл". Сделка предусматривала продажу 140 миллиардов рублей за 7,756 миллиарда долларов США.

У иностранного подданного находились также письма об оказании содействия контракту, подписанные заместителем Предсовмина РСФСР Геннадием Фильшиным.

Возбуждено уголовное дело. Против кого? "И крылья черные беды"?

24 января

Газеты "Правда" и "Советская Россия" поместили идентичную информацию, ссылаясь на центр общественных связей КГБ. Сообщение ТАСС было уже более подробным и заканчивалось тем, что "поскольку такие операции противоречат законодательству СССР, задержанные материалы переданы на экспертизу Госбанка СССР и Министерства финансов СССР".

Сегодня же в "Известиях" начальник валютного управления, член правления Госбанка СССР Олег Можайсков в материале "Сколько стоят 140 млрд. рублей?" назвал случившееся, правда, оговорившись, что "по горячим следам", "издержками децентрализации нашей экономической жизни, помноженными на полную юридическую безграмотность, авантюризм и безответственность". "Когда такого рода операциями занимаются кооперативы и отдельные специализированные предприятия, - рассуждает

он, - на свой страх и риск, это их дело. Но когда в такую игру включаются правительственные органы, то нагнетание инфляции как бы становится государственной экономической политикой. Ведь заключая сделку по курсу один к восемнадцати, российское правительство берет на себя обязательство выплатить иностранным партнерам 140 миллиардов рублей. Это ровно столько, сколько наличных денег находится в карманах, кошельках и под «матрацами» всех советских людей”.

В том же номере газета "Известия" пишет, что "сообщения по телевидению и радио об аресте на Шереметьевской таможне в Москве деловых бумаг вызвали в «южно-уральской столице» не столько удивление, сколько недоумение... Оказывается, «Эхо» вообще не существует. Поиск загадочного «Эхо» буду продолжать”, - пообещал оптимистически настроенный соб. корр. Г. Щербина.

...Словом, стремительный натиск сенсационных сообщений, дурно припахивающий международным скандалом. В центре внимания - личность Геннадия Фильшина, вице-преьера России.

Мое, чисто профессиональное удивление - возможно ли за одни сутки собрать, осмыслить, написать за письменным столом, наконец, проверить и отпечатать столько материала сразу? Значит... готовились заранее?

Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин после выступления по депутатскому запросу Фильшина на Сессии, как мне показалось, несколько растерянного происходящим, безоговорочно поддержал предложение одного из депутатов потребовать "разъяснения «истории с миллиардами» от Центрального телевидения, уровень лживости которого сегодня всем известен - замажут, закамуфлируют и преподнесут выгодным им образом". И не просто потребовать, - сказал Ельцин, - но и выразить протест!”.

Однако депутаты решили иначе - "в соответствии с мировой парламентской практикой провести парламентское расследование". Была создана комиссия.

"Российское правительство в моем лице, я *лично*, беру на себя ответственность..." Эти слова Геннадия Иннокентьевича передали по второй программе Центрального телевидения, транслирующего уже в поздний час заседание российского парламента.

Дописываю эти строки и думаю - кто последний раз из наших уважаемых руководителей брал ответственность за что бы то ни было? За Чернобыль взял хоть один человек? Или, может быть, за Афганистан? Тбилиси или Баку? За Вильнюс или Ригу? Само забытое слово "ответственность" прозвучало почти вызовом.

За что же собирается отвечать член правительства России? Что всё-таки произошло?

25 января

- Очередная провокация, - голос Геннадия Иннокентьевича по телефону звучит спокойно, даже весело. И добавляет уже для меня чуть иронично:

- Тихого человека бьют...

Наскоро собравшись, мчусь на Пушкинскую площадь в "Московские новости" договариваться о материале - в редакцию, снискавшую известность своим свободолобием. "Главного" - Егора Яковлева - на месте не оказалось. Его заместители советуются за закрытыми, от меня, разумеется, дверьми - я сижу всё это время в приемной на стуле и слушаю беспредметную болтовню секретарши.

Отказывают: "...будем ждать заключения парламентской комиссии". Вот и получается, как сказал один мудрый человек - свобода, объявленная по радио, отличается от подлинной, как конвертируемая валюта от наших денег - они есть, но на них ничего не купишь.

В "Огоньке", где сразу после II Съезда была опубликована наша беседа "Шаг назад?", встретили радостно: "...ждать не будем, дадим Фильшину выступить".

Сегодня начала работать парламентская комиссия. Фильшин "давал объяснения". Представляю, как тягостно было ему! По его мнению, кампания затеяна, чтобы люди в

правительстве боялись что-либо делать. "Если бы я не подписал письма, ничего не было бы. Я буду требовать объяснения от председателя КГБ Крючкова". Тем временем Крючков позволил ознакомиться с задержанными документами, которые являются секретными, только двум членам парламентской комиссии. В ближайшее время депутаты намерены также вылететь в Челябинск для дальнейшего расследования. Это по информации "Российской газеты".

...А вечером над Москвой "во все края, во все пределы" метет прекрасная январская метель, внезапно обрушившаяся на город. Я еду в заснеженном городском автобусе в Совмин на встречу с Фильшиным после церемонии открытия нового здания Российского открытого университета "Татьянин день", названного в честь традиционного для российского студенчества и отечественной интеллигенции праздника.

Настроение всё еще романтически-приподнятое - ведь это и день моих именин! - и даже Белый дом на Краснопресненской набережной, напоминающий своими контурами огромный корабль, кажется, плывет в освещенном прожекторами завьюженном небе навстречу невидимому, но грозному утесу...

В кабинете вице-премьера тепло, светло, уютно. Старинные напольные часы в углу пробили восемь. Спокойствие Геннадия Иннокентьевича, несмотря на все события последних трех суток, передается и мне. И пока он отвечает на бесконечные звонки, вместо ужина прихлебывая из стакана крепкий, горячий, "забеленный" по сибирскому обычаю чай с молоком, я внимательно знакомлюсь с копиями тех самых, арестованных КГБ, документов.

...Среди них несколько строчек письма зам. Предсовмина РСФСР Г. Фильшина.

Президенту фирмы "Дов Трейдинг Интернейшнл"
господину Колину Гиббенсу

Совет Министров РСФСР будет оказывать содействие и поддержку в реализации контракта между фирмой "Дов Трейдинг Интернейшнл" и ассоциацией "Возрождение Уральской деревни" путем кредитного трансферта с последующим реинвестированием полученных

инофирмами советских рублей в различные отрасли народного хозяйства РСФСР, имея в виду обеспечение населения товарами первой необходимости.

И вот запись разговора.

...- Итак, Геннадий Иннокентьевич, ночь, аэропорт, таможня. Мужчины в "штатском". Растерянный и побледневший задержанный пассажир, оказывается английским подданным. При обыске обнаружены противоправные документы. Он собирался перевезти их через границу. Всё в лучших традициях детектива...

- Не простого, а советского. Всё происходит, как в известном анекдоте: "Слыхал? Иван шубу украл!" - "Да ну... Это у него украли". - "А была ли шуба?" - "Кажется, пальто". - "А-а, потом разберутся".

- Когда и как о случившемся в аэропорту узнали Вы?

- Из программы "Время". Заметили, она была как бы прервана на этом месте, чтобы подчеркнуть, так сказать, значительность происшедшего, придания "государственного масштаба".

Знаю, это было сделано по личному указанию Крючкова, хотя в разговоре со мной по телефону он, конечно же, отрицал свою причастность, а на вопрос, есть ли против меня какие-либо обвинения, ответил "Нет!"

Возможно, сотрудники выслеживали и "вели" английского подданного до таможни. Надо же им поддерживать в обществе "статус" комитета госбезопасности, а заодно и отработать недавно выданные щедрым центром пять миллиардов рублей!

- Как реагировали на инцидент в Англии?

- Как на форсмажорное обстоятельство. Это если один из партнеров оказался сумасшедшим, или утонул, или еще что-нибудь случилось непредвиденное. Такое "обстоятельство" как риск предусматривается в контракте. А в многообразии их нашей стране не откажешь.

- Грянуло новое громкое дело типа АНТа? Вы тот самый "враг народа", решивший разорить страну? Шуточное ли дело - 140 миллиардов! Неужели в самом деле из-за этих вот бумаг, которые передо мной, произведен у англичанина обыск? Даже не верится.

- Причем самый что ни на есть примитивный, грубейший. И всё это было бы смешно, ежели не было так... гнусно. Да, перевозить через границу нельзя *платежные* документы. Но, как я сам сужу по сообщениям, у англичанина был *контракт*! И ничего другого на этой стадии сделки и быть не могло. И никакого права задерживать человека таможенники не имели! Тем более, КГБ. Грубейшее нарушение закона! Не говоря уже, что международным правом вообще запрещено экспертировать контракты, если мы говорим о правовом государстве и коммерческой тайне.

Всё, что случилось, не просто сенсационно, это рассчитано на полную несостоятельность и некомпетентность общественности. Не

уважаем мы наш народ, принимая его за дурака! Вопиющая безграмотность - назвать контракт "платежным документом"!

Я бы не хотел предвидеть в данном случае развитие событий. В конце концов разберутся, чем занимаются "серьезные дяди" из тех же органов. Речь не об этом. Но всю эту "историю с миллиардами" я бы назвал "первой реакцией с долговременными последствиями"...

- Судя по документам, идея сделки не нова, а восходит к "плану Маршалла", когда американцы сбывали свои залежавшиеся товары за обесцененные европейские и японские деньги. И вкладывали их в ключевые отрасли хозяйства, создавая на новой технологии соответствующие мощности. "План Маршалла" в русском варианте?

- И идея не нова и давно уже, как говорится, "витает в воздухе". И если бы союзное правительство воплотило в жизнь эту идею лет десять назад - мы бы не имели сегодня столь бедственного положения с экспортом нефти, леса и угля.

- Насколько возможен процесс ее воплощения сейчас при нарушении всех хозяйственных связей?

- Возможен. Но достаточно сложен. И дает возможности, я бы сказал, для различного рода предпосылок и утверждений спекулятивного характера. К ним и прибегают. Можно понавыдергивать столько отдельно взятых домыслов и кажущихся убедительными соображений! При глубоком же анализе они окажутся, по меньшей мере, нелепыми.

- В чем заключается технология данной сделки?

- В контракт я не вникал. Это не входило в мои обязанности. Но технологию представляю достаточно четко.

Финансовые группы, в нашем случае Московского отделения Промстройбанка СССР, и английская фирма открывают кредитные линии. Суммы называются крупные, но совсем необязательно, что они наличествуют в банках. Обе стороны *хотят* выйти на эти масштабы в течение, допустим, трех-пяти лет. Затем на доллары по перечню, который вы видели, закупаются товары. И доставляются зарубежным партнером до границы. Кредит в советских рублях нужен не только для подтверждения нашей кредитоспособности, но и для оплаты транспорта, охраны грузов, складирования и т. д.

- Каким образом получился тот коэффициент соотношения рубля и доллара - один к восемнадцати, который уже начал муссироваться в печати, как и сама астрономическая цифра - 140 миллиардов?

- Да кто их знает?! На это даже внимания обращать не стоит. Видимо, посчитали всю трехлетнюю программу. Я хочу сказать другое.

Цены на импортные товары, безусловно, должны зависеть от наших розничных цен, ведь продажу производят государственные органы, выплачивая при этом налог с оборота, давая торговую скидку, возмещая транспортные и иные расходы. Но если какие-то импортные товары у нас отпущены на свободные договорные цены, то подобные же товары тоже должны реализовываться по тем же свободным ценам. Если бы

Минторг пошел на более низкие цены, уменьшив тем самым разрыв между долларом и рублем, то это тоже опасно. И на дешевые товары создастся бы ажиотаж. Как бы тогда наши предприятия стали продавать свою продукцию, которая, как правило, более низкого качества?

Коэффициент не возникает вдруг, а получается **законно**. А запущенный в средства массовой информации курс соотношения рубля и доллара есть не что иное, как плод чьей-то фантазии и некомпетентности.

Масштабы, которые муссируются, я повторяю, это перспектива нескольких лет...

- Значит, Россия во главе с демократическим правительством перешла от слов к делу, пытаюсь реализовать новую, отнюдь не социалистическую модель бытия, основа которой - приоритет частной инициативы?

В последние месяцы в Совмине России побывали представители различных деловых кругов Запада. Знаю, что Вы лично участвовали в крупной акции, которую проводил в ФРГ Гельмут Шмидт и бывший министр экономики Великобритании Хили. Выступали на конференции "Восток-Запад" в Лос-Анджелесе. Ходят упорные разговоры, и не только среди новоявленных "патриотов", но и, как мы могли убедиться, в более "компетентных инстанциях" о "распродаже Отечества"...

- Прежде всего, знаете, что выявилось совершенно отчетливо в результате этих встреч? Все крайне обеспокоены обстановкой в нашей стране.

- Искренне?

- Очень искренне, потому что прежде всего думают о себе. И понимают, что будет с миром, если на территории одной шестой части его, оснащенной "до зубов" ядерным оружием, начнется крупная заваруха. А мы, скажем прямо, весьма успешно начали продвигаться в этом направлении... Осознали они и другое. Способствовать политике непрерывного кредитования, которую проводит союзное правительство, не просто бессмысленно - **преступно**. Мы проедем, растащим, растранижим все эти ресурсы. Ничего от них не останется. Как проели, растащили, растранижили двести миллиардов знаменитых "нефтяных долларов". Кстати, официальные данные о них так и не были опубликованы. Такая политика делает нашу страну некредитоспособной, да и, попросту говоря, банкротной.

- Мы непрерывно что-то делим, определяем, разделяем, спорим, сколько, кому, зачем и т. д. и т. п. Особенно этим отличается наша законодательная власть. Всё это напоминает дележ пирога, которого давно нет. Съели и не подавились.

- И при этом наблюдается гигантский разрыв между денежными доходами населения и неудовлетворенным спросом. В России, по самым скромным подсчетам, он составляет 128 миллиардов рублей, а на самом деле все 150! Представляете, половина денежных доходов не

имеет под собой никакого обеспечения. Тут уж дефициты неизбежны самим соотношением.

- А если бы, действительно, было завезено товаров на 140 миллиардов?

- Только бы выиграла и по всем направлениям! Эти средства можно *вложить* в наши стройки в экспортных областях - нефтяной, газовой, лесной, металлургической промышленности. Плюс технологическое обновление производства товаров народного потребления.

Посмотрите, как оголтело напали! И обходят молчанием самое главное - деньги извлекаются из процесса обращения и поступают в инвестиции.

- Сегодня незакрытые проекты измеряются у нас сотнями миллиардов рублей, в том числе в топливной промышленности. Означает ли это, что масштабы организации задуманной российским правительством акции могли бы быть достаточно крупными в случае ее осуществления?

- Безусловно. И у нас есть уже готовые проекты, разработанные учеными в содружестве с представителями местных советов, которые лучше всех знают положение дел на местах в своих регионах.

Вы когда-нибудь задумывались, что такое базовые отрасли? Говоря высоким стилем - это *завтрашний* день страны! А ни у российского, ни у союзного правительства нет сегодня средств для этих отраслей и завтра не предвидится. Такое нищенство во много раз страшнее отсутствия потребительского рынка. Экономика должна быть направлена в *будущее*! А если нет такой направленности - грош цена в базарный день всем нашим законам, проектам, а заодно и указам "по выходу из кризиса".

- Помните, несколько лет назад Вы рассказывали мне о колоссальных сибирских богатствах, сосредоточенных в районе трассы Байкало-Амурской Магистрали, где я побывала, и не однажды. И о программе "Арктика", вообще сказочно-волшебной, о которой все забыли. Мы тогда вспомнили слова Ломоносова о том, что "могущество России Сибирью произрастать будет".

Почему, например, до сих пор не осваивается Удоканское месторождение меди, которое, по мнению специалистов, внесет крупный вклад в развитие базы цветной металлургии страны?

- И мы приходили с вами к мысли о том, *чего* нам не хватает. С нашими ресурсами мы пока мало что можем сделать. Ни к освоению недр подойти, ни социальные проблемы решить, ни технологическое переоснащение осуществить.

А сокровища нашей с вами родной сибирской земли - несметные. Будто Менделеев и не составлял вовсе свою таблицу, а лишь чудесной палочкой приоткрыл на миг земляной покров над кладовой природы. Медь, хризотил-асбест, свинец, цинк, никель, титано-магнетит, ртуть, графит, редкие металлы, не говоря уже о золоте и алмазах.

Мало кто знает, что на территории той земли свободно могут разместиться такие государства, как Швейцария и Нидерланды, а плотность населения, правда, до строительства Магистралей, составляла один человек на десять квадратных километров!

Что касается Удоканского месторождения, то оно комплексное. И для получения других элементов, используя опыт того же Норильска, где из руды извлекается до четырнадцати элементов! - нужны глубокие проработки этого вопроса. Нужна и современная техника. Ведь оснащать предприятия, которые будут давать продукцию в XXI веке, нынешней технологией не просто не разумно, а преступно. Достаточно с нас стыда на весь цивилизованный мир за один только Чернобыль!

Необходимо и тщательно изучить вопросы взаимодействия технологии со средой, которая страшно ранима в этой зоне. Как строить в таких условиях предприятия? Пока неясно. Мы недооценили сейсмику в районе Магистралей и до сих пор пожинаем плоды этой "недооценки". Зачем же, как говорится, "не зная броду - лезть в воду"?

Кроме всего прочего, наша страна не нуждается в меди за счет других месторождений, а Удоканское требуется для мирового рынка. В этом случае нам особенно важно, на каких условиях страны-потребители меди - будут с нами торговать, участвовать в поставке оборудования для предприятий, дадут кредит. Ведь наши капиталовложения на этом участке составят не менее четырех миллиардов рублей. Колоссальная сумма!

- Есть мнение - взять в Удокане лучшие по качеству участки и уйти с Богом с той земли...

- Так рассуждать могут только временщики. по психологии, а нам надо всё четко рассчитать. На помощь придет наука, что создает всё больше новых материалов и способов их использования так же, как и способов передачи электроэнергии, не известные людям до сих пор. Поэтому, я думаю, разумнее всего построить опытно-обогащительное предприятие и на нем всё испробовать.

- Одним словом, там, где основа могущества будущей России, всё брошено?

- Брошено. И надо восстанавливать несмотря ни на что. Среди других проектов российское правительство имеет в виду и проекты освоения природных богатств нашей с вами родины. К ним всё равно вернутся, если не мы и нам "обрубят руки", то другие, идущие следом... А сегодня из-за отсутствия инвестиций у нас ожидается, например, уменьшение добычи нефти на десятки миллионов тонн. В свое время богатейшая страна Америка и та считала необходимым привлечь иностранный капитал для разработки нефтяных богатств Аляски.

- Выходит, прирост мощностей, в котором мы практически не принимаем участия?

- Мы предоставляем рынок. Продать товары и вложить деньги. Но убиваем даже не двух, а несколько "зайцев". Увеличиваем возможности

экспортных отраслей и создаем благоприятную обстановку для развития рынка. Поддерживаем инвестициями базовые отрасли. Обеспечиваем товарами и продовольствием народ и такой экономической политикой стабилизируем обстановку. Мне представляется возможным завезти в Россию столько товаров, чтобы они свободно лежали на полках.

- Но это из области фантастики!

- Ничего подобного! Но о чем я всё время говорю? О том, что все знают, *что* надо делать, но мало кто знает, что делать *прежде*, а что *потом*. Это моя любимая французская поговорка.

Знаете, чего сегодня катастрофически не хватает России? России не хватает в р е м е н и, чтобы, высвободив крестьянина и стянув ресурсы в агропром, создать там своими решениями новую экономическую среду. Ведь даже для расширения потребительского рынка необходимо время. У нас там нет даже крупных проектов, заделов. Строек, которые повлияли бы на рынок, мы насчитали на огромной территории России что-то около ста сорока. Из них только тридцать четыре предполагается ввести в действие в этом году. Надо изменить эти сроки.

Сегодня правительство России готово провести чрезвычайные меры и законодательно. Есть проект закона об иностранных инвестициях, приняты российским парламентом законы о рыночной инфраструктуре. А вот когда импортные товары будут лежать на полках, надо позаботиться о нашей промышленности. Ведь в чем еще наше катастрофическое неумение хозяйствовать? В том, что блеск долларов и западных витрин создает нездоровый ажиотаж - стремимся, что получше и побыстрее вытащить за рубеж. А нужно *работать*!

Я совершенно уверен, что наших монополистов-производителей надо встряхнуть, да как следует! Встряхнуть так, чтобы они почувствовали, как торговать в условиях *конкуренции* высококачественных и дешевых товаров Запада и "восточных драконов", которые только благодаря конкуренции и пробилась на мировой рынок. Кроме пряника - нужна и дубина хорошая. Когда предприятия помучаются, сбывая свою продукцию, им хорошие мысли придут в голову. И о том, что нужно совершенствовать производство, и принимать предложения ученых по техническому прогрессу, и многое другое.

Прямое участие западных инвесторов, их методы организации проектного и строительного дела - это та школа, которую мы сегодня должны проходить. А деловые люди появятся и у нас. Я в это верю.

- Значит, "распродажа Отечества" с молотка не состоится?

- Когда же мы все-таки избавимся от идеологических штампов? Во-первых, мы только говорим о необходимости иностранных инвестиций, но ничего пока не сделали для их реального притока в страну. Во-вторых, кто и почему решил, что продавать предприятия мы собираемся по сметной стоимости, а не по рыночной цене, которая, как известно, может быть во много раз выше. Ну и в-третьих, когда же мы перестанем отгораживаться от мирового опыта?

Вспомним хотя бы послевоенную Германию. Да, американцы скупали тогда за бесценок немецкие марки и вкладывали их в немецкую экономику. А одновременно ввозили в страну новейшие технологии. Проиграл ли от этого немецкий народ? Или, может быть, утратил свою независимость?

- Журнал "Коммерсант" назвал Вас "теневым премьер-министром Межрегиональной группы". Что лично для Вас политическая борьба даже тогда, когда уже, кажется, и сил не остается? Вы убежденный сторонник оппозиции?

- Не оппозиции, а разъяснения *позиции*. Это точнее. Межрегиональная группа и я как ее представитель сыграли свою роль в *разрушении* тоталитарной идеологии. По крайней мере, у меня есть убежденность в том, что я ни разу не отступил от своей позиции, не поддавался не только на всякого рода соблазны, но и не сделал допустимой попытки сделать круг, чтобы потом вернуться на исходные позиции. И всегда был уверен, что в данном случае непримиримость была важна. Нужно было отчетливо показать, а за что, собственно, идет борьба.

- Вы согласны, что диссидентство как явление подготовило перестройку? Сахарова нам всем подарила судьба. Он пришел, чтобы объединить нас, взять за нас свой крест и нести его до последнего дыхания под улюлюканье съездовской толпы...

- В сущности, сам факт рождения МДГ можно без преувеличения назвать *звездным часом* демократии в России. Своим влиянием и умонастроениями межрегионалы оказали благотворное влияние на политическую ситуацию в стране, а участием в работе комитетов и комиссий Верховного Совета подготовили радикальные экономические реформы.

- Кажется, впервые в истории парламента вами обоснована идея формирования бюджета как организующей части здоровой финансовой системы "снизу" и начата за него борьба в различных формулировках закона?

- Но ведь я, как и многие мои единомышленники, надеялся, что процесс демократизации пойдет вглубь, удастся сохранить темп преобразований, не допустить сползание к половинчатым действиям. Серьезные просчеты!

Отсутствие опыта творческой законодательной деятельности приводит к тому, что обсуждаются и принимаются законы без глубокого анализа, четкого механизма их реализации, системы подзаконных актов. Нет и правительственных решений, дающих им жизнь. Мало того, само союзное правительство находится в известном смысле в оппозиции к этим законам.

Все законодательные акты и важнейший из них - о собственности - *разрушают* командно-административную систему, отчаянно при этом сопротивляющуюся. А для созидания нужна иная экономическая среда. Но это не осознается.

Иллюзия, что страна и народ продвигаются вместе с демократическими реформами и что такая могучая среда, как технократия, осознает необходимость рационального использования тех огромных прав, которые на нее свалились.

Что касается "леворадикалов", то они создали у народа четкое представление о позициях разных сил и систем, наглядно показали, что попытки компромисса означают либо топтание на месте - либо движение назад. И уход межрегионалов из парламента привел к необратимым процессам. Парламент стал оплотом консерватизма.

...Вы знаете, у меня сейчас такое чувство, может быть, и обостренное всей этой дурацкой историей с "миллиардами" - иначе не скажешь! - но никто не чувствует этой опасности - ни лидеры оппозиции, ни демократы-радикалы, ни народ.

Последствия горьких просчетов этих поистине исторических событий могут оказаться катастрофическими, хотя до сих пор они не замечены общественным мнением Запада. Советологами различных стран им дается поверхностная односторонняя оценка. А всё это требует осмысленного взгляда "изнутри", потому что отражает *трагический*, еще не завершившийся процесс перехода тоталитарной системы к рыночным отношениям.

- Мы с Вами, кажется, отошли далеко от предмета нашего разговора - "сделки века"... Тогда, может быть, вспомним, как на II Съезде народных депутатов Вы, опять же *первый*, потребовали отставки правительства Рыжкова. Сохранилась стенограмма Вашего выступления, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Год потребовался, чтобы неизбежность этой отставки осознали все, кажется, включая Горбачева...

- Вы обратили внимание, *о чем* я говорил? О том, что для перехода к рынку нужна совершенно другая финансовая политика, чем та, которую ведет правительство. Тогда я ставил вопрос о военном бюджете. Сегодня он встал с такой остротой, что уже не отмахнуться.

А к "предмету" нашего разговора мы приблизились. Дело всё в том, что если год назад была еще *видимость* борьбы за выход из экономического кризиса, то сейчас и видимости нет. Есть открытая откровенная *циничная* борьба за сохранение своей власти. Противостояние очевидно. Покровы спали. Идеологические ухищрения типа "социалистического выбора" еще произносятся, но уже без внутренней убежденности. Мне Горбачев напоминает сейчас некоего жреца с его заклинаниями, который сам ясно видит открывшуюся перед ним бездну.

Борьбой за власть продиктованы и многие указы президента.

- О том, что процесс перестройки необратим, говорили, кажется, все и на разных уровнях...

- И еще о том, что у демократических преобразований нет активно противоборствующих сил - армия и военно-промышленный комплекс уже существенно влияют на экономику и политику не могут. А ком-

мунистическая партия, "передав", согласно упразднению шестой статьи Конституции свою руководящую роль советам, вообще намерена лишь политическими методами "восстанавливать" свой "пошатнувшийся авторитет" среди народа.

Всё это оказалось чистым надувательством! Впрочем, демократические силы всегда знали об этом. И, несмотря на увещевания, не однажды высказывали тревогу, начиная с трибуны I Съезда. Предупреждал о последствиях грандиозного спектакля, в который вовлечена благодаря телевидению вся страна, и Андрей Дмитриевич Сахаров. Этакое грандиозное шоу, продолжавшееся около двух лет, равного которому в мире не найти...

- **Помните, как Сахаров определил демократические реформы?**

- Помню. Он говорил, что спасение страны - в ее взаимодействии со всем миром и необходимы демократические реформы, затрагивающие все стороны жизни - будущее страны в ориентации на прогресс, науку и личное нравственное возрождение. И нельзя ограничить пути этого возрождения только религиозной и националистической идеологией или какими-нибудь патриархальными устремлениями в духе Руссо.

Никто не должен рассчитывать на быстрое и универсальное решение проблем. Все должны набраться терпения и терпимости, соединяя их, однако, со смелостью и последовательностью мысли.

- **Но он нас предупреждал и о том, что в нашем глубоко циничном, кастовом, больном обществе люди тотально зависимы от государства, и оно проглотит каждого, не поперхнувшись...**

- Сегодня его тревоги полностью подтвердились. События в Прибалтике - это и апогей контрастступления реакции, и реальное отражение расстановки политических сил.

- **Вы о своем "любимом" зловещем тандеме?**

- Зловещем триумvirате. Военно-промышленном комплексе, работающих на него министерствах и ведомствах и политической монополии партии.

Он претерпевает лишь "косметический ремонт". Несомненно, ослаблены позиции ведомств, никогда уже партии не быть монополистом в области экономики, а тем самым и в области идеологии. Но все организационные структуры, механизмы власти, в том числе экономической, сохранились.

Сам Горбачев - заложник "триумvirата". Созданный им же, по его сценарию и с его участием Верховный Совет - этаким балет политических привидений, приведен им же к полной деградации. К неспособности принимать прогрессивные решения, в которых так нуждается сегодня наше общество! Верховный Совет уже давно выполняет роль некоей *ширмы* для прикрытия реальной власти этих структур, пронизывающих своими щупальцами всю экономику страны на огромной территории, определенным образом взаимодействующих одна с другой, образуя при этом горизонтальные и вертикальные связи.

Президент же, поняв окончательно, что опоры у него нет, пытается создать новые президентские структуры, оказывающиеся "карточным домиком".

- Но были ли отступления со стороны этих структур, сделанные под напором демократических сил?

- Тактические - да. Впрочем, к их чести, они довольно стойко их перенесли. А вот стратегия была хоть и примитивней, но намного дальновидней, чем у демократов. И развитие событий предугадано исключительно точно.

Вы не задумывались, отчего это вдруг административные структуры без боя и длительных осад, да еще на альтернативной основе подготовили, приняли и опубликовали закон о местном самоуправлении? Или неожиданно пошли на принятие закона, дающего достаточно широкие и свободные права предприятиям? Да потому, что они в большей степени, чем мы, демократы, осознавали *неготовность* наших предприятий к деятельности, основанной на инициативе и активности.

Трудно и предположить, что при стойкой привычке к дележу, предприятия и региональные органы начнут *творчески* подходить к производственной деятельности.

- Значит, расчет был по-снайперски точен? Под разговоры о перестройке и под видом ослабления административных вожжей посеять в стране *хаос*, а самим, тем временем, отойти от лидирующих позиций? Ведь *развал* в экономике неизбежно приведет к развалу в обществе...

- А там "пошла писать губерния"! Скажется давняя привычка к поиску "врагов народа", а ненависть, что гуляет по стране, только и ждет лазейку, чтобы пролиться. Весь тоталитарный режим построен на ненависти. И всё рухнет, если мы в ней захлебнемся...

Нарушение же всех хозяйственных связей, политические и экономические эксцессы можно было предвидеть еще в восемьдесят седьмом году, в период созыва XIX партконференции. Я думаю, что на реформы пошли с расчетом занять места в, так называемых, советах, совмещающая партийную и советскую власть. И попрежнему ни за что не отвечать. Одним словом, приспособиться к переходному периоду, сохраняя ведомственные структуры и руководство процессами, происходящими в стране.

Уже тогда для наиболее дальновидных *обреченность* всех реформ на провал была ясна.

- И вину за развал в экономике и политический разлад в обществе взыскать с демократов. Дескать, "за что боролись, на то и напоролись"?

- Да. Объявить, что демократизация не дала результатов, а всякие попытки реформ принесли лишь бедствия и разруху. Посему пора возвращаться на "круги своя".

Но сознавая, что им в одиночку не продержаться, даже захватив временно оставленные позиции, они сплотились. Вытесняя из своей среды радикальные и даже полурадикальные элементы и выдвигая на передний фланг наиболее консервативные.

Поразительна сама степень выживаемости и дальновидности этих структур!

- **Недавние события в Прибалтике - это, по-вашему, поражение нашей молодой демократии?**

- Поражение. И крупное. И это обстоятельство прекрасно осознано реакционными силами. Впрочем, они давно уже не считаются с парламентом страны в том составе, в каком он существует. И честнее всего ему самораспуститься. Эти силы не обращают особого внимания и на политические движения, новые партии, комитеты, фронты и т. д. И, знаете, почему?

- **Догадываюсь.**

- Потому что опираются не на силу убеждения, а просто на *силу*. Примитивную. В том числе военную.

- **Выходит, не удалось реализовать даже очевидный результат тех преобразований, которые мы назвали "перестройкой" - демилитаризацию?**

- Не удалось. Сегодня трудно даже представить, что такая возможность была. Безнаказанность кровавых тбилисских событий привела к повторению их в Вильнюсе и Риге. Уже тогда, в апреле восьмидесят девятого, консервативные силы начали консолидироваться. Сегодня они идут единым строем. Грохот их сапог всё явственнее и отчетливей.

- **Почему замолчал тогда Собчак? Не довел с комиссией до конца расследование?**

- Думаю, что как реалист и юрист он понял - если дело доходит до определенных структур мафии, то в борьбе с ней либо надо опираться на мощную организованную силу - либо понять, что структуры эти пока недосыгаемы. Во всяком случае, на данном историческом этапе. И признать свое поражение...

- **Но одиночные выстрелы в Прибалтике прозвучали эхом по всему миру. Их слышали даже сквозь оглушительные залпы в Персидском заливе.**

- Не только слышали. Они нанесли сокрушительный удар по нашему экономическому сотрудничеству с развитыми странами Западной Европы, Японии, США. Сотрудничеству, которое не только позволило бы нам пережить исключительно сложное время, но и дало бы надежду на технологическое перевооружение, на оживление в экономике.

- **Неужели всё так беспросветно?**

- Есть один момент. Его не мог предугадать самый дальновидный политик-реакционер. Это - стремление республик к суверенитету.

Горбачев, несмотря на увеличение своих полномочий, какими не обладает ни один президент в мире, и указы, которыми он осыпает народ, как из "рога изобилия" - не имеет реальной власти. Думаю, он сам это прекрасно понимает в своем агрессивном бессилии.

Реальные же основы политики создаются сегодня в парламентах республик. И никакими "указами" "запретить" национальное возрождение невозможно. Насилие же приводит лишь к братоубийству.

- Вы, известный сторонник суверенитета России и член правительства, говорите о ней? Ведь Россия костью в горле застряла у административной системы.

- Не только о ней. И об Украине. Белоруссии. И, конечно же, о Грузии с Прибалтикой. Но и Россия тоже *колония* тоталитарно-имперского режима. Он погубил ее лучших сынов в застенках ГУЛАГа. Разграбил природные ресурсы. Восстановление государственности в России - общая часть процесса деколонизации.

Осенью прошлого года была упущена инициатива органов власти России. Вплоть до ноября обстановка еще позволяла реально разделить функции с союзным правительством, не допускать больше положений, когда одни управляют, а другие несут ответственность перед своим народом. Ведь нас стараются обвинить и за критические ситуации, связанные с прошлым!

В октябре на президиуме Совмина России я предлагал приостановить, пусть временно, деятельность союзных органов на ее территории, аргументируя, что это наш *последний* шанс заставить их пойти на передачу ряда функций. Но мое предложение принято не было...

Вслед за тем началась полоса отступления по всем направлениям. Раз за разом у нас буквально вырывали из рук крохи возможностей влиять на экономическую ситуацию в республике, с таким трудом завоеванную возрождением национального самосознания россиян.

Россию упорно, но искусственно противопоставляют другим республикам, что неумолимо ведет к *трагическому* исходу. Совершенно сознательно и целенаправленно проводит такую политику и новый премьер-министр Павлов. Уже первые шаги его говорят о том, что он - "продукт системы" и главная его задача - выполнять возложенные на него Горбачевым функции. А иначе говоря, *жестко противостоять* республикам и, в первую очередь, России. Возникает *национализм* разрушительной силы. Мы еще вкусим его горькие плоды. Общество раскалывается от внутреннего напряжения, как байкальская ледяная глыба...

В такой обстановке время радикальных решений для нас упущено...

26 января

Ожидать ли в Москве танки? Пока известно одно - принят совместный приказ Министерства обороны и МВД,

по которому под видом борьбы с преступностью дается право использовать вооруженные силы на улицах городов, в том числе в Москве, меры, предусмотренные режимом чрезвычайного положения.

Эта информация прозвучала на сессии парламента России. О том, кто ее "автор" - сведений нет. "Выступая... один из председателей парламентского комитета..." И всё. Но "Российской газете" удалось получить в свое распоряжение этот приказ, за № 493/513, вступающий в силу с первого февраля...

Вот и есть повод подумать о том, в самом ли деле вспыхивающие то там, то в другом месте кровавые конфликты - неожиданность и шок для Горбачева и его окружения? И что во всем этом виноваты безымянные коменданты гарнизонов, которые руководствуются не Конституцией, а уставами гарнизонной и караульной службы?

Не повторился бы на улицах наших городов ужас Вильнюса, Риги, Тбилиси, Баку?...

...Спала два часа. Работаю над материалом, вчера записанным на пленку. Дала заголовок "Фильшин атакует!". Вспомнила, позапрошлой осенью газета "Унита" под заголовком "Иль депутато Фильшин ва дечизо аль аттако" - "Депутат Фильшин решительно атакует" сообщила:

"Депутат Геннадий Фильшин решительно идет в атаку и предупреждает, что только план чрезвычайных мер может дать результат в экономике и вывести общество из кризиса. Фильшин твердо убежден в том, что экономика еще более будет сдвигаться к «хаосу», если уровень инвестиций будет оставаться попрежнему низким и не будут приняты сильнодействующие меры к уменьшению дефицита.

Фильшин кажется пессимистом, когда отмечает, что практически оздоровление экономической системы «блокировано», поскольку вместо того, чтобы дать «большую свободу республикам, регионам, предприятиям на основании закона о местном самоуправлении, самофинансировании, думают о том, как бы новую систему *втиснуть* в старое ложе». Другими словами, - говорит депутат, - закон предлагает новый *контроль* над старым.

Действуя таким образом, никогда нельзя разрешить тяжелые проблемы, даже если премьер-министр Николай Рыжков будет постоянно повторять: для того, чтобы вывести страну из кризиса, ни в коем

случае нельзя возвращаться на старую дорогу, поскольку она ведет в никуда".

Иначе говоря, следуя русской пословице: "Сколько ни говори «сахар», «сахар» - во рту слаще не будет".

... А на нашей родине, в Иркутске, где лежат метровые снега и температура воздуха, по сообщениям синоптиков, переходит по ночам отметку сорок градусов по Цельсию, сегодня состоялся митинг "В защиту Фильшина и демократии". Мне позвонила оттуда по телефону дочь, а из редакции молодежной газеты передали по факсу его резолюцию.

"Последние события свидетельствуют, что в стране происходит правый ползучий переворот, целью которого является возврат в болото тоталитаризма, застоя и провоцирования гражданской войны. Будучи заложником военно-промышленного комплекса и большевиков-ползковцев, Горбачев встал на путь нарушения конституции, удушения демократических завоеваний, дестабилизации экономики и грубого использования военной силы против собственного народа. Союзное правительство Павлова, Язова, Крючкова, Пуго и Кравченко вступило на *опасный* путь. Его агентура спровоцировала конфликт в Прибалтике. Павлов, под видом борьбы с теневой экономикой, грабит народ и подвергает его *унижениям* в период проводимой в настоящее время денежной реформы.

Предпринимается остервенелая атака на средства массовой информации. Пытаются скомпрометировать демократически настроенных руководителей России - Ельцина, Силаева и Фильшина.

Реакция, воспользовавшись ситуацией в Персидском заливе, силится взять реванш за свои поражения и предотвратить дальнейшее разоблачение режима за все семьдесят три года незаконного правления".

...Точнее не скажешь.

28 января

В "Огоньке" неожиданно отказали в публикации нашей с Фильшиным беседы. Причина всё та же: "...подождем заключения парламентской комиссии по «делу о 140 миллиардах»". Об этом сказал заведующий отделом внутренней политики журнала Георгий Рожнов. Впрочем, решает не он.

Всё ясно. Боятся не попасть "в струю" - вот тебе и

независимая пресса! Еще как зависима, и от собственного унижительного страха, в первую очередь. Отсюда всевозможные красноречивые оправдания, вроде: "... для пользы дела". Словом, "и нашим - и вашим".

Мало кому дано иметь мужество, не соотнесенное с выгодой!

30 января

Сегодня в "Российской газете" небольшое интервью с Фильшиным под броским заголовком "Нас хотят запугать". Один из вопросов корреспондента звучит так:

- "«Дело Фильшина» очень напоминает историю с АНТом: и цели примерно одинаковые, и силы, раскрутившие скандал, одни и те же. Если АНТ защищали буквально со слезами на глазах, то вашу сделку стараются всячески опорочить. Чем объяснить такое непостоянство союзного правительства?

- Политикой. Республикам всеми правдами и неправдами не хотят давать власть. И никого не волнует, что в результате страдают люди!"

Монополистический центр просто упивается своим законодательным целомудрием последних дней и, кажется, добьет в зародыше рыночные потуги России. В ход пущено всё - от старых запретов до нового указа Горбачева, позволяющего КГБ неограниченно вмешиваться еще и в экономику.

Пресса судачит на сто рядов, пугая западными предпринимателями наше робкое воображение - нечто вроде засилия на Руси инородцев - взвоешь тут! Скандал на весь мир.

У Фильшина, слава Богу! - с юмором и в эти дни всё в порядке.

"Представляешь, - сказал он мне, - приходит на таможенную десять вагонов, битком набитых сторублевками. Вся имеющаяся в стране наличность ограничивается 130 миллиардами. Кто-то подсчитал необходимое для них количество вагонов.

Кому они нужны, такие астрономические суммы? Ни на Западе, ни нашим внутренним теневикам. На них нечего купить у нас в стране.

С какой стороны ни посмотри - сплошная глупость получается. Если же к сказанному добавить бесчисленные нарушения законов, которые выявили эксперты союзного Госбанка и Минфина, то поневоле прихо-

дишь к выводу - всё так специально и задумывалось, чтобы на первом же КПП (контрольно-пропускном пункте) схватили за руку. Грязная работа.

А Комитет госбезопасности, как всегда, действовал не по собственной инициативе..."

31 января

"Почти детективную историю со многими вопросами и отсутствием ответов" рассказывает лондонский корреспондент "Известий" Кривопапов. Ведь должна же была, по его словам, "сделка века" как-то аукнуться на Альбионе!

...Подобного рода сообщениями наполнены в эти дни все газеты - и "левые, и правые". Каждый дует в "свою дуду". Можно подумать - на свете нет ничего загадочней "сделки века", а в несчастной России - проблем.

...В моем родном Иркутске мои родные дети получают на руки по "талонам" - и уже не первый год! - 300 грамм сливочного масла и один килограмм "мясных продуктов", включая кости для варки супа, в... месяц.

По сообщениям Прокуратуры СССР, которая вкупе с КГБ "намерена проводить расследование", возбуждено уголовное дело. Сегодня информация об этом официальная.

1 февраля.

День рождения Ельцина. Юбилей. 60 лет. Но в коридорах Белого дома, где я нахожусь, прячется тревога. Геннадий Иннокентьевич сказал мне сегодня буквально следующее:

"Устроили детектив, а в уголовном деле, что завели, никто не будет привлечен даже в качестве свидетеля. В «компетентных органах» шум подняли большой без всяких на то оснований. Нет у них ничего за душой! И ко мне они не могут обратиться как к свидетелю, поскольку никакой сделки между теми организациями, которые я называл, вообще нет.

Только что я говорил с Кравченко по телефону. Предложил встретиться «за круглым столом» во «Времени» в такой компании - Крючков, главный редактор «Советской России» Чикин и я. И мы, вообще говоря, побеседовали бы по душам. И люди поняли бы, кто

есть кто и для чего, собственно, всё это делается. Мне кажется, это было бы очень полезно для будущего, в том числе и уважаемой организации, чтобы она такими соплями не размазывала бы саму себя...

Пока у нас еще не демократия. Кто-то едко пошутил: «Демократия так же отличается от демократизации, как канал от канализации». Мы ее, демократию, только еще строим.

Но всё же на календаре не тридцать седьмой год! Просто так людям заткнуть рот уже нельзя!"

2 февраля.

Вчера на заседании сессии российского парламента, которое больше смахивало на импровизацию, производимую оркестром без дирижера, Иван Силаев, глава правительства России, обвинил союзное в том, что оно, несмотря на подписанное соглашение между центром и Россией, до сих пор не выделило валютные средства на закупку продовольствия.

И добавил, что в этой критической ситуации особенно неуместными выглядят подозрения в незаконных сделках. Ничего противоправного, подчеркнул он, члены правительства не совершали.

И всё. Обычный набор обычных "вежливых" слов. А ведь мог бы и защитить своего вице-премьера! Благо, трибуна была. Увы!

4 февраля.

Сообщение в прессе, да так торжественно, как будто орден Ленина вручали: "Присвоить воинское звание генерал-полковника министру внутренних дел СССР тов. ПУГО Борису Карловичу".

И подпись: "Президент СССР Михаил Горбачев. Москва. Кремль".

А под указом комментарий одного их руководителей спецслужб, начальника УКГБ по Москве и Московской области Виталия Прилукова по поводу сообщений о запланированной на ближайшие дни тотальной проверке деятельности совместных предприятий:

"Московские чекисты такого задания не получали. Как известно, КГБ привлечен Прокуратурой Союза к следствию по "делу о 140 миллиардах", но это особый разговор.

Домыслы о каких-либо тотальных проверках, облавах с участием чекистов, по-моему, распространяют определенные средства массовой информации. Мы ведем борьбу с организованной преступностью, экономическим саботажем, как того требуют Указы Президента Горбачева. Но эта оперативная работа не имеет ничего общего с повальными обысками, хотя кое-кто пытается представить так".

5 февраля.

Утро. Слякотное, слякотное. Метельное, метельное. Вдруг неожиданно подумалось - семнадцатого июля восемнадцатого года убили зверски не царскую семью - растерзали Россию в тот день и час. И Бог не простил.

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит...

6 февраля.

Газеты, что принесла утренняя почта, пестрят заголовками: "Найден человек, разыскиваемый ИНТЕРПО-Лом". "Дело о 140 миллиардах продолжается"...

Вчера вечером "по собственной инициативе" начальник следственной части Прокуратуры СССР А. Сбоев и первый заместитель руководителя постоянной следственной группы при прокуратуре СССР В. Калининченко познакомили группу журналистов с материалами о ходе следствия по уголовному делу № 18/5922-91, известному как "дело о 140 миллиардах".

Ну и цирк же был!.. Оказывается,

...Колин Гиббинс *разыскивается* ИНТЕРПОЛ-ом по заявлению Национального розыска Великобритании за таможенное и акцизное правонарушение, превышающее 300 тысяч фунтов стерлингов. В Англии его ожидает тюрьма. Или, как говорим мы, русские, "плачет по нем тюряга". А в Америке и того пуще - "пожизненное заключение". Нашу страну он посещал "более сорока раз", в одной из столичных

гостиниц имеет постоянный оффис и совершил несколько сделок. Следствие считает, что "в данной беспрецедентной по масштабам операции он выступал в качестве прикрытия для западных фирм, не пожелавших афишировать своего участия в сомнительной сделке".

"Материалы свидетельствуют и о другом. Ряд причастных к контракту должностных советских лиц обращались с просьбой о предоставлении им многократных виз для выезда в ЮАР, Швейцарию и Англию, а - цитирую по официальной справке: "за переадресовку этой сделки одному из швейцарских банков, подозреваемому в отмывании денег колумбийской наркомафии, Колин Гиббинс по подписанным им обязательствам должен был открыть счет в швейцарском банке на имя руководителя одной из организаций на сумму три миллиона долларов".

Уф... Еле написала всё это, как будто ушат грязных помоев на себя вылила.

Фамилий на пресс-конференции не прозвучало ни одной - ни "должностных советских лиц", ни "руководителя", ни названия "организации".

7 февраля.

В клевете и подозрительности "перещеголяла" всех уважаемая "Советская Россия", любимая газета наших "патриотов и радетелей за народное дело". Не гнушается и "пикантными подробностями", работающими как нельзя лучше на обывателя.

Оказывается, при Поле Пирсоне была вовсе не его спутница - англичанка, которую вместе с ним обыскали "вплоть до швов на одежде" наши доблестные мужчины "в штатском", а "некая московская девица, выполнявшая весьма определенные обязанности при жуликоватом мистере".

О времена! О нравы! На этой странице - фотокопии двух документов. Один из них содержит знаменитые "семь строк Фильшина" вместе с его подписью. А другой? Что это?

9 февраля.

Заявление вице-премьера России Геннадия Фильшина:

"В последнее время развернута кампания по дискредитации меня

как члена правительства и самой возможности решить сложнейшие проблемы, с которыми столкнулась республика, за счет внешнеэкономической деятельности. При этом характер кампании всё в большей степени приобретает черты хорошо известных процессов тридцатых годов, когда выяснение истины умело отодвигалось на задний план, а всё внимание сосредотачивалось на том, чтобы ошеломить неугодных людей, а вместе с ними их дело.

В связи с этим как член правительства России и как народный депутат СССР считаю необходимым заявить следующее.

Сама по себе идея насыщения внутреннего рынка импортными товарами и продовольствием стара, как мир. Наша страна, во всяком случае последние десятилетия, только на этом и держалась. Весь вопрос - чем расплачиваться?

До последнего времени союзное правительство пускало в ход природные ресурсы, прежде всего российские, и благополучно проело 200 миллиардов нефтедолларов, так и не создав в отечественной экономике современные мощности, которые бы работали на потребительский рынок.

Теперь этот источник иссяк. Кинулись искать кредиты. Но под что? Уже сегодня львиная доля валютных поступлений идет на погашение долгов. И даже не самих долгов, а процентов по ним. Минувшим летом страна едва не была объявлена банкротом. Вполне закономерно, что в таких условиях непосредственное привлечение иностранного капитала в отечественную экономику - один из немногих реальных способов борьбы с ее окончательным развалом.

Возникла эта идея не вчера и даже не позавчера, а, как минимум, в начале прошлого года, когда российского правительства в его теперешнем составе еще и в помине не было. Зародилась и оформилась она в недрах союзного правительства и как раз в том виде, за который ухватились нынешние разоблачители, - в форме покупки долларов за рубли по нынешнему курсу.

Надо сказать, что аналогичные проекты предлагались и нам, однако были отвергнуты прежде всего потому, что представляли слишком большую свободу иностранным инвесторам, не позволяли эффективно контролировать их деятельность.

В основу своей политики в этой области российское правительство положило так называемый "План Маршалла"...

Полностью текст Заявления опубликовала сегодня "Российская газета"...

10 февраля.

Девять часов утра. Читаю Геннадия Иннокентьевичу по телефону сводку новостей агентства "POSTFACTUM".

- Депутаты блока "Коммунисты России" собирают подписи российских депутатов по созыву внеочередного съезда с тем, чтобы выразить вотум недоверия Ельцину. Говорят, собрано уже триста подписей.

И еще. Это касается уже комиссии, занимающейся разбирательством сделки. Сообщается, что в ней есть и объективные люди, и заранее ориентированные на Вашу дискредитацию. Всё те же представители прапарламентской группы "Коммунисты России". Они и подняли вопрос о сделке и развели вокруг него разные инсинуации.

Слышу спокойный голос Фильшина:

- Это для меня не новость. А вот "Советская Россия" развела уголовщину. За заведомо искаженное освещение событий ей придется отвечать по суду! Тут есть чем ей ответить. Настаиваю на пресс-конференции.

11 февраля.

Короткий диалог по телефону после обычного приветствия:

- Когда состоится пресс-конференция?

- Не решено. Звони.

- "Огонек" до сих пор выжидает заключения парламентской комиссии. Наш материал уже две недели лежит в редакционном столе.

- Это понятно...

12 февраля.

...За широкими окнами в утреннем тумане вместе с медленно выкатившимся солнцем над Москва-рекой как бы нехотя поднимается морозное снежное утро.

Секретарша приносит на подносе два стакана чая, "забеленных", по нашей просьбе, молоком и исчезает. Бьют часы. И снова тишина. Всё, как обычно. Но предчувствие - вижу из окон Белого дома этот пейзаж последний раз.

Сидим с Геннадием Иннокентьевичем в его кабинете в креслах за маленьким и удобным журнальным столиком

перед включенным диктофоном. Что-то вроде "мини" пресс-конференции, которая так и не состоялась, несмотря на его просьбы.

- Начнем с главного. Какие события, *лично* для Вас, предшествовали разразившемуся скандалу?

Слухи, как призраки, один страшнее другого, ходят по Европе. Что в них правда, а что откровенная ложь?

- События, которые включают в себя полтора часа времени 11 января. В этот день в мой кабинет зашел член правительства, министр торговли России Хлыстов с представителями ряда российских "глубин" из Тюменской, Курганской, Иркутской, Челябинской областей.

Сославшись на ранее имеющуюся договоренность, что в поисках выхода из "товарного голода" мы будем вместе привлекать западных инвесторов для продажи на советские деньги товаров первой необходимости, - а во время командировок в США и ФРГ я пропагандировал этот способ сотрудничества как единственный выход России из тупика в сегодняшних условиях! - он передал мне письмо в адрес Совмина с аналогичной просьбой. Гарантируя при этом и письменно, и устно "чистоту сделки". Не доверять ему, как вы понимаете, не было никаких оснований.

В другом документе, - а они перед вами, - посредническая фирма "Дов Трейдинг Интернейшнл" в лице ее президента Колина Гиббинса подтверждала министерству торговли *готовность* поставить продовольствие, одежду, потребительские товары и технологии для ускорения производства продукции в таких областях, как сельское хозяйство, машиностроение, горнодобывающая промышленность, производство электробытовых приборов, энергетика... в согласованное место и сроки в течение этого года. При этом, "где возможно, стремиться к бартерным сделкам с тем, чтобы сохранить твердую валюту для РСФСР", гарантируя министерству не только контроль за поставками, но и выбор товаров.

В бумаге с обращением в Верховный Совет и Совет Министров России за подписью президентов фирмы "Возрождение Уральской деревни" и вышеназванной посреднической, "основным заказчиком в данной сделке «выступало» Министерство торговли РСФСР.

Сразу и конкретно шла речь о возможности поставки продовольствия на восемьсот миллионов долларов, одежды и обуви на двести двадцать, о которых я вам уже говорил.

Речь шла об обычной сделке, причем не крупномасштабной, хотя заявок от зарубежных партнеров поступило немало. Уже в феврале мы получили, например, предложение на два миллиарда долларов от компании "Интернейшнл Трейд Инк." из Америки, которая также намерена вложить крупные средства в российскую экономику в полном соответствии с нашими условиями. Хотя и эта, не "крупномасштабная", сделка

могла бы стать серьезным вкладом в наше бедственное положение и никакого бы ущерба народному хозяйству не нанесла.

Мы даже подсчитали, что реальный коэффициент после вычета налога и торговой скидки составил бы один к трем, один к пяти. Это три-пять процентов общих инвестиций на территории России...

Правительство в моем лице, рассмотрев вот эти документы, выразило поддержку самой *идеи* между, по сути дела, частными фирмами. И моя подпись стоит под совершенно нейтральным документом.

Можно читать этот текст *вдоль*, можно - *поперек*, но никуда не уйти от того, что он содержит лишь предварительное одобрение намерений сторон и ровным счетом никаких юридических обязательств для правительства России. Напротив, в нем совершенно четко изложены ограничения. И это ясно мало-мальски грамотным экономистам. Есть об этом и официальное заключение экспертов, подписанное министром юстиции России Николаем Федоровым.

- И всё-таки, какие *ключевые* позиции содержат те *семь* строчек Вашего письма, которые, судя по событиям, войдут в историю криминалистики?

- Их три. Правительство в моем лице не является ни гарантом, ни посредником, ни, тем более, одной из сторон. Но тем не менее, я уважаю закон и не посчитал нужным рассматривать возможности контракта. Повторяю, он является коммерческой тайной. А ссылка на кредитный трансферт говорит о том, что никакого *обмена валюты* и быть не могло. Деньги должны быть использованы для строек России. Расплата же с английской фирмой производится частью продукции, произведенной на новых мощностях.

И третье - самое главное. Сделка направлена на обеспечение народа товарами первой необходимости.

...В информации же Прокуратуры СССР говорится, что есть документ с моей подписью, где указаны конкретные шаги по реализации контракта. И мы, вроде бы, обещали "Дов Трейдинг Интернейшнл" беспоплатный ввоз товарной массы на сумму до десяти миллиардов долларов. Я утверждаю - это *фальшивка*!

В действительности я от руки написал на документе, что поручаю Лыскову создать рабочую группу, которая составила бы список всех регионов, где можно было бы продать импортные товары. И выбирали регионы, где положение самое тяжелое. В Коми, например, шахтеры получают по пятьсот граммов мяса в... месяц.

Если уж я создаю рабочую группу во главе с членом правительства, то, наверное, она не пропустила бы ничего, что могло быть истолковано как нарушение законов.

Но самое интересное было впереди. Сделка, которая состоялась через два дня, содержала уже *другие* условия...

- ?

- Об этом информировали меня уже позднее в парламентской комис-

сии. И я даже в них не вникаю. Повидимому, они и содержали 140 магических миллиардов.

- В таком случае, разве юридически Ваше письмо можно было использовать на любой стадии сделки?

- Нет. Условия, что содержались в письме, были нарушены. И юристы подтвердили это. Я не могу знать, кто их изменил, но повторяю - они были изменены.

Я знаю другое. В Швейцарии, действительно, есть фирмы, которые готовы поставить нам товары и продовольствие на нужную сумму. Они готовы к отправке. Оттуда пришел факс с протоколом о намерениях. Так что сделка может быть продолжена, несмотря на скандал. Это - реальный процесс.

Также возможно, что именно Колин Гиббнс, с которым я, кстати, ни разу не встречался и, естественно, избегал встреч, является посредником и в этой сделке. И связан со швейцарскими фирмами. Повторяю, не исключено.

- Но фигура человека, который, по данным гебистов, несколько раз переходил границу, связан с колумбийской мафией и разыскивается ИНТЕРПОлом...

- ...и оказывал услуги нашему военно-промышленному комплексу - есть и такие сведения, - вы правы, совершенно одиозна. Тогда нетрудно представить, чьи интересы он мог защищать.

Вот и вся разгадка.

- Значит, это - задуманная по соответствующему сценарию провокация спецслужб, и интуиция Вас не подвела с первой минуты? Занимаясь много лет журналистикой, я могу вспомнить, когда дела подобного рода, раздувшись от объема мыльного пузыря до воздушного шара, с треском лопались. Но и судьбы человеческие уносили с собой. Боже, какой убийственной силы общество мы построили! Вам не страшно, совсем-совсем?

- Дело всё в том, что наши грамотные программы стабилизации рынка, конверсии, возрождения села породили у народа вполне обоснованные надежды. А правительство оказалось парализованным. Противоречие между выданными обещаниями и невозможностью их выполнить с каждым днем нарастает. Можно, конечно, делать вид, что всё в порядке, сидеть и ждать... Но это не в моем характере. Бег на месте никогда не был моим любимым видом спорта.

Это вам ответ на вопрос, страшно ли мне.

Провокационный же сценарий мне представлялся наиболее вероятным, хотя, естественно, я не могу привести сегодня каких-либо доказательств в отношении английского подданного.

Зато насаждение агентуры в Белом доме - это факт. Инспирированная против меня кампания наглядно показала, что сейфы российского Совмина на гарантируют тайны. Прослеживается, просматривается и легко поступает на Старую площадь, а оттуда и в соответствующие

органы печати Старой площади вся наша переписка, и не только секретная, а, так сказать, рабочая, "исходная" документация.

Беззастенчиво передергивая и подтасовывая полученные сведения, партийная пресса и телевидение развернули настоящую травлю.

- Вы говорите о той самой фальшивке, что была "подана" глазами "архивиста" с "необходимым пояснением": "Из письма мистера Гиббинса российскому правительству и резолюция Фильшина" на страницах "Советской России" 7 февраля?

- Не только о ней. Но этот "уголок", на котором пишется обычное служебное поручение, был... сфотографирован. Разумеется, его вынули из сейфа для этого. Но главное - эта бумажка чудом сохранилась. И написана не мной, как сообщает об этом "Советская Россия", а заведующим рефертурой по внешнеэкономическим связям Векшеном - он признал свою подпись! - и по другому поводу, не имеющему никакого отношения к "сделке века".

Газета "овладела" и другой бумагой через канал, который легко прослеживается. На ней стоит моя виза: "Для сведения и осмысления". Но ни Ярошенко, ни Новиков, кому она адресована, не видели эту бумагу.

Кроме того, в различных документах очевидны подделки дат.

- Всё, что Вы сейчас рассказываете, не просто мерзопакостно. Говорят, каждый век имеет свое средневековье. Так выходит, наше средневековье не завершилось тридцать седьмым, а грядет по нарастающей? Вы можете себе представить, кто и когда занимается этим? Французы говорят, "предают свои"...

- Мы провели служебное расследование. Думаю, что провокация началась с осени. И я даже могу в нужный момент доказать, что действует не один человек, а разработана целая *система* слежки, в которую включены и подслушивающие устройства. И люди, предлагающие миллиарды, тоже ссылались на поддержку этих органов. Готов подтвердить свои слова при свидетелях, назвать имена и даты...

Есть и другие основания считать, что "сделка века" - не просто заранее спланированная акция спецслужб, но, и, к великому сожалению, возможно с участием подведомственных Совмину России организаций и отдельных работников.

...Вы знаете, я в какой-то степени фаталист. Всё, что произошло - должно было произойти. Впервые в истории страны правительство России выбрано демократическим путем, а не представляет номенклатуру партийного аппарата.

Цель этой акции еще и в дискредитации меня как специалиста и профессионала, человека не только известных взглядов, но и поступков.

Почему, вы думаете, поднят такой скандал вокруг никому не видимых миллиардов, той "шкуры неубитого медведя"? Так оголтело кинулась на него пресса? Я не говорю о "Советской России", которая

давно показала миру свое истинное лицо. Но ведь и в "Известиях" основные положения моей беседы с корреспондентом Жагелем "Мы должны позаботиться о России" - исключены. Я вынужден был поставить об этом в известность редакцию. А материал все равно был опубликован. Видите, что делают! Ничем не гнушаются.

Главное в скандале - ударить по инициативе, по российскому правительству, а заодно и по Ельцину. Известно, что "короля играет свита". Неважно, что подумают о них профессионалы и деловые люди Запада, с которыми мы только-только начали налаживать связи. Не пущать! Бить по рукам! Как же - посягнули на священную корову - уже проводят разграничения функций с центром. А там - не приведи, Господи - само решит распоряжаться продажей своих ресурсов на внешнем рынке - караул!

Наши союзные структуры и Горбачев, кажется, вообще утратили способность *предвидеть* результаты своих действий. Доведя вместе с правительством Рыжкова-Павлова страну буквально до голода и нищенства, они препятствуют тому, что Россия ищет выход.

И в очередной раз ей не позволили найти его, так же, как обманули и изъяли валютные бредства для импорта товаров первой необходимости.

Если и дальше будет так душиться любое действие, направленное на активизацию внешнеэкономических связей, - последствия для страны непредсказуемы. И скандалы, искусственно раздуваемые, не придадут западным партнерам готовности помочь нам.

Преследовалась цель и запугать российское правительство, заставить работать "с оглядкой". Показать, кто сегодня контролирует ситуацию в Совмине. И методы грязные. Хотя я вполне допускаю мысль, что и среди наших посреднических фирм и организаций есть люди, нечистые на руку.

- Насколько я знаю, Вы не из пугливых. Вспомнить хотя бы перипетии предвыборной борьбы в Иркутске. Уж что только не делала коммунистическая номенклатура, чтобы опорочить Вас...

- Я-то не из пугливых. И нервы крепкие. Мало того, дискредитация моего имени вряд ли выгодна тем, кто организовал эту кампанию. Огромными усилиями в сибирском регионе, который я представляю, произошла, может быть, на людских бедах и нищете, - консолидация сил. Делаются первые шаги к потребительскому рынку, к конверсии, внешнеэкономическим связям. Но кому-то не живется без конфронтации и уж сильно хочется подкинуть дров в тлеющий костер.

- С уходом демократов из союзного парламента на хозяйственную работу там образовалась явная брешь. Всё реже слышен голос тех, кто говорил правду...

- Зато всё настойчивее те, кто сам ведёт острейшую политическую борьбу, не гнушаясь фальшивками и провокациями. Это они стараются

убедить народ, что "сначала экономика, а политика - потом". А ведь яснее ясного - без политической борьбы экономические сдвиги в обществе невозможны.

- XX век называют веком России. Кажется, она не сказала еще своего слова. Как, по-Вашему, есть возможность пойти ей мирным путем саморазвития? Или произойдет непоправимое - силовое давление национального движения, какое мы наблюдаем в других республиках?

- Я не пророк. Хотя прогнозы мои неутешительные. Диктатура, которая стоит у дверей, вызовет на местах противостояние до уровня невиданного. Людям дали глоток *свободы*. Они не позволят отнять его. И возврат к прошлому невозможен при любом повороте событий.

Однако, последствия прибалтийской трагедии непредсказуемы. Либо укреплится *реакция*, возникнет странный и противоестественный *симбиоз*, и это будет трагедией для общества. Либо - дана *передышка* республикам. В том числе России.

Как и помощь Запада, передышка нам нужна еще и для того, чтобы не пытаться заставлять работать предприятия по старой схеме, по указке. Это мы уже "проходили". И делить нечего. Всё разделили. И бюджеты все отдали. Просить не у кого.

Худо-бедно, а мы все-таки меняем в республике экономическую среду, которая уже давно не вписывалась в цивилизованный мир. Сделаны первые шаги - делегированы права регионам. Они начинают понимать, что выше их интересов у правительства интересов нет. И брать на себя ответственность. Появились первые ростки самоуправления. Начался процесс акционирования крупных предприятий.

И если Судьба даст России какое-то время продержаться, мы реализовали бы программу потребительского рынка и возрождения городов, а с помощью той акции, о которой я рассказывал, терпеливо довели бы ведущие экономические структуры до дееспособности.

Напор реакции надо выдержать, несмотря ни на что. А Россия выбрала свой путь бесповоротно.

13 февраля.

Сижу, не поднимая головы, за письменным столом. Движет надежда - на что? Или точнее, почти детская вера в разумность мира.

Вспоминаю, Геннадий Иннокентьевич рассказывал недавно о своих корнях. Он - из лихой казацкой вольницы, наложившей, несомненно, отпечаток и на характер, и на судьбу.

...В прошлом веке молодой кубанский казак Иван Фильшин с отрядом таких же служивых людей, как и он

сам, прибыл на юг Читинской области в станицу Акша. Надо сказать, с одной целью - "живота не пожалеть для защиты границ отечества". Там и женился. На красавице-монголке. С них и ведет отсчет забайкальский род Фильшиных.

И дед Алексей Иванович был казаком, и отец Иннокентий Алексеевич унаследовал от родителей не только смуглость материнской кожи, темный цвет глаз и волос, но и "фамильную" профессию мужчин рода. На памяти сына, возможно, дедовы брюки с лампасами и "задиристая" кубанка, в которой отец гарцевал на коне.

И мама Анастасия Ильинична из казацкого рода Железняковых.

Вообще, их род известен в истории. Во время гражданской войны Фильшины, составлявшие большую часть жителей Акши, оказались по разные стороны баррикад. Одни служили в Красной армии, другие - перешли на сторону белых, а в Чите до сих пор стоит памятник командиру партизанского отряда Георгию Фильшину.

...Родился Геннадий Иннокентьевич в Забайкалье, в станице Малита. Это неподалеку от Акши. Репрессии тридцатых годов еще в самом их начале докатились от центра страны до забайкальской станицы.

Арестовали отца. Единственное обвинение против него - принадлежность к офицерскому сословию - и то оказалось ложным. Отец был простым казаком, но многое знал, умел, тянулся к грамоте.

Вскоре был выпущен, видимо, из-за малых детей в семье. Но ему запретили не только учиться на родине, но и работать. Так они оказались в Иркутске...

...Уже к вечеру звоню Фильшину в кабинет узнать новости. Слышу:

- Работаешь?

- Работаю.

- Правильно делаешь. Но будь готова...

Я так и не спросила ни о чем больше, а вечером программа "Время" сообщила о его отставке.

14 февраля.

Под заголовком "Продолжается «отстрел» правительства. Явлинский, Фильшин... Кто еще на мушке?" "Российская газета", которая старается по возможности объективно освещать события, публикует "Заявление заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Г. И. Фильшина об отставке":

"Председателю Совета
министров РСФСР
И. С. Силаеву

Уважаемый Иван Степанович!

Антиправительственная политическая кампания, развернутая определенными силами вокруг моего имени, еще раз убеждает меня, что планомерно осуществляется заранее разработанный сценарий по дискредитации не только отдельных членов Совета Министров РСФСР, но и в целом программ и действий российского руководства в области стабилизации экономики.

В это неблагоприятное дело, по всей вероятности, включены специальные службы, часть работников аппарата. Вся моя служебная переписка отслеживается, передается по отлаженным десятилетиями каналам и преднамеренно искажается в подконтрольной центральным органам прессе.

Сегодня я уже не имею возможности полноценно выполнять свои служебные обязанности, затрачивая много времени на разъяснение очевидных истин, на дезавуирование беспочвенных, грубых нападок.

В такой обстановке не вижу другого способа выразить протест против, как стало теперь очевидным, антидемократической провокационной кампании, кроме как подать заявление о моей отставке. Этим поступком я хочу привлечь внимание общественности к тревожным событиям, происходящим в стране.

Прошу принять отставку.

Г. И. Фильшин

...Продолжаю внимательно следить за работой российского парламента. Сегодня в повестке пленарного заседания сессии значилось сообщение "по проверке фактов сделки российских организаций с иностранными фирмами", то есть тех "фактов", которые называют "делом Фильшина".

Однако председатель парламентской комиссии Александр Починок заявил, что "по ряду чисто технических

причин, - и он подчеркнул это, - отсутствие стенограммы, позднее представление ряда документов и т. д., - комиссия не готова к сообщению, хотя мнение ее по этому поводу сформировано”.

Решено перенести ”дело Фильшина” на следующее заседание.

15 февраля.

К девяти часам утра еду в Белый дом. Вчера по телефону Александр Починок клятвенно обещал выдать мне на руки ”заключение по делу о 140 миллиардах”. ”Огонек” всё еще ждет, чтобы ”решить с публикацией”. Надо же Фильшину, в конце концов, защитить свою честь, несмотря на отставку! Многие факты скрыты от общества и лежат ”за семью печатями”.

По иронии судьбы, народный депутат России Починок - конкурент в предвыборной борьбе того самого президента межотраслевой ассоциации ”Возрождение Уральской деревни” Свиридова, имя которого фигурирует в ”деле”. Об этом я узнаю случайно от жены Починка, которая вместе с ним работает над ”заключением”. Кажется, она тоже экономист, но какое отношение имеет к парламентской комиссии? Непонятно. Поистине, ”пути Господни неисповедимы”...

В кабинете его нет. Слышу, как секретарша говорит кому-то в телефонную трубку: ”Сегодня Саша не спал всю ночь”. Напротив по коридору - просторная приемная. За столом, уронив голову на руки, - Починок. В противоположном углу, тоже за столом, не известный мне мужчина. Сидят молча и почти не шевелясь.

Первая реакция Починка на мое появление:

- Заключение еще не готово.
- Буду ждать.
- Долго придется это делать.
- Сколько придется.

Мы выходим с ним в коридор, и он плотно прикрывает за нами дверь. Останавливается. Я тоже. Почти шепотом:

- Документ правее с каждым часом. Через несколько дней ожидается свержение российского правительства...

Именно так. Слово в слово. Доходит ли до меня сразу смысл сказанного? Кажется, нет. И вообще, чего ради такие откровения? Может, разыгрывает?

Поднимаю глаза и вижу воспаленные от бессонницы, покрасневшие его глаза, смотрящие даже не на меня, а куда-то сквозь, тонкую, как у цыпленка, шею, смешные, совсем по-детски оттопыренные уши. Передо мной стоит не председатель парламентской комиссии по делу, которое нашумело на весь мир, а мальчишка с полными ужаса глазами.

Он так и произносит это полузабытое с далеких времен октябрьского переворота, знакомое нам лишь по истории слово "свержение". Только в другом сочетании. Тогда это звучало как "свержение Временного правительства", сейчас - "российского". И, глядя на него, я начинаю понимать, что не шутит.

Комната, куда он приводит меня и тут же исчезает, завалена бумагами в полном смысле слова. Они всюду - на столах, под столами, на окне, с текстом и без. Компьютер. Машинка. На стенках провода. Стаканы с недопитым остывшим чаем. Здесь ночью работала комиссия по "делу Фильшина".

Сажусь на стул, стоящий у стенки, поодаль от столов и бумаг. И так сижу пять, десять, двадцать минут, не шелохнувшись. Может, западня? Тишина и никого. Тишина давящая и настороженная. А рука тянется к телефонной трубке. Кабинет Фильшина в другом "отсеке" Белого дома. Но линия - прямая. Набираю номер и передаю Геннадия Иннокентьевичу слова Починка. Он чувствует мое состояние:

- Ничего не бойся.

А я и не боюсь. Ну, может быть, чуть-чуть, самую чуточку. Только жуть как неприятно - и почему такая тишина и разбросанные документы? Особенно почему-то мне не нравятся провода. Обычно они вмонтированы в стенку, а тут на виду.

Десять, одиннадцать, двенадцать часов. Не притрагиваюсь даже к газете, что лежит с края стола. Неожиданно в комнату вбегает мужчина, полноватый такой и белесый, в сером костюме. Кажется, член комиссии, как поняла, она еще заседает где-то рядом. Но не спрашивать же, кто?

На мой вопрос, скоро ли будет готово "заключение", охотно отвечает:

- Еще до половины не дошли. "Фильшингейт" расследуем.

Не скрываю своего удивления - на 16.00 назначено закрытое заседание Верховного Совета, где и должна быть, наконец, заслушана информация комиссии.

- А мы всю ночь работали, - откровенничает он, роясь в бумагах. - Переделывали "заключение".

- Почему?

- Разные, знаете ли, мнения.

И исчезает так же внезапно, как появился. Ну и стервец!

Только в 15.30 в комнату заходит Починок и, не говоря ни единого слова, молча, почти на ходу "отлистывает" мне в руки пятнадцать страниц "заключения по делу..."

Через минуту я уже мчусь по лабиринтам Белого дома. Нескоро я позабуду эту дорогу. Длинные, нескончаемые коридоры с неожиданными тупиками и поворотами, ведущими, кажется, в никуда. Блуждаю, снова вхожу на ту же лестницу, по которой только что поднималась, и снова тупик.

Наконец - столик охраны. Милиционер сидит у зажженной лампы, несмотря на дневной свет, Спрашиваю, где кабинет вице-премьера.

- Фильшина уже нет. - Он косится на меня настороженно и добавляет почему-то:

- И дорога эта к Храму не ведет.

Я показываю ему мысленно язык, выскакиваю в соседний коридор, сбегая вниз по лестнице. Наконец, широкие стеклянные двери знакомой мне приемной. Передаю Геннадия Иннокентьевичу в руки документ за десять минут до "закрытого парламентского слушания"...

...На улице падает мокрый февральский снег и кружит, кружит с криком и гвалтом воронье над крышей Белого дома. Стою, мерзну на автобусной остановке напротив, а на память приходят слова молитвы:

"Боже, осени добрым и светлым разумом наших пастырей, а народ - мужеством и терпением, положи конец смуте и всеобщему умопомрачению, даруй всем правду истинную и бескорыстие непритворное, отврати позор от России..."

Но "места нам нет в ошалевшей от боли России и Господь не услышит - зови-не зови".

21 февраля.

Борис Ельцин в своем выступлении по телевидению потребовал отставки Президента Горбачева.

А сегодня Ельцин завершил двухдневную поездку в Ярославскую область. После выступления в зале Дворца моторостроителей, он отвечал на записки из зала. Одна из них прозвучала так:

"Комментируя на днях по телевидению «дело о 140 миллиардах», Вы назвали это "крюкотворством" Крюкова и попутно признали вину Фильшина. Не лучше ли с Вашей стороны привлечь виновных к ответственности, чем занимать туманную позицию?"

- Моя позиция не туманная, а совершенно четкая, - ответил Ельцин. - Сделка эта не состоялась. Ее прервали. Но то, что Фильшин в этом виновен, это факт. Он подписал первый документ - гарантию правительства, разрешение на заключение такой сделки с несуществующей фирмой. А потому никто вины с Фильшина не снимает. Он сам это почувствовал и подал в отставку".

И еще один вопрос из зала:

"Не кажется ли Вам, что с целью стабилизации обстановки в стране в отставку должен уйти не только Президент Горбачев, но и Вы?"

- Такой вариант возможен, - ответил Ельцин.

...Тридцать дней февраля на этом закончились. Впереди страну и всех нас ждали другие события - одно значительнее другого.

Но тогда, "в феврале, покровитель Козерога Сатурн,

после двух лет пребывания с вами, - покинет вас". Такой прогноз английский астролог Джонатан Кейнер опубликовал в лондонском журнале "Вумен". Фильшин родился в "ночь под Рождество" - 7 января, по гороскопу он - Козерог.

Забавная деталь, не правда ли? Вот и не верь после этого звездам на небе!

Послесловие

...Сначала небольшой "штрих" из уст очевидца "первого дня февраля". Недаром говорят - "истина - в подробностях".

Рассказывает бывший начальник Главного управления таможенного контроля при Совете министров СССР Виталий Константинович Бояров:

"В один из январских дней зимы девяносто первого года в подмосковный санаторий "Сосны", где я отдыхал, совершенно неожиданно приехали мои заместители Позбенко и Гурьянов и с ними начальник управления Гутин и сообщили следующее.

В Шереметьево-2 перед вылетом лондонского рейса в таможене появились гебисты. Указав на одного из пассажиров, они велели произвести досмотр его багажа и изъять все имеющиеся у него документы. А после законченной операции потребовали от таможенного управления бумагу, где дело изображалось бы так, будто документы обнаружены у пассажира совершенно *случайно*, при обычном таможенном досмотре.

- Без Вас я ничего подписывать не стал, - сказал мне Позбенко. - Никаких документов в глаза не видел. Спросил у начальника таможни, он тоже ничего не знает.

Только он это произнес, как в нашем номере раздался телефонный звонок. Снимаю трубку. На проводе генерал-лейтенант Прилуков, заместитель Крюкова и начальник Главного управления КГБ по Москве и Московской области. Голос радостный, веселый:

- Поздравляю, Виталий Константинович, - таможня сделала огромное дело.

- Не понимаю, какое дело?

- Ну, как же, как же! Товарищ Крюков уже и товарищу Павлову доложил, что таможенники проявили бдительность, обнаружили у иностранца ценные документы.

- Да нет, вы нас напрасно хвалите, никаких документов мы не обнаруживали, а потому ничего подписывать не будем.

Пауза.

- Так мне и доложить товарищу Крючкову?

- Так и доложите.

Через десять минут снова звонок. Опять Прилуков:

- Владимир Александрович просил передать, что он не понимает вашей позиции. Но если у вас такие отношения с... российским руководством, что вы не можете подписать бумаги, то и не надо, мы справимся сами".

И справились. Но, подбросив в общество очередной «захватывающий сюжет», «дело Фильшина», по истечении срока для дискредитации коммерческого проекта, спустили на тормозах. Однако и сами себя "высекли". Даже такой опытный следователь, как Калининченко, пользовавшийся до этого известностью профессионала, не замешанного в политические игры, допустил, кажется, самый большой в своей жизни промах, заявив, что не может дать правовой оценки расследуемым обстоятельствам. А ведь это является элементарным условием для возбуждения уголовного дела!

В экономическом преступлении так никто уличен и не был. Но цель была достигнута. Потерпела поражение не просто одна из противоборствующих политических команд - суть не в этом.

Россия неумолимо двигалась к пропасти. Власти забили тревогу - денежная эмиссия грозила достигнуть к концу года 150 миллиардов. Кажется, впервые признались, что солидарны с прогнозом аналитиков ЦРУ - "экономическое положение Союза в этом году будет значительно худшим, чем в прошлом".

Наш "замороженный" рубль напоминал... Снегурочку - его старались истратить, не внося в дом. Впору было считать спасителем любого, кто смог бы куда-нибудь пристроить наши обесценивающиеся заработки, и задавать себе классический вопрос: "а был ли мальчик?"

Фильшин оказался в очередной раз прав. И правоту его прогнозов, когда я перечитываю заново сегодня страницы дневника, блестяще доказало Время. Мы пришли туда - куда стремились.

...После августовского путча пресса зашумела о рассекречивании архивов Старой площади.

Прошла зима и мартовским днем, заручившись письмом-просьбой на имя Председателя Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации Пихоя - "ознакомить с документами по «делу о 140 миллиардах», - подписанным нынешним редактором журнала "Огонек", с сердечным трепетом, полная надежд я переступила порог "святая Святых".

За порогом читального зала, куда вошла в сопровождении сотрудника, меня встретила милая приветливая женщина и, выслушав мою просьбу, вежливо и спокойно сказала, что на основании указа Бориса Ельцина от 14 января сего года "О защите государственных секретов" закрыты все материалы ЦК КПСС, начиная с 1981 года. А с теми, что "проходили" с 1961, желающие могут ознакомиться лишь по описи, то есть посмотреть повестку дня. Вся деятельность международного отдела, все документы КГБ и ГРУ, вся внешняя политика КПСС с 1961 по 1981 - сплошная тайна...

- А "дело Фильшина" еще вообще "тепленькое" и находится там, где родилось... в Комитете госбезопасности или как его теперь называть?

Но вы не огорчайтесь. В соседнем с нами здании сейчас работает комиссия российской прокуратуры - только им всё дозволено. Попробуйте счастья. Свяжитесь с ними. Желаю успеха, - и она вполне доброжелательно и сочувственно улыбнулась мне.

Как бы ни назывался сегодня Комитет госбезопасности, но нигде в мире нет подобного образования.

Понимаю, после того, как стали доступнее российские архивы, в Европе разразилось несколько скандалов, связанных с обнародованием ранее неизвестных исторических фактов. Правительству не понравился весь этот шум, и решили ужесточить доступ к архивным документам. Словом, взялись за старое.

Правда, не для всех. Каким, например, ключом английский журналист Тим Себастиан, бывший корреспондент

Би-Би-Си в Москве, отомкнул сейфы "со ста папками бежевого цвета, охватывающими период с 1979 по 1986 годы" и "обслужен", по его собственному признанию, "по высшему разряду" там, где простого журналиста пускают только "на порог"?

О том, что данные из текущего архива нашей дипломатии "уплыли за границу", сообщали газеты. Как тут не вспомнить протоколы допросов арестованных членов ГКЧП, попавшие в ФРГ. Дело "Шпигеля" до сих пор не раскрыто.

Правда, кое-что мне удалось узнать и это "кое-что" не последнее в "фильшинском деле".

...В Чехословакии опубликованы документы, рассказывающие о попытке страны присоединиться к "плану Маршалла" восстановления послевоенной Европы. Сталин в ультимативной форме потребовал от Чехословакии отказаться от "плана Маршалла", решив, что осуществление этого плана воспрепятствует распространению советской модели социализма в странах Восточной Европы. Перед Прагой был зажжен красный свет.

Архивные документы позволяют увидеть и механизм формирования позиции Кремля в те годы, сравнить с днем сегодняшним, что тоже немаловажно. Обнаружена записка академика В. М. Варги Молотову, в которой ученый писал, что для современного капитализма, американского в том числе, характерны кризисы перепроизводства, и если СССР будет открыт для "плана Маршалла", то американская экономика получит новый рынок и "оттянет" таким образом наступление кризиса у себя дома, что, разумеется, замедлит загнивание и кризис капитализма. На письме академика резолюция Молотова: "Очень важно - разослать всем членам Политбюро". А еще у кого-то возникают в наши дни сомнения - вмешивался ли партия в экономику?

Фильшин прав - в поисках "самобытного, особого пути" мы топчемся в самом начале торной, избитой в пыль дороги, по которой до нас прошло чуть ли не полмира.

Все "чудеса" - шведское, японское, французское, бельгийское, не говоря уже о западно-германском не обходились без помощи со стороны. Ни одна реформа!

Но с нашей агрессивной психологией - вдруг ограбят, обманут, разденут до нитки, отнимут природные богатства? - если не изменимся, путь в мировой рынок для нас закрыт. Неужели неясно до сих пор, что "там" с нищими и дело не имеют.

Все прошедшие десятилетия "план Маршалла" у нас не называли иначе, как "пресловутый". А ему присуща удивительная объединяющая сила! Уже вскоре после исторической лекции государственного секретаря США генерала Маршалла перед студентами Гарвардского университета 5 июня 1947 года послевоенная Европа всего за 500 дней перешагнула довоенный уровень производства.

"Витая в воздухе", по выражению бывшего вице-премьера России, он получает свое неожиданное продолжение, когда еще не высохли чернила на отставке Фильшина...

Сообщение в прессе: "Григорий Явлинский, создавший в соавторстве с Шаталиным план 500-дневного блиц-скачка к капитализму в СССР, находится в Америке в связи с разработкой поддерживаемого США "плана Маршалла" для советского общества".

Правда, после "нобелевской речи" президента Горбачева, - а она по времени совпала с пребыванием в Гарвардском университете "команды" Явлинского, американский политолог Джеймс А. Дорн сказал, что

"...новая программа для СССР, получившая название «плана Маршалла», как помощь правительству, которое выдвигает тезис «больше социализма», не вылечит заболевания социалистических идей, от которых люди страдали более семидесяти лет. Причина расцвета Японии и Западной Германии в послевоенный период не в поддержке других государств. Это стало возможным в результате экономических и правовых реформ, которые освободили экономику от власти государства".

Уже после августовского путча посетивший нашу страну тогдашний министр экономики, финансов и бюджета, а позже премьер-министр Франции, Береговуа вы-

ступил с предложением разработать для нас программу по типу "плана Маршалла". Подобную помощь предлагал и министр иностранных дел Чехо-Словакии Иржи Динстбир, а совсем недавно ведущий экономист Всемирного банка Лоуренс Саммерс прямо заявил, что России "нужен «план Маршалла», а не парад «воздушных мостов»", имея в виду помощь Запада не тем, кто стоит с протянутой рукой, а тем, кто готов средства эти пустить в производство...

Мы и сами понимаем, что разрыв, который образовался между нами и цивилизованными странами столь велик, что порой кажется, что мы отстали навсегда. И участие Запада, его технических достижений, капитала в одной связке с нашим интеллектуальным потенциалом, могло бы стать условием для преодоления этого разрыва. Если еще не поздно, если еще не поздно...

Заканчиваю писать этот материал за три дня до открытия VII Съезда народных депутатов России.

На исходе первый этап посткоммунистического развития. Говорят, "поле после битвы принадлежит мароде-рам". Может быть, и обидно так говорить, но то, что российская власть, раздираемая внутренними противоречиями, сама превратилась во взрывоопасный фактор, ясно всем - не надо быть политиком. Как и другое - "гайдаровская либерализация" цен без производственной стратегии с самого начала была лишена смысла. Получилось, что до сих пор проводится большевистская политика "перераспределения", осуществляемая налогами, ценами и всем остальным. Без производственной программы цены обречены на катастрофический рост, а он приводит лишь к социальным конфликтам.

Где сейчас разработки Явлинского и его "команды", которая, как красиво было заявлено, "на новой исторической спирали обращает свой взор к методу, который помог тогда и может помочь сейчас"?

Или, действительно, политические интриги и дележ министерских портфелей в моей истерзанной России, на

территории которой уже льется кровь, преобладают над здравым рассудком? Очевидно одно - "гайдаровский прорыв" цели не достиг, а пропасть теперь между властью и народом только увеличилась: там - свои проблемы, своя жизнь "наверху", а у нас - свои. А важнейшая из проблем - где купить утром молоко для ребенка? Такая, знаете ли, проблема...

Что ждет нас? Если можно было бы заглянуть в будущее и пролистать календарь как бы назад. Но это еще никому не удавалось.

...Имя Фильшина сошло с политической арены, как и предсказывали злопыхатели. Скоро год, как он в ссылке, правда почетной - в Австрии. Работает там в российском торгпредстве.

Несколько дней назад в "Новостях" промелькнуло сообщение, что в Иркутске австрийцы строят для сибиряков дома по своему методу. И даже показали в кадре наш родной город и кварталы новых домов.

Опять "дело Фильшина"? Если это так, то помоги ему, Бог! А я за него молиться стану, чтоб "он вернулся..."

Москва. Россия

27 ноября 1992 г.

Валерий СЕНДЕРОВ

От тоталитаризма к лжесимфонии

Когда народ освобождается от мучительного долгого плена, воспоминания о духовном прошлом важней, чем в любой иной период его истории. Течет она незамутненно и ровно, в Богом отведенных незыблемых берегах - и хранится память о былом в ткани религиозно-культурного организма, не особо нуждаясь в рациональных выявлениях и формулировках. Вот поток скован небывалыми морозами, вечным, кажется, слоем льда - и тогда в подводных, подземных глубинах сберегает народ душу и совесть, самую сердцевину своего естества. Но взломан лед - затаенное в катакомбах выходит на поверхность, жизнь возобновляется в прежних своих формах - как вечных, так и преходящих, - которые, собственно, и есть история. Небывалое "проклятие памяти" (весьма бледное его подобие потрясло Древний Рим) висит над страной - не новой ли грозовой тучей? Одни реалии прошлого неотделимы от самого бытия веры и культуры, другие были извращением этого бытия и подготовили катастрофу. Как опустошенному, пробуждающемуся от невыразимых кошмаров обществу найти категории различения?

Двух месяцев не прошло после августовских событий, а споры о роли Церкви успели уже основательно ожесточиться. Левые демократы предупреждают "об опасностях воскрешения царистских символов", консервативная, национально мыслящая интеллигенция говорит о совместности свободы совести и участия Церкви в жизни общест-

ва. Эти дискуссии вызывают поначалу чувство недоумения. Обвинения в шовинизме, бичующие изможденный физически и едва воскресающий духовно народ, понятны хотя бы на формально-логическом уровне. Однако даже на нем трудно объяснить тревогу и недоверие к религии - в самом деле, кого, кроме "добровольцев", могут затронуть в наше время религиозные вопросы? Но и опасения оппонентов не до конца понятны: надо ли отстаивать в нетоталитарном обществе право Церкви быть одной из общественных организаций?

Ясно, что участникам обсуждений видится БОЛЬШЕЕ, о чем они дискутируют на сегодняшнем ценностном и языковом уровне. Не внешние формы государственной религии (столь же невозродимой, как самодержавие прошлых веков): страх и надежду возбуждают сокровенные, органические связи Церкви - общества - государства.

В публицистике вековой давности мы не без интереса обнаружим те же темы. Но в то время диалогообразные монологи прогрессистов и охранителей были проекцией на газетную плоскость идей иной размерности: проблем византизма, в особенности, главной из них - идеи симфонии Церкви и государства.

Здесь нас снова поджидают любопытные психологические феномены, - но не серьезные попытки решения или хотя бы постановки задач. Великого "византийца" Константина Леонтьева демонстративно замолчали. Причины были как идеологические: нежелание даже и обсуждать "изуверское" аскетическое христианство, так и более простые: отсутствие аргументов. "Самодержавие вместе с православием получила Россия от Византии... на востоке государство претворяло в себя, поглощало Церковь, римский кесарь делался христианским первосвященником, главою церкви, «крайним судиею дел церковных», по выражению Петра Великого в Духовном Регламенте Св. Синода". Так написал Д. Мережковский, один из образованнейших людей своего круга. Отметим лишь грубые фактические ошибки этого небольшого пассажа.

1. "САМОДЕРЖЕЦ входит в титул одновременно с ЦАРЕМ, а этот последний термин был зна́ком того, что московский государь уже не признавал себя данником татарского хана... Значит, словом САМОДЕРЖЕЦ характеризовали не внутренние политические отношения, а внешнее положение московского государя: под ним понимали правителя, не зависящего от посторонней, чуждой власти, самостоятельного; самодержцу противопоставляли то, что мы называли бы вассалом, а не то, что на современном политическом языке носит название конституционного государя" (В. О. Ключевский).

2. После принятия Константином Великим христианства Церковь долго решала: принять ли императора в свое лоно простым мирянином или оказать ему какой-либо почет. В итоге василевс удостоился места, соответствующего приблизительно современному диакону. Это не отвечало, разумеется, подлинному авторитету императора в церковных делах. Но не нужно забывать о значении символики как в Церкви вообще, так и в повседневной жизни людей того времени. Подобное "унижение" императорского достоинства перед Святым Алтарем отражало, несомненно, весьма важные грани реальных взаимоотношений Церкви и государства. Подлинное значение Царя в Церкви было очень различно в различные периоды истории православных царств (этот вопрос мы разберем ниже). Но "первосвященником, главою церкви" византийский император не был никогда - ни юридически, ни фактически.

3. "Крайними судиями дел церковных" русские государи стали именно тогда, когда с византизмом на Руси было покончено. Д. Мережковский почти прав, относя этот период к царствованию Петра I. Если же быть совсем точным: печально знаменитая формула почти дословно списана с "Уложения", составленного уже при Алексее Михайловиче.

Мы подробно остановились на разборе одной (всего лишь одной!) цитаты из Мережковского. Разбирать концепции, базирующиеся на таком обилии грубых ошибок,

разумеется, нет нужды. Вторая названная нами причина антивизантизма тесно смыкается с первой: чего ее и знать-то, эту жалкую страну! Написал же Чаадаев, что приобщение к византийской культуре изолировало Древнюю Русь от "великих семейств рода человеческого". И всё это при том, что "в X веке Византия была, строго говоря, единственной страной подлинно культурной во всем «европейском» мире. Да и много позже Византия остается живым культурным очагом, творческое напряжение не падает, и в самый канун политического распада и крушения Византийская культура и религиозность переживают новый подъем, отблеск которого ложится и на всё итальянское Возрождение" (о. Г. Флоровский).

Перед нами отнюдь не столкновение мнений авторитетов: позиция о. Г. Флоровского сегодня, после работ С. С. Аверинцева, Г. М. Прохорова и многих других вряд ли хоть кем-то будет оспариваться. Но ясно (приведенные выше примеры крайне легко умножить), что и век назад воинствующий антивизантизм объяснялся вовсе не недостатком данных.

Для того чтобы понять, хоть в самых общих чертах, суть византийской симфонии, придется обратиться к первоисточникам. Это необходимо не только для осмысления современных судеб России. "Православная церковь сама не знает, что творит, когда называет наследников римского Зверя «Помазанниками Божиими»". Вряд ли подобная "западническая" оценка Православия просвещеннее, чем рассуждения о "католическом жидо-масонстве". О каком же диалоге между Церквями, жизненно необходимым в сегодняшнем мире, может при таких условиях идти речь?

Концепция симфонии Церкви и государства была создана императором Юстинианом. "Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть СВЯЩЕНСТВО и ЦАРСТВО, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится

о человеческих делах, А ОБА, ИСХОДЯ ИЗ ОДНОГО И ТО-ГО ЖЕ ИСТОЧНИКА, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода. Поэтому мы прилагаем величайшее старание к охранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем" (Новелла VI императора Юстиниана).

При нем же, в 530 году, был издан закон, по которому церковные каноны должны иметь такую же силу, как и императорские законы, и что они (каноны) запрещают, то должны запрещать и законы императорские. Три века спустя, между 879-м и 886-м г., была издана эпаногога императорских законов. "Император есть законное начальство, благо всех подданных, которых награждает и наказывает без пристрастия. Его задача - делать добро. Он должен приводить в действие все предписания Св. писания, постановления семи Вселенских соборов и гражданские законы. В православии, именно в правом веровании во Святую Троицу и в ревности по вере, император должен отличаться перед всеми. В издании законов он должен обращать внимание на существующие обычаи, но никакой обычай, противоречащий канонам, не должен иметь значения. Патриарх есть живой образ Христа, обязанный и словом и делом представлять истину. Его призвание состоит в заботе о спасении душ тех, которые ему вверены. Ему принадлежит право учительства и безбоязненная защита истины и веры пред императором. Император и патриарх, МИРСКАЯ ВЛАСТЬ И СВЯЩЕНСТВО, ОТНОСЯТСЯ МЕЖДУ СОБОЮ, КАК ТЕЛО И ДУША, НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК ТЕ-

ЛО И ДУША В ЖИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ. В СВЯЗИ И СОГЛАСИИ ИХ СОСТОИТ БЛАГОДЕНСТВИЕ ГОСУДАРСТВА”.

Вряд ли стоит уточнять, что такое понятие государства не было византийским “изобретением”, оно основывалось на священных текстах (блаж. Августин, Василий Великий, Иоанн Златоуст), но прежде всего - на библейских (Дан. 4, 14; 5, 21; Прит. Солом. 8, 15-16; Прем. Солом. 6, 1; 6, 3; Сир. 17, 14-15; Иоан. 19, 10-11; Рим. 13, 1-5; 1 Пет. 2, 13-15).

Объем работы не позволяет нам подробно проследить сложные исторические пути симфонии. Напомним, однако, момент, нимало не потерявший актуальности и сегодня. При безусловном, как мы видели выше, приоритете церковных законов над государственными теократическим царством Византия не стала. Церковь решительно заботилась о том, чтобы не терять своего духовного характера. “Епископ, или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений; иначе да будет низвержен из священного чина”. Так гласит апостольский 6-й Канон. “Сказали мы, что не подобает епископу, или пресвитеру вмешиваться в народное управление, но неопустительно быть при делах церковных. Итак, или да будет убежден этого не делать, или да будет извержен. Ибо **НИКТОЖЕ МОЖЕТ ДВУМ ГОСПОДАМ РАБОТАТИ**” по Господней заповеди”, - вторит ему Канон 81-й.

Приписывание “разделения властей” одному лишь западному миру - не более чем укоренившееся историческое клише. И однако... В этом вопросе, как и во многих других, Церкви пошли очень разными путями. База будущего разделения была заложена уже в первые века: равночтимых (догматически) Святых Отцов часто нетрудно разграничить на “католических” и “православных”.

Причины этого следует искать в ДОХРИСТИАНСКОЙ истории. Народы приняли учение Спасителя в полноте свободной воли, каждый из них ставил свои, особые алтари грядущему Неведомому Богу. “Что общего между Афинами и Римом!” - да не обидится на нас тень Тер-

туллиана за перефразировку его знаменитого восклицания. Навсегда, наверное, пребудет "Эдда" величайшим памятником неутолимой мистической тоски по бесконечности. Но не эта же ли тоска бросала римские легионы на покорение неведомых окраин вселенной? Некоторые из завоеваний были абсурдны с точки зрения интересов государства, они ничего не дали ему, кроме удачливых претендентов на цезарскую роль - прославленных военными подвигами, но мало способных эту роль играть. Что и подготовило, в конечном счете, гибель Империи. Но не ее прагматически понимаемые задачи и цели - само Государство было "интересом", предметом поклонения и веры. Высшим же критерием веры, как известно, именно и является ее абсурдность... Христианство облагородило и преобразовало типические душевные черты обратившихся этносов-личностей - но, разумеется, не нивелировало их. И не та же ли душа много позже повелевала крестоносным ратям "идти туда, хоть слез не извести,/ Куда зовет за Господа тревога"? Поколение за поколением исчезало без видимого следа, обороняя от врагов Христа призрачные королевства и графства в сумеречной дали...

"Пространственная психология" греков была иной: обозримые крошечные полисы были идеалом, стремления к объединению хоть этих, максимально родственных образований жители не проявляли. Вычертите на карте маршруты воспетых эллинами славных морских походов: полное равнодушие к "техническим" достижениям более древних народов может поставить в тупик. Но в культуре, в искусстве того же Египта было творчески перенято поразительно многое...

Позднее Византия, будучи долго одним из мощнейших христианских государств, вела в основном приграничные войны...

Или еще пример: золото и стекло - основа новозаветной эстетики. Из этого органического двуединства душа Запада и душа Востока выбрали априори близкое им. Устремленные к Небу шпили готических соборов... Католиче-

ские храмы властно влекли к себе мир - но и воля к покорению мира была заложена в них. А на другом конце христианской ойкумены - непроницаемое золото византийских церквей, совершенство замкнутого духовного "полиса". Окружающего для него не существует, реально лишь пребывающее внутри, в Свете. Потому и уйти из него в мир нельзя: лишь в келью, в исихию. Такой храм влечет в иные дали: в Иисусову молитву, в бесконечность духовных глубин...

С сожалением обрывая цепочку примеров, перейдем к выводам. Христианская истина универсальна, и именно поэтому полнота ее недоступна - ни одной конкретной личности, ни одному конкретному народу. Основным орудием познания является вера, люди классического Средневековья понимали, что лишь она может приблизить к постижению полноты Истины. Открыты были и иные пути: что, как не монастыри, было прибежищем культуры и наук? Но эти пути несовершенны, земные тропы народов определяются многими земными же факторами, в частности, - пражристианской историей их.

Две величайшие христианские идеи: Богоравность каждой человеческой души и соборность вселенной, начальная и конечная гармония всего тварного и нетварного мира. Почему первая из этих идей стала основой бытия христианского Запада, вторая - Востока? Набросанная выше схема позволяет несколько приблизиться к ответу на этот серьезный вопрос.

Поклонение государству встречалось, разумеется, задолго до Рима. Но Рим стал ГОСУДАРСТВОМ ГРАЖДАН. Вспомним, как виртуозно использовал факт римского гражданства св. Павел. Когда читаешь об этом, представляется, что речь идет о современности, что две тысячи лет сжались до размеров двадцатилетия!

Иное Греция: кошмары Платона характерны не только как зловещая утопия. Изгнание "нежелательных" членов общины считалось естественным: полис хранил гармонию своей жизни от "сократовских" посягательств. Нравы были мягче римских, но "соборное" благо явно предпочиталось правам гражданина.

Пусть нам простят шокирующее употребление термина: мы хотим подчеркнуть исторические корни столь удивительных, в сущности, явлений, как соборность и симфония восточного Православия. В исторических оценках не должно быть места "ренессансоцентризму", высокомерным суждениям с позиций секуляризованного псевдохристианского гуманизма. Сколько отнюдь не безобидных эмоций вызвали, например, попытки "современного" прочтения Ветхого Завета!

К слову: именно расширение демократии стало одной из причин гибели Рима. Либерализация института гражданства наводнила город полноправными бездельниками, агрессивно не желавшими и слышать о каких-либо обязанностях перед империей, - и постигшие "владычицу мира" поражения от необученных варваров были, возможно, лучшей из мыслимых для нее судеб...

Мы не будем здесь полемизировать с распространенным мнением об унаследовании Византией римской ПОЛИТИЧЕСКОЙ идеологии. Действительно, "византийское содружество" простиралось до Новгорода и Литвы. Но созидалось оно не мечом, а крестом; главное же: мы говорим о глубинных, в основном религиозных и культурных проблемах. Культурную же преемственность "Второго Рима" от греков вряд ли кто-либо станет отрицать. Как всегда, об истине свидетельствует уже сам язык: говорят об "империи ромеев", "политике ромеев" - но о греческой вере, о греческой культуре!

Исторические пути симфонии были сложны. В эпоху иконоборчества она вовсе исчезла - чтобы по возвращении императоров к истине возродиться вновь. И в документах XIV века константинопольский Патриарх именуется "утвержденным всевышним Богом отцом всех христиан" - о церковном главенстве василевса и речи нет.

Но византийское тысячелетие клонилось к закату. Богословская концепция св. Григория Паламы утвердила учение о "теозисе" ("обожении") как основу для понимания предназначения человека. Открыв людям воз-

возможность земного видения Фаворского Света, православная империя завершила свою историческую судьбу. Господь был милостив к ней: не феллахство, а гибель от турецких мечей неуклонно приближалась к воротам Константинополя. Греки стоически готовились к смерти, об этом свидетельствуют вдохновенные гимны последних византийских веков. Но и в предгибельные годы кипела в стране напряженная жизнь. "Самый стабильный элемент Византийской империи" (так бесстрастный американский исследователь назвал Церковь) спасал драгоценнейшее достояние народа. Оплотом Православия предназначено было стать северной стране, получившей под пером греческих летописцев название "Россия"...

"Христианская церковь принесла на Русь новую идею: о религиозном учреждении, совершенно отдельном от государства, между тем как до этого здесь царило патриархальное сознание неразделимости всего национального и религиозного или смешение религии с политикой, причем родоначальники и князья считались в то же время и представителями народа пред богами". Так пишет известный христианский мыслитель и историк А. В. Карташев ("Очерки по истории русской церкви"). Он же отмечает и специфику отношений Церкви и государства на территории нового члена "византийского содружества".

В самой Византии епископы были в подведомых им кругах как бы высшими, поставленными от императора, контролерами над всеми действиями местной администрации и суда, уполномоченными препятствовать несправедливостям и обидам. На Руси этой "церковно-государственной" функции быть не могло: везде, где был епископ, был и сам князь или его посадник. Однако при византийском дворе иерархи были, в основном, блюстителями догматической чистоты Православия, в России же их функция была иной. До сколько-нибудь серьезных ересей было еще несколько веков. (Сведения о влиянии богомилства в основном гипотетичны и явно недостаточны. Во всяком случае, если бы это влияние было существенным, данные о борьбе

с ним византийцев должны были бы дойти и до нас из этой уже отнюдь не "бесписьменной" эпохи).

На Руси влияние Церкви на князей было в основном христианско-нравственным. Стоит вдуматься в хрестоматийный пример: в мучительные колебания святого Владимира, можно ли казнить разбойников, причем решающим авторитетом в подобных вопросах были епископы. Но князь Владимир обратился к князьям Церкви сам, следовательно, за любой ответ им ничего не грозило. История, однако, полна и других случаев. В 1075 году Святослав Черниговский выжил из Киева своего брата Изяслава и сел на великокняжеском престоле. Понимая неизбежное осуждение духовенством своего преступления, великий князь сразу принялся за дела благочестия: явился на торжество закладки Великой Печерской церкви, сам положил начало копанию рва, оставил богатый денежный дар, пожертвовал монастырю свое собственное село... Всё это не помогло: игумен Феодосий, не уставая, устно и письменно обличал князя за нарушение братолюбия и справедливости. В церкви продолжали поминать Изяслава: "законную власть". Возник конфликт, опасались ссылки преподобного Феодосия (обратим внимание: об угрозе иерею чего-либо сверх "дополнительной меры наказания" и речи не было). Но Святослав повел политику уступок: смиренно и с великой честью принимал Феодосия, объяснялся с ним, слагая вину на брата. Юридическая правота Изяслава была очевидной, речь шла о моральной стороне конфликта - приоритетность ее признавалась безоговорочно. Князь добился успеха: Феодосий решил поминать его - вторым после законного властелина. При этом не уставал уговаривать Святослава примириться с братом.

Разумеется, история и Византии, и России полна противоположных примеров: и иерархов, и мирских владык, и отношений между ними. Но будем реалистами: в нашем мире зло не требует глубоких и тонких объяснений. Когда, допустим, кто-либо всеми способами борется за власть, ответ на вопрос "почему?" тавтологичен: потому

что хочет власти. Обсуждение же нравственной допустимости смертной казни (за тысячу лет до воцарения "абстрактного гуманизма") или безусловная (хоть иногда!) духовно-моральная власть смиренных слуг Того, Кто никогда никакой земной власти не имел... Бессмысленно искать таким вещам объяснение в самых разработанных и изощренных современных историософских построениях. Суть совсем в ином: просто отблеск Царствия, которое не от мира сего, касается всё же иногда и нашего мира...

Мы привели примеры "интуитивной" симфонии: никакие эпанагоги князьям не понадобились, они обращались к авторитету Церкви, повинаясь голосу веры и совести. Но уже в XI веке распространившаяся на Руси болгарская письменность не заслоняла греческую. При Ярославе в Киеве (по некоторым данным, при Софийском соборе) работал целый кружок переводчиков с греческого, вводивших в духовный обиход страны, наряду с Писанием и святоотеческими творениями, исторические и мирские книги. Кормчая книга (перевод византийского Номоканона) содержала VI Новеллу Юстиниана, в ней, как мы видели, ясно изложены основные положения теории симфонии. Но нельзя сказать, что теоретические разработки и законы играли достаточную роль в жизни России. "Не по праву, а по правде Божией", - сколько раз говорено это о Руси, с разными интонациями: от восторга до насмешки. Увы - на одной лишь правде великие царства не стояли уже и в библейские времена...

К роковому 1453-му году Московская Русь и была уже - великим государством. Давно оно превосходило Византию в военном отношении, щедро поддерживало ее материально. Но князья продолжали именовать василевса "императором всех христиан". Разумеется, подчинение было номинальным; но титулы всегда были существенны для властителей: вряд ли есть в истории случаи, когда государи довольствовались ролью "серых кардиналов" - пусть фактически и всемогущих...

Но еще удивительнее были отношения московской митрополии с константинопольским патриархатом. Не-

обычайные успехи византийской церковной дипломатии пришлось именно на XIV-XV века - века окончательного упадка "империи ромеев". Трудно переоценить роль, которую сыграла эта дипломатия в деле объединения московских княжеств: наследным центром Православия должна была стать великая страна! Историки часто объясняют эти успехи опытностью и искусством византийцев. Думается, эта причина не главная: скрыть катастрофическое ослабление "Второго Рима" не смог бы ни один талейран - скажем, болгарская и сербская церкви, пожелавшие самостоятельности, быстро и без особых потрясений ее обрели. Быть может, нам сегодня трудно и представить роль, которую играли духовные факторы даже и в политической жизни людей тех времен. Москва не только не добивалась, чтобы византийцы выполнили обещание, данное Патриархом Нилом в 1380 году: ставить митрополитов только по представлению Великой Руси, но и безропотно мирилась с отвержением представленных ею кандидатур.

После изгнания подписавшего в 1439 году Флорентийскую унию митрополита Киевского и всея Руси Исидора великий князь Василий Васильевич обратился к восточным иерархам за разрешением выбрать нового митрополита. Семь лет ждал он ответа, прежде чем решиться на избрание митрополита Ионы без благословления византийского патриархата. Но документы 1451 года отчетливо показывают, что и в это время окончательно порывать с Царьградом (так благоговейно называли русские столицу Восточной Римской империи) Москва не считала необходимым.

Прошло еще два года... Константинополь пал, "византийское содружество" перестало существовать - даже и чисто формально. Московская Русь осознала себя - в полном соответствии с заветами "Второго Рима" - его законным наследником.

Такова предыстория "Третьего Рима" - само название которого давно стало штампованной бранью в творениях

левых публицистов, многотрудная прогрессивная деятельность которых не оставляет им времени для пролистывания общедоступных книг.

Какой была дальнейшая судьба симфонии - уже на почве Московского царства? Несложно вспомнить о множестве кротких, богобоязненных государей, подобных Владимиру, Святославу... Примеры эти выразительно рисуют картину русской жизни, но не являются столь доказательными, как может показаться. Ведь не в периоды мира и покоя - лишь в грозных испытаниях проверяются органичность и прочность общественных структур.

Рассмотрим поэтому самый мрачный период русского средневековья - царствование Ивана IV. Жесточайший тиран по Личным качествам, Иван по чертам Типическим, Глубинным не стал в ряду русских государей "прерывной точкой": сделаться Принципиально новым "звеном", с которого, собственно, начинается уже иная "цепочка", предстояло Петру.

Одно из страшнейших преступлений царя - заточение, а затем убийство митрополита Филиппа (Колычева). Но до этого Иван, казнивший бояр за померещившийся косой взгляд, сносил обличения бесстрашного святителя. Уже в тяжком заключении Филипп мог спасти жизнь (а, быть может, и обрести царскую "милость"), благословив поход царя на Новгород. Отказавшись сделать это, он был удушен Малютой Скуратовым.

Два века спустя Екатерина Вторая без колебаний заключила в Карельский Никольский монастырь не примирившегося с очередными гонениями на Церковь ростовского митрополита Арсения (Мацеевича). Убивать его гуманная императрица не стала, а подсылать к архиерею Шешковского, чтобы узнать его мнение о каких-либо своих деяниях, ей и в голову придти не могло: она была дочерью послепетровской эпохи.

Вернемся к Ивану. В 1551 году он представил на обсуждение Стоглавого Собора ранее составленный "Судебник" и 69 письменных вопросов касательно разных

сторон церковной жизни. По поводу всего представленного Царем были вынесены определения Собора в ста главах, которые обнимали собою все стороны церковной жизни: учение, богослужение, управление, церковный суд, поведение духовенства, монашества и мирян и отношение церковной власти к гражданской.

(Правда, в это время Царь не был еще "настоящим" Иваном Грозным, запрещавшим отпевать души казненных врагов - что тоже ведь говорит о многом... Однако и позднее "канонической", структурной борьбы с симфонией он не вел.)

После смерти Грозного потомки с ужасом отвернулись от его "новшеств". Но "Стоглав" сделался сводом узаконений для церковной жизни более чем на сто лет.

Главной идеей Ивана было самовластие. Реализация ее - любой ценой! - причинила неисчислимые беды России, погубила она и благие начинания его собственной молодости. "Свободой воли" Царь обладал лишь тогда, когда самовластием его не было никаких - подлинных или мерещившихся - угроз. И в этих несчастных случаях взгляды Ивана IV на систему "Церковь - государство" не отличались кардинально от воззрений его предков и потомков.

Перелому русской истории суждено было произойти не при "Грозном", а при "Тишайшем" Царе: Алексее Михайловиче. Первый период его царствования считается образцом реализации симфонии в России. Истовая, строжайшая религиозность страны и ее Государя потрясли воображение посетивших "Московию" греческих иерархов; по одной из версий, Алексей умер от болезни ног, полученной от стояний на многочасовых церковных службах. Гармоничное "двоецарствие": Алексей дал Патриарху Никону титул "Великого Государя", назначил его регентом на время своего отсутствия. "Богоизбранной и премудрой двоицей" называли Патриарха и Царя. Но до этого было уже принято "Уложение" (1649 г.), учрежден Монастырский Приказ - для суда над духовенством, не исключая митрополитов, архиепископов и епископов - по граж-

данским делам, которые были ранее в ведении Церкви. Приказ был учреждением чисто государственным, на практике в своем вмешательстве в церковные дела пошедшим далеко за пределы "Уложения". Он начал судить духовных лиц и по духовным делам, стал назначать на духовные должности, начал конфискацию церковных имуществ... Патриарху удалось приостановить действие Монастырского Приказа - не более того... В сочинении с выразительным названием "Разорение" Никон возражал против нововведений, указывал на нарушение ими традиций, ведущих начало от византийского и русского государственного законодательства... В России книга света не увидела, английский писатель Пальмер перевел ее на язык своей страны. Менялись со временем и личные отношения между Патриархом и Царем: рассуждения Никона, сравнившего власть Церкви с Солнцем, а Царя - с Луной, не пришлись по душе Алексею...

На Соборе 1666 года состоялось заранее предreshенное осуждение Никона. Назвать это действие церковным Собором затруднительно: скорее государственным. Так, главный обвинитель - Лигарид - прибыл в Москву, будучи уже под запрещением. И в Москве об этом знали. Константинопольский Патриарх Дионисий так отозвался на запрос из России: "Лигаридии лоза не Константинопольского престола, и я его православным не нарицаю... лукав человек".

В нашу задачу не входит обсуждение сложной и болезненной проблемы старообрядчества. Отметим лишь горький парадокс: и старообрядцы, и Никон были сторонниками "принесенного на Русь религиозного учреждения, совершенно отдельного от государства", решительными врагами антиканонической, антицерковной новизны. Покончив одновременно с обеими страстно враждующими сторонами, государство показало, что считает ненужной и вредной для себя всякую несанкционированную ревность по вере.

Дальнейшее хорошо известно. Петр довел до совершенства дело отца. Он стал строить здание великой Империи, довершив разрушение единственного Камня, на

котором здание это могло стоять неизменно. Говоря точнее, разрушен Камень не был. На протяжении всего XIX века Государи придавали Церкви огромное значение. Казалось, они поняли роковую ошибку своих предшественников. На самом деле - нет. По произволу, по личному разумению вкладывали они Камень в те или иные части грандиозного архитектурного сооружения. Но, по слову Христову, не устоять дому, немудро построенному на песке...

Глубоко набожный последний Государь старался возродить царствование Алексея (первый, конечно, его период). В честь своего предка он назвал обреченного Наследника. Была во всем этом какая-то мистическая ирония: история замыкала уже четверть тысячелетия назад предначертанный круг...

Оставим множить факты, попытаемся осмыслить приведенные. Часто связывают трагедию с именем Петра, великого реформатора. Но нет: его энергия внесла огромный КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ вклад - а дело было начато, и уже необратимо, его неволевым, набожным, глубоко церковным отцом. И начато ДО идиллической вечерней зари русской симфонии - ничего изменить она уже не могла. Испортились отношения между Царем и Патриархом? Наивное объяснение; но разберем и его. Повторим еще раз: РЕАЛЬНОЕ бытие симфонии - и в Византии, и в России - как всегда в истории, весьма отличалось от идеала. Но кого из самых самовластных василевсов шокировала бы наивная теория "Солнца и Луны"? Мы видели, что принципиальное, теоретическое превосходство церковной власти над светской всегда формулировалось в Византии с предельной четкостью.

Да и оставались отношения Никона и Алексея достаточно сложными. Царь спровоцировал (иного слова не подберешь) лжесобор. А в ходе его заверял Никона в прежней к нему любви (явно не лицемерил - зачем?). В осуждении не участвовал: не хватило духа. И всю жизнь раскаивался в низвержении Никона, посылал ему подарки.

Перед смертью просил у обреченного на вечное заточение инока отпустительной грамоты, именовал его Великим Господином (как прежде!), Святейшим иерархом, блаженным Пастырем...

Совершенно ясно: симфония в России ОБЪЕКТИВНО оказалась обреченной. Почему же? Попробуем ответить на этот важнейший вопрос.

Русь всем сердцем приняла христианство. Не будем задерживаться на общеизвестных фактах, таких, как посещение послами Святой Софии в Константинополе. После посещения они доложили князю Владимиру: "Они привели нас туда, где служат Богу своему, и мы не знали, на небе ли были или на земле: ибо нет на земле красоты такой, и не знаем, как ее описать, только знаем, что там Бог с людьми пребывает".

Не удержались мы - полностью привели знаменитый рассказ. Слишком ясно из него, насколько были духовно, эстетически подготовлены россы к приятию Истины. А вот утонченнейшую теологию византийцы и не пытались перенести на Русь - и были совершенно правы, как показывает, например, нашумевший "богословский" спор между тверским и новгородским епископами о географическом местонахождении земного рая... А богословское "умозрение в красках" Русь переняла за несколько десятилетий - и с редкой в истории быстротой превзошла в нем Византию...

Есть дары, которые прямо - от Бога. "Дух дышет, где хочет"; и неграмотный пастух на израильских равнинах, услышав повелевающий Голос, шепчет в недоумении и священном страхе: "Кто я, Господи?" Но чудо, по самой сути своей, - жемчужина, редкость; и не дано народам перепрыгнуть через тысячелетия... Вера - дар свыше; а теология, умственное богопознание - итог еще и долгого, напряженного исторического труда и опыта. И политическая культура - тоже. Симфония Церкви и государства, если ее излагать грубо схематично, - явление простое (как и всё на свете). Но чем больше вдумываешься, вчитываешься в византийские тексты, тем больше понимаешь,

какой тончайшей, унаследованной политической культуры требует конкретная ее реализация...

Конечно, еще прежде: веры, воцерковленности. Но ведь не только без "главного" - сердца, мозга: без печени и селезенки организм тоже обречен.

Симфония просуществовала на Руси долго - в наивных, заметим, формах. Нет, "наивность" - не порицание; но наступает время, когда ее уже недостаточно.

Причин этой продолжительности много: и почтительная благодарность грекам, учителям правоверия. У них смиренно списывались и "церковно-светские" законы, и исполнялись они - до поры... Потом жизнь под Ордой - и Церковь: единственная структура, централизованно действующая на территории раздробленных княжеств, терпеливо и мудро собирающая их. Почти всегда Византия выступала за единую метрополию на территории Руси. И сама-то "Русь" была более века термином довольно условным; и с точки зрения временных политических выгод подчас явно предпочтительнее было то или иное разделение метрополии - но греки твердо знали, чего хотели в исторической перспективе. Потом Смутное время - и опять роль Церкви, по сути, та же...

Но вот пришла, наконец, пора стабильности. Царем избрали Михаила Романова - воля народа была освящена волею Божией. И инерции симфонии пришел конец. При таком подходе ясен, кстати, и парадокс с "теорией Никона". Византийские переводы, излагавшие суть гармонии Церкви и государства, терпели - и из благоговейной почтительности, и по многовековой привычке. Да и просто потому, что особого внимания на них не обращали. Тревожные запросы в Константинополь посылались по обрядовым вопросам, например, знаменитая проблема двоеперстия привела вселенского Патриарха в полное недоумение. В послании он попытался объяснить, что главное - вера во Христа и Матерь Божию, принятие церковных догматов; а предки наши еще недавно одним перстом крестились... В Москве, в свой черед, не поняли его, сочли, что от вопроса просто отмахнулись.

Нет, вера не иссякла. И всему, что связано с догматикой, с обрядом, придавалось значение чрезвычайное. Но неужто всё было ясно с проблемами церковно-государственными? "Уложение" составили "своим умом": при этом советов из Царьграда не требовалось. А обсуждать какие-то новые бредни про "Церковь-Солнце и Царя-Луну"? Да ведь и так понятно: самовластию они только во вред. Новинки надо вводить - другие...

Серый туман синодального "православия" окутал Россию. Внешние формы симфонии сохранялись: иерархи (полностью уже зависимые от властей) торжественно совершали помазание Государей. Публицисты предоктябрьского "возрождения" русской культуры писали, что при таком положении вещей каждый самодержец, с точки зрения церковной, - самозванец. Конечно, это не так: действительность таинств сохранялась. Как раз церковный подход и был органически недоступен авторам хлестких памфлетов, деятелям золотушного века отечественной литературы. Но... многим ли он был свойствен вообще в последние десятилетия России? Великая дворянская литература прошлого века оставила исчерпывающие свидетельства состояния сословия. Среди его богатейших духовных поисков находилось подчас скромное место для христианства "вообще", практически никогда - для Церкви. Интеллигенция - поздно вызревший плод неудачливого заговора "верховников", антигосударственный и антицерковный по самой сути своей? О, ее проблемы Церкви волновали всегда, мало, мало было ей динамита на проклятых эксплуататоров и мракобесов - и недолго залежался этот динамит в литературно-публицистическом своем состоянии... Народ? Сотни тысяч уходили на "корабли", в бегуны, в самые немыслимые доморощенные ереси; а ведь среди ищущих СВОЕГО ПУТИ всегда огромный процент натур религиозно одаренных... Кто и как измерит, насколько была расцерковлена за последние два века страна? Конечно: не простолюдины, а архиереи выслушивали, понурясь, тирады обер-прокурора екатеринин-

ского Синода: "Бога нет и говорить о нем глупо". Информации о таких инструктажах общественные низы не имели; но нет неправды, столь нескрываемой и растлевающей, как неправда церковная... Псевдосимфония необратимо отступала, неуклонно близилось время чернышевских, желябовых, ульяновых, время открытых, окончательных призывов грабить и резать, вешать и жечь...

...Да, лишь взгляд в прошлое может осветить контуры нашего едва замерцавшего настоящего. И немногое осталось добавить, чтобы понять суть совершающегося на наших глазах возрождения лжесимфонии.

История как бы совершает обратный ход. Отталкивающей карикатурой на псевдосимфонию последних веков был сталинский вариант "возрождения" Церкви. Сейчас пародируется скорее допетровский, алексеевский образец. Реализуемый альянс можно назвать церковно-государственным или государственно-церковным - всё едино; но не нужно думать, что власти хоть что-то при этом уступают, отдают. Первые годы перестройки иерархи Московской Патриархии с достойной иною применением твердостью провозглашали, что уж у них-то претензий к режиму никогда не было - и быть не могло. Многие возлагают надежды на нового Патриарха, главный аргумент: он явно лучше своего окружения. Ничего не скажешь, оптимистический базис для упований на Русскую Православную Церковь как силу, долженствующую духовно возродить страну... Однако не Алексей ли Второй еще недавно энергично защищал сергианство - принципиальную систему любых беспринципных уступок богоборческой тирании? Внешних причин для такой линии в стране уже нет, внутренняя же, психологическая ее мотивация, к сожалению, элементарна. Пятилетку назад партия и правительство даровали свободы. Как всегда, коммунисты выступили решительными противниками уравниловки: каждому предназначалось свое, всяческой номенклатуре - весьма немало. Так стоит ли удивляться, что Патриархии свободы понадобились для единственной цели - воинственной

апологетики своего добровольного послесталинского рабства?

Так что вопрос о подавлении Церкви в новых условиях и не может стоять: выучившимся креститься деятелям следует Бога молить, чтобы церковную бюрократию помог довоспитать до смиренной младшей сестры бюрократии государственной.

Иерархия, Церковь... К счастью, это далеко не равнозначные понятия в сегодняшней России. Но об этом, о возможностях подлинной симфонии - ниже. А сейчас взглянем на второй персонаж разыгрывающегося действия - на государство.

...По одной из версий, языческий князь Владимир крестился после блестящей победы над византийским войском: исповедуемая побежденными врагами вера покорила его душу. Есть и другие гипотезы, но типологически они сходны: наши предки пришли к Истине от полноты: внутренняя духовная сила властно вытолкнула их вверх, в свет Христов...

Да, разумеется, Господь ниспосылает утешение и страждущим и обремененным, Он приемлет всех. Но всех с чистым сердцем, а не расчетливых и корыстных. Медленно, угрюмо, с очевидной неохотой уступало Государство души россиян, даже и ему уже не нужные, вконец разоренные дикарским атеизмом души...

Многое ли изменилось и теперь? Лица всё вокруг те же; атеизм... да, он не тот же, он другой. Но опасное заблуждение считать, что он исчез: в отличие от недавнего прошлого, формы его ныне многообразны. Для одних христианство - атрибут национального бытия; к известному набору: "самовар, водка, спутник, карашо, дравствуйте" многие сегодня непрочь привозродить "Христос воскрес". Другие по-иному радуются Свету Невечернему: сгодится, вполне подходящий прожектор для освещения нравственных и общекультурных подмостков...

Как же нам теперь быть? Действительно ли покончено с идеей симфонии - идеей, неотделимой, повидимому, от православного мировоззрения вообще?

Несмотря ни на что, это не так. "Верхушечная" симфония, естественная для далеких веков, безусловно, невозможна, попытки воссоздания ее, в лучшем случае, абсурдный и обреченный утопизм. Но повторим еще раз: иерархия - это ведь еще не полнота Церкви. А государство, те, кто его представляет на всех уровнях, закономерно победив на первых после семидесятилетия полусвободных выборах, - далеко не народ.

Православные мыслители давно мучительно ищут пути реализации симфонии в наши дни, новые мехи для нестареющего вина.

"...для непосредственной реализации симфонии в живой современной действительности нет опоры, нет данных. Вредно быть мечтателем и иллюзионистом в области религиозной. Изменившийся эон требует от ответственных деятелей Церкви трезвого реализма. Нет уже в природе вещей тех монолитно-христианских народов, той сплошной, послушной голосу и авторитету Церкви массы, которая составляла тело древних христианских государств", - признает А. В. Карташев в своей программной книге "Воссоздание Святой Руси". Но в ней же он пишет и другое. "...новое христианское государство и неосуществимо, да и немыслимо, в ветхих истлевших оболочках прошлого. Достоинству веры и Церкви более соответствуют в наши дни формы правового государства, гарантирующего полную свободу религиозной совести... Путь **НОВОЙ ТЕОКРАТИИ ЦЕРКВИ В НЕВОЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ОТ НОВОГО ГОСУДАРСТВА, НО В УПОРНОМ ЕГО ПОКОРЕНИИ СВОЕМУ ДУХОВНОМУ ВЛИЯНИЮ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ЧИСТО ДУХОВНЫМИ**".

"Как Мессия излучал свет СКВОЗЬ существующую национальную, политическую и социальную среду, так и Церковь, если ей будет отведено по крайней мере одно из мест в культурном пантеоне современного государства, может и должна изнутри освещать реальность государства, быть если не **ДВИГАТЕЛЕМ**, то **ПРИТЯГАТЕЛЕМ** душ. Это не отказ от симфонии, а только ее преобразование...

(Подчеркнуто нами. - В. С.) В современных условиях симфония должна осуществляться не между Церковью и государством, а **МЕЖДУ ЦЕРКОВЬЮ И ГРАЖДАНАМИ ГОСУДАРСТВА...**", - вторит профессору Карташеву игумен Геннадий (Эйкалович), работа которого называется сходно: "Идея воссоздания Святой Руси".

Происходящее сейчас подтверждает реальность, неабстрактность этих мыслей. Но сразу за вопросом о РЕАЛЬНОСТИ встает вопрос о ШАНСАХ - бесконечно тяжелый для сегодняшней России... Многое вокруг подталкивает к безысходному пессимизму, ложно понимаемая национальная гордость программирует бездумный, а потому бесполезный оптимизм.

Но и то, и другое - не христианские чувства. С невиданным в истории рвением отучали нас от молитвы, от самого имени Божия. Не смогли. И возможности возродить обрубленное духовное бытие у нас еще есть. После небывалой смерти, окончательней, казалось бы, не бывало в ойкумене, мы все-таки живы - хоть и с перешибленным хребтом. И ни к чему нам уподобляться расплодившимся оценщикам, мы можем (а, стало быть, обязаны) пытаться выжить, пытаться сделать так, чтобы выжила страна. Кто скажет, что после всех совершенных нами преступлений мало для нас этого чуда Господня?

*26 октября 1991 г.
г. Москва*

А. М. БУРОВСКИЙ

Естественники и искусственники

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы публикуем только часть большой статьи молодого сибирского педагога, к. пед. н. А. М. Буровского. Красноярск - это, по старым понятиям, скорее даже не провинция, а "глубинка". Статья же показывает, насколько зыбкими стали сегодня интеллектуальные границы между "центром" и "провинцией". В той части, что осталась за пределами публикации, есть много спорного, а порой и несколько поверхностного - пожалуй, только эта поверхностность и придает статье в целом флер "провинциальности". Но нам представляется, что это - болезнь роста, а само направление педагогической мысли - педагогическая экология - перспективным. - Ред.

*
* * *
*

...Одинаковое непонимание органических духовных основ общежития, одинаковая любовь к механическим мерам крутой расправы, то же сочетание ненависти к живым людям с романтической идеализацией отвлеченных политических форм и партий.

С. Франк

Глава 1. ОПИСАНИЕ СИМПТОМОВ

"Я не хочу, чтобы в моей дочери просыпалась женщина!" - сказал один отец. Почему бы ему не захотеть, чтобы перестало всходить Солнце?

А. Маршалл

На протяжении уже очень длительного времени я сталкиваюсь с явлением умственной и культурной жизни, несомненно хорошо знакомым и читателю - с явлением, которое можно определить, как неспособность, и, что еще интереснее, как нежелание видеть и учитывать реальность. Множество людей не умеют видеть мир таким, каков он есть, а главное - вовсе не стремятся его таким увидеть. Эта неспособность может проявляться в отношении разных сторон реальности, проявляться как в частной, так и в общественной жизни, и уж конечно, в политической борьбе. В любом случае мы имеем дело с одним и тем же явлением. Человек, не знающий и прилагающий большие усилия, чтобы и дальше не знать, как устроен его собственный сын, человек, строящий отношения не с реальным подростком двенадцати лет, а со своими собственными выдумками и фантазиями по поводу того, как должен быть устроен такой подросток, и члены Верховного совета, которые даже не пытаются создавать законы путем кодификации существующей практики, а просто выдумывают умозрительные нормы, исходящие из их представлений, убеждений или мнений, но никак не соотносимые с действительностью, - право же, они действуют в одной логике. Естественно, на собственных фантазмах ни ребенка воспитать, ни законодательство построить невозможно, - но в обоих случаях нет понимания бессмысленности собственных действий.

Если данная конкретная выдумка оказалась бесперспективной - значит, нужно придумать что-то, что сможет оправдать предшествующие усилия и, даст Бог, окажется

более эффективной. В частной жизни это может быть идея "переходного" или "трудного" возраста - приняв ее, отец тут же оказывается ни в чем не повинным - виноват скорее сын, пьющий и требующий наркотики исключительно на возрастной основе. В политической жизни у нас на глазах происходит смена идеологических парадигм тоталитарного толка. Коммунистическая идеология столь явно дискредитировала себя и в стране, и во всем мире, что руководствоваться ею, пожалуй, даже как-то неприлично. Но попытка спокойно разобраться в происшедшем и попробовать построить жизнь разумнее и без бредовых идеологических клише, не возникает. На наших глазах идет, если угодно, борьба за то, чтобы заставить если не все взрослое население, то как можно больший процент принять новую - и тоже тоталитарную идеологию, и начать новую серию не менее зловещих экспериментов. А ответственность за то, что Рая на Земле коммунисты так и не построили, они с невинностью ангелочков готовы возложить на само население страны, так сказать, неуспех эксперимента объясняется тем, что подопытные кролики вели себя неправильно. Плохие кролики попались!

Когда коммунист (в дальнейшем я буду называть коммунистами убежденных приверженцев этой идеологии - не путать с "членами партии"!) произносит фразу, смысл которой в том, что Россия - страна дураков и потому построить в ней коммунизм и не удалось (таких разговоров я слышал в своей жизни свыше трех десятков), у меня возникает ассоциация не только со знаменитым Адольфом Шикльгрубером, с точки зрения которого Германия погибла потому, что оказалась недостойна его идей, а раз недостойна - чёрт с ней, пусть гибнет. Ассоциация возникает и с отцом, объясняющим полное равнодушие сына к учебе или склонность к ресторанам то ли переходным возрастом, то ли тем, что вот почему-то у хорошего отца взял и родился идиот. Как видите, в обоих случаях логика совершенно одинакова.

Существует не такая уж маленькая категория людей,

для которых то, что придумано или создано человеком, важнее того, что существует само по себе. А поскольку мы живем в действительности искусственно-естественной, частично созданной человеком целенаправленно, частично развивающейся по своим собственным законам, то во всяком явлении люди этой категории ухватывают его искусственную сторону и не хотят видеть естественной. Более того, если искусственная структура вступает в конфликт с естественной, они с легкостью необычайной "принимают сторону" искусственной действительности. Порой это принимает комичные формы, когда в роли искусственной структуры выступает местное начальство или министерство, а в роли естественной - озеро, лес или река. Был случай, блестяще описанный В. Распутиным в статье "Байкал" (в книге "Экологическая альтернатива", М., 1990), когда группа "экспертов" всерьез доказывала, что вода в Байкале вредна для здоровья и станет гораздо полезнее, если в нее регулярно спускать отходы целлюлозно-бумажного производства. Людей этого типа я называю *искусственниками* - для них явно важнее искусственная действительность. Созданное человеком важнее природного, созданное сознательно - создаваемого в естественно-исторических процессах, а идеология важнее материального.

Я буду говорить об идеологии искусственности и об искусственниках как ее носителях - с полным пониманием того, что химически чистый искусственник - это такая же абстракция, как "идеальный ариец" или "абсолютное сознание". Но разделение людей на искусственников и естественников применительно практически к каждой проблеме и к любому явлению действительности - это совершенно реальный факт, и это разделение имеет множество проявлений на чисто бытовом, поведенческом уровне. По-видимому, спросить у человека, искусственник он или естественник, почти никогда невозможно - так же и по той же причине, по которой бессмысленно спрашивать: "Какой у тебя менталитет?" Только наблюдая за логикой поступков (и в первую очередь поступков) индивида, обычно удается

классифицировать его - по крайней мере, применительно к данному роду явлений.

В отличие от искусственника те, кого я называю естественниками, - живут в стремлении осознавать реальность. Не стоит их идеализировать, но основу их мировоззрения составляет представление о том, как они живут в огромном, крайне сложном и не очень хорошо известном, вовсе не для них специально созданном, но красивом и разумно устроенном мире. Естественник стремится узнать, как устроено то, с чем он сталкивается, и исходит из того, что знание его - частично и не всегда надежно. Он знает, что знание - это не только колонки цифр и экспериментально установленных фактов. Столкнувшись с природным (или общественным) явлением, естественник пытается привести в соответствие с увиденным свои знания и представления. Более того, он приводит в соответствие с ним и свою эмоциональную сферу; применительно к тому же Байкалу - на естественника вполне действует аргумент, что Байкал нельзя губить еще и потому, что он красивый; и потому, что неизвестно еще, что важнее - целлюлоза или чистая вода и вся живность там! И потому, что надо оставить озеро внукам и правнукам. Ибо естественник четко осознает себя пришедшим в этот мир на время, для него реально то, что на скучном профессиональном языке именуется "вертикальными информационными связями", - а говоря на быденном, повседневном языке, естественник знает, что у него был прапрапрадед, который видел Байкал и оставил его потомкам, и что у него, ныне живущего, будет прапраправнук и для него нужно оставить Байкал. Естественник осознает принадлежность к народу, культуре, ландшафту и способен воспринимать какие-то места на земле как "свои".

И еще одно - естественник склонен любить Землю, людей, животных. Мир для него, грубо говоря, "хороший". Красивые ландшафты вызывают эстетическое переживание, и чувство ответственности, и желание, чтобы это было всегда: как и умные книги, старинные вещи, разва-

лины древних сооружений. Естественник получает удовольствие от вида красивых и сильных людей, ухоженных полей, здоровых, бойких ребяташек; гордо шествующий по забору кот, хвост трубой, или поющий дрозд способны не только вызвать в его душе чувство умиротворения и радости жизни, - но и примирить с какими-то потерями, уродствами, травмами. Естественник способен "лечиться" красотой и величием мира: торжественным молчанием бора, пением птиц, общением с собственными детьми. Потому что он связан с миром множеством самых разнообразных нитей. Связан не логическим пониманием связи, а эмоциональным состоянием, отношением к действительности.

Естественник склонен ощущать связь с другими людьми и радоваться их уму, силе и жизнеспособности. Милорадович, кричащий атакующим французам "Молодцы!" - для искусственника просто идиот, тип раздражающе непонятный. А вот Милорадович понимает, что на Земле жить и русским, и французам; желание победить у него не перерастает в желание искоренить и уничтожить, и он способен вполне искренне радоваться и мужеству противника, и, может быть, просто игре солнца на штыках и на шитье мундиров. Петр Великий в некоторых отношениях бывал не менее жесток и крут, чем Иван Васильевич Грозный. Но случалось, и он миловал врагов. Например, Степана Орла (деда знаменитых братьев Орловых) стрелца - помиловал ("породу жалко", - сказал царь). Вы можете себе представить Ленина или Сталина, способных помиловать... нет, даже не война Добровольческой армии - а его родственника, взятого в заложники? Вот и я не могу. Такого с искусственниками не случается даже в минуты крайнего умственного просветления.

Искусственнику свойственно отношение к миру как к машине, отлаженному механизму, - да еще с позиции утилитарной. Красиво то, что полезно. Эффективное - этично. И так далее. Никакие явления не имеют для искусственника самооценности. Логика Дж. Дарелла: "Животное красиво

потому, что оно существует, и по той же причине имеет право на существование”, - для искусственника бессмысленна.

Коль скоро мышление искусственника механистично и явления реального мира выступают в роли ”винтиков” Мироздания, то и оценка этих явлений как ”вредных” или ”полезных” совершенно логична. О ”вредных” животных говорится и пишется в последнее время много. Но ведь ”вредными” могут быть и какие-то группы людей - например, те же ”кулаки” или офицеры, подлежащие уничтожению как ”монархисты, офицеры и патриоты”. Остается только выяснить, в какой степени вреден данный слой общества или данный индивид, - и поступить с ним соответственно. Кстати, так же точно могут быть ”вредными” и евреи, армяне, китайцы, поляки или немцы. Это зависит только от того, как видится искусственнику социальная машина. А особого различия в том, кого объявлять ”вредными”, право же, нет. Позиция искусственника здесь такая же, как у автолюбителя, моющего машину и выбрасывающего из салона весь ненужный ему, нефункциональный мусор. И здесь пахнет уже не О’Брайеном, а товарищем Троцким, чекистами и гауляйтерами.

Глава 2. ТЕХНОСФЕРА И БИОСФЕРА

...Джентльмен, у которого извлечено почти все содержание брюшины, усилены сердце и легкие... при этом возрастают его мыслительные... способности, обостряются чувства и исчезает потребность во сне.

Г. Уэллс

Как ни странно, но в мире есть область (или класс) явлений, для которой представления искусственника вполне адекватны. Человек на протяжении всей своей истории строит искусственную среду обитания - техносферу. Без орудий труда, инструментов, бытовых предметов,

жилищ, дорог, одежды, механизмов, горных разработок и оружия человек не смог бы существовать на Земле, расселиться по ней и занять в ней нынешнее положение.

Но ведь человек живет не в техносфере - в биосфере! Вернее, он обитает в биосфере, в которую помещена техносфера, и с помощью техносферы. Биосфера вечна и тесно связана с космосом. Биосфера не создана человеком, не управляется им, и существование ее не имеет цели. Она есть потому, что есть. И смысл ее существования - в поддержании жизни. Жизнь есть и цель, и средство биосферы. Жизнь в биосфере определяет определенный порядок нравственных задач - почитание Высшего - неба, космической тайны, непостижимых и лишь частично узнаваемых нами законов мироздания. Сострадание к равным себе - человеческим существам, сотрудничество с ними. Помощь более слабому, менее сложному, минерально-животно-растительному миру. "Жизнь была полна смысла, ибо и мы, и животные, и растения были частью Великой тайны", - сказал последний вождь племени Сиу, Сидящий Медведь. Человек, осознающий себя как существо, живущее в биосфере, тем самым признает частичность созданного им мира. Техносфера сама собой определяется для него как средство, а не цель. Организованность природы и общества становится для него целью, частично достигаемой посредством использования технических усилителей. Гармония биосферы и ее частей познается и через красоту, и через переживание своей общности с миром.

Сама способность постигать мир не только логически привязывает к нему человека, делает теплым, эмоционально окрашенным отношение к феноменам, открывает возможность внечувственного познания - как у индейца, который, заблудившись, знает, какой танец надо танцевать, а потом, после танца, он уже знает, куда идти и в какие сроки выйти - чтобы встретиться с затерянной в таежных дебрях группой сородичей.

Человек - сам часть биосферы и живет в биосфере, которая представляет собой совокупность антропогенных

и природных явлений, не созданных человеком, самоценных, неконтролируемых или частично контролируемых. Собственно, это касается уже тела одного отдельно взятого индивидуального человека, - оно создано по законам природы; глобальные законы эволюции определяют, каким оно будет в главных чертах, наследственные признаки определяют частные второстепенные отличия от остальных индивидов - внешность, цвет волос, длину носа и т. д. Но все это определяет не индивид, не коллектив и не сакральный авторитет - это данность, в которую помещен человек, и никуда он от этого не денется...

Во всех решительно сферах мы сталкиваемся как бы с двумя большими классами явлений - с управляемыми техносферными и с неуправляемыми, непостижимыми и феноменологичными, биосферными.

В техносфере идеология и мировоззрение искусственника вполне адекватны. Техносфера создана человеком, назначение ее утилитарно, существование не самоценно; элементы техносферы постижимы до конца, во всех частях, и техносфера абсолютно управляема.

Наконец, она не требует к себе эмоционального отношения. Некоторые шоферы "как бы оживляют" автомобиль, относясь к нему хотя бы частично как к живому существу. То же делают и программисты, и даже мастера холодильной техники. Может только радовать, что такого рода "оживление" техники, то есть перенесение на нее нравственных и культурных норм, сложившихся в отношениях с живыми существами в биосфере, характерно и для самой старой страны технологической цивилизации - для населения США. Всё же сильная штука - человеческая натура! За миллионы лет знакомства с техносферой человек не смирился с тем, что что-то в мире может быть неживое. Но возможно и другое отношение к технике и ко всем другим усилителям - чисто потребительское, эмоционально не окрашенное, - и хуже работать она от этого не будет.

О способности человека к "оживлению" техносферы

уже не раз писали. Но ведь есть и прямо противоположная тенденция - перенос адекватных для техносферы представлений на биосферу. Для искусственника феномены предстают в виде систем, которые можно разложить на сумму элементов - и эта сумма элементов будет вполне адекватно отражать феноменологическую сущность явления. Даже система обучения в школе делает упор на системно-структурное постижение мира, а его феноменологичность остается сомнительным и факультативным делом. Но ведь это глубоко неверно! В каждом феномене есть, как уже говорилось, элементы, постигаемые человеком в логической плоскости, осмысляемые, изучаемые, наконец - управляемые. Феномен же в целом - логически постижим лишь частично, и системно-структурное представление о нем - только часть истины. Феномены постигаются человеком не только логически, но и эмоционально, и эстетически, и интуитивно. Абсолютизация любой из форм познания может привести только к утрате адекватного представления об объекте (что и происходит). Наконец, человек не создавал мир, в котором он живет, - в смысле, не он создатель биосферы. Более того, он сам - созданное существо. Вне зависимости от того, видится ли нам возникновение и развитие Мироздания как естественный процесс или как творение Божье, не мы его сотворили, и мы имеем только самые ограниченные возможности изменять жизнь этого мира. Вот разрушить - у нас бездна возможностей.

Естественнику легко принять непостижимость мира и неизбежность понимания только части явлений, невозможность управления миром - вернее, возможность управления только частью Мироздания. Непостижимость Вселенной в примитивных культурах осмысливается как тайна богов (или полубогов), которую можно открывать не всегда и не во всем; в более развитых культурах - как Божественная тайна, и велик грех гордыни того, кто пытается постигнуть и вершить Божье. В индустриальной культуре Нового времени короткий приступ восторга по поводу

"гигантских" возможностей человека и переустройства всей его жизни с помощью науки и техники сменился пониманием мира как исполинской сверхсистемы, в которой просто опасно что-то менять - ибо любые изменения в системе могут вести к непредсказуемым последствиям. Коралловые рифы, которые гибнут возле Австралии из-за сливаемых в море отходов в штате Калифорния, - это еще не самый яркий и не самый ужасный пример. Так что набраться окаянства и начать "управлять" миром по своей индивидуальной или по коллективной воле человеку постиндустриальной культуры, пожалуй, не проще, чем его средневековому предку. Видимо, на всех этапах своего развития культура вырабатывает механизм защиты, аппарат спасения от нахальных искусственников, которые с легкостью могут разнести вдребезги всю нашу Землю - только дай им усилители нужной мощности. И все эти механизмы в конечном счете выводятся на отношение к действительности, на принятие мира таким, какой он есть, и на любовь к нему. Наконец, на формирование у человека представлений о том, что помимо его воли или благих пожеланий и в природе, и в обществе существуют силы, или практически неподвластные ему, или такие, которые лучше не тревожить - чёрт его знает, что из этого получится.

Искусственник с трудом представляет себе нечто, выходящее за пределы понятного ему и доступного воображению. Любые, даже сверхсложные объекты (например, сложные экосистемы) представляются ему не феноменами, в которых человек живет и на которые воздействовать - еще надо набраться окаянства. Нет, он всем решительно пытается "управлять", легко вступает в коммунальные конфликты из-за того, кто именно правомочен к "управлению" (главное для него - кто "управляет"). Когда же "управление" благополучно проваливается, причину провала ищут в том, что "управлял" не тот, кому надо, и делал, мол, ошибки (типичный поворот так называемой антисталинской пропаганды).

Искусственник с трудом осознает вообще любой объективно идущий процесс именно как объективный. Ему всегда кажется, что кто-то более разумный мог бы повернуть его иначе. Не будь на престоле Петра I, не прошла бы европеизация России; если бы на престоле был не Николай II, а наш родимый искусственник, то и революции бы не было - и т. д. Например, искусственники совершенно не понимают, что избежать роста цен в 1992 году невозможно было в принципе - ни путем приватизации, ни путем демократизации, ни возведением на престол Императора Российской империи, ни приглашением вместо варягов инопланетян.

Раз все проблемы решаются только между людьми и нет ничего высшего, неуправляемого, слабо постижимого, то и не действуют аргументы - прекратить спор, хотя бы на время, чтобы предотвратить нависшую надо всеми опасность. Для искусственника важнее выбить из управленческого кресла конкурента, чем объединиться с этим конкурентом перед лицом экологической катастрофы или иного стихийного бедствия. То есть словами-то он все понимает, но действует именно так и иначе действовать не может. В этой логике естественным образом рождается культ гения - то есть того, кто лучше понимает, что надо делать, и культ всевластного, надо всем простертого познания ради самого познания, и культ разумного управления уже не природой, а самим обществом. И если группа искусственников ухитрится придумать общую Утопию и все же договориться о совместных действиях, то в борьбе со всем остальным человечеством все средства хороши. Для них ценность победы неизменно будет оказываться выше любых других сторон действительности. Разрушается общество? Ну, что ж... Брат идет на брата? Пусть... Скуднеет Земля и разрушаются природные системы? Женщины разучились рожать? Не это главное, товарищи, а главное - великие цели. Причем вера в то, что великие цели - главное, а жизнь как таковая второстепенна, у искусственников возникает очень легко. Нет ведь ничего, что стоит выше политической свары, - ни Бога, ни Природы, ни на-

ции, ни истории. Свара оказывается как раз самым важным и высоким. А люди, говорящие о высоком (о Боге, например) или просто о том, что не подчиняется "управлению" (вирусы, океанские глубины, космос, душа человека), - это люди вредные и подозрительные. Если же есть тайны, разумом не постигаемые и воздействию слабых рук человеческих не очень подвластные (хотя бы тайна бессмертия души, тайна - куда же мы уходим...), - надо сделать вид, что эти тайны просто не существуют, их нет, их выдумали попы, чтобы обманывать рабочих.

Итак, искусственничество - по сути своей порождение разрыва человека с Мирозданием. Искусственничество - это уход в техносферу из биосферы и последующее отчуждение от реальности. Отчуждение - слово, которое приходится слышать чересчур часто. Но здесь идет речь о гораздо более глубинных и страшных вариантах отчуждения, чем отчуждение от продуктов своего труда. В основных формах это отчуждение от самого себя (от телесной оболочки, в первую очередь), от животного мира (зоофобия), от природы - то есть в первую очередь от ландшафтов (экофобия), от социума (социофобия), от любовной и семейной жизни (сексофобия), от истории и культуры (культурофобия), от принадлежности к этносу (этнофобия). А ведь это - только основные виды.

Отсутствие "укорененности" в мире - главное в искусственнике. Он не имеет ни экологических, ни общественных, ни социальных "корней" - неотъемлемого права находиться именно здесь и быть защищенным самим фактом своей принадлежности к этой группе людей. Незащищенность вызывается уже просто "неотождествленностью" своего "я" с любыми другими реалиями Мироздания. Если "я" - совершенно один - естественно, "я" сир и наг и уверенности ни в чем у меня нет.

Но почему же разрываются связи человека с миром - задаваемые, казалось бы, самим фактом его рождения? Где корни отчуждения? Вопрос этот имеет два аспекта - социальный и индивидуальный - ибо существует и меха-

низм отчуждения от мира больших групп населения, и механизм превращения в искусственника одного отдельно взятого ребенка. Рассмотреть необходимо оба.

Глава 3. ОТЧУЖДЕНИЕ ИНДИВИДА

Сын (показывая пальцем на здание ЕНУправа): Папа, что здесь делают?
Отец: Управляют Енисеем, сынок.

Разговор на улице

Возникает естественный вопрос - а как вообще возникает само отчуждение от реальности? Откуда оно? Где корни? Почему вообще возникает феномен отчуждения людей от различных сторон действительности и почему один становится искусственником, а другой - нет? Как, через какие механизмы осуществляется приобщение индивида к техносферному восприятию действительности?

Для ответа на эти вопросы - пусть даже самой простой скороговоркой, придется посмотреть, как вообще осуществляется социализация индивида и включение его в реалии "взрослой" жизни. Рождается-то ведь, строго говоря, не человек, а неосмысленный живой комочек, обладающий потенцией превращения в элемент социума, носителя культуры, в "мыслящий тростник". Оставим в стороне даже то, что ребенок обладает исходно всеми психологическими механизмами, необходимыми для того, чтобы верить родителям и другим взрослым представителям своей микросреды и перенимать их отношение к действительности. Старшим в семье нужно очень постараться, чтобы нарушилось это априорное, нерассуждающее, исключительно сильное доверие и стремление подражать и делаться подобным. Счастливый, ухоженный ребенок, осознающий себя нужным и любимым, проходит этот путь социализации без особых трудностей и душевных волнений, самым естественным образом. Но есть и еще один механизм, имеющий самое прямое отношение к возникновению

искусственности. Дело в том, что существуют достаточно определенные сроки, в которые ребенок и подросток знакомится с теми или иными сторонами действительности и вырабатывает как отношение к ним (включая эмоциональное отношение), так и навыки "встраивания" в этот класс явлений или использование их. Причем каждая культура это "знает" и умеет включать в действительность маленького человека. Если же по каким-либо причинам "включение" не произойдет своевременно, уже вставший на другой, более высокий уровень индивидуального развития человек не будет способен к адекватному отношению к реальности. Это явление известно очень давно и носит в современной науке и психиатрии название "госпитализм".

Известно, что лишенные материнской ласки и постоянного общения с матерью обезьяны, став взрослыми, не умеют войти в стадо взрослых обезьян (даже если стадо пытается включить их в свой состав), неадекватны в общении с себе подобными; у них не вызывают интереса самки, а если их "соблазняют", то они не умеют с самками совокупиться. Эмоциональная и сексуальная жизнь человека несравненно сложнее обезьяньей - что ж! Тем легче вызвать у человека последствия госпитализма.

Есть и прямые аналоги с проблемами лишенных мамы обезьянышей - известно и то, как трудно входят в социум, легко склоняются к аномалиям в поведении люди, выросшие без родителей, которых не любили, страдавшие в раннем детстве от дефицита в общении. Причем ни самые роскошные интернаты, ни прекрасное питание и компьютерные игры не в состоянии заменить теплого, эмоционального общения - точно так же, как подогреваемые электричеством плюшевые игрушки не заменяют маму обезьянышу.

Известно и то, что выросшие в так называемых "неполных" семьях дети гораздо чаще, чем из сверстники из "полных" сталкиваются с трудностями при входе в социум и в сексуальной и семейной жизни. Мальчики, привыкшие к тому, что женщина в семье занимает главное

положение, с трудом принимают семейное лидерство. Лишенные в детстве примера родителей, общения со сверстниками (хотя бы сестрами), они плохо понимают и плохо "чувствуют" женщин, мало интересуются их душевными состояниями; они просто не умеют с ними общаться и совершают множество бессмысленных, тупиковых, иногда просто жестоких поступков. И хорошо, если им вообще удастся преодолеть последствия госпитализма.

Известно, что девочки, не научившиеся уважать и любить отца, сталкиваются с аналогичными проблемами в личной жизни - они не "чувствуют" мужчин, у них не вызывает интереса и сочувствия специфические мужские трудности, проблемы, занятия; часто сверстники кажутся им просто плохо воспитанными, шумными, вечно чем-то перепачканными, плохо пахнущими людьми - своего рода "ухудшенными женщинами" (кстати, в тоталитарной культуре женщины по сути дела - это "ухудшенные мужчины", которые рассматриваются не как совсем другие по характеру физической и душевной организации люди, а как "менее ценные работники").

Я уже не говорю о несчастных "маугли", которые выросли вне людей и их общества и, как правило, на протяжении всей жизни так и не становятся людьми ни "де факто", ни по самоопределению. В данный момент в России живет 43-летний "маугли", который считает себя волком.

Но ведь госпитализм может носить и более частичный, более ограниченный характер! Представим себе ситуацию, при которой многочисленная и преданная друг другу семья не любит домашних животных (хотя бы в силу культуры чистоты в доме), не имеет никакого владения за городом, корней в сельской жизни и не выезжает за город. Ребенок в семье вырастет ухоженным, счастливым и будет любить детей и уметь с ними сотрудничать. В социальной и в сексуальной (если угодно, в биосоциальной) сфере он будет совершенно нормальным. Но знать природы он не будет. Не имея информации о том, как устроены животные, что им надо и как интерпретировать их поведение, он не научится любить их и не будет уметь с ними обращаться-

ся. На формирование эмоциональной сферы окажет воздействие и отсутствие позитивного эмоционального опыта общения с домашними животными (мурлыкающей кошкой, собакой, радующейся твоему приходу), опыта заботы о животном, сопереживания больному или раненому животному и т. д. Человек, лишенный соответствующего опыта, всегда будет опасаться животных - и диких, и домашних, не доверять им, не будет понимать, что им нужно, и не сумеет сделать счастливым свое домашнее животное. Даже если он, став взрослым, вступит в Общество охраны животных, его действия будут продиктованы чисто умозрительными заключениями, логическими соображениями и будут, соответственно, техносферными, а не биосферными. Итак, через "зоологический госпитализм" - к зоологической форме отчуждения.

Еще более мрачными последствиями чреват "экологический" госпитализм. Человек, не включившийся достаточно рано в определенную систему отношений к природным ритмам, к окультуренным и естественным ландшафтам, с трудом сможет не только относиться к экосистемам как к сложным системам, как к элементам биосферы. Он будет испытывать определенные трудности от простого факта пребывания на природе. Холод, жара, ветер, дождь будут гораздо сильнее действовать на него, чем на привычного человека, мешать ему и раздражать. Я неоднократно наблюдал, как возле одного костра сидят несколько человек, причем над каждым из них вьется серое облачко комаров. Но только одни почти не реагируют на насекомых, а другие судорожно машут руками, суется, а если комар укусит - плюются, чешутся, ругаются, сердятся. В итоге они почти не замечают ни торжественного молчания леса, ни танца подёнок в сосновых ветках, ни шуршания землероек в траве, ни игры закатного солнца на стволах сосен, ни изменения цвета углей в прогорающем костре. Быт слишком отвлекает их внимание, а ведь если бы их своевременно научили не реагировать на комаров, то и не возникло бы целого комплекса проблем. Первые два сезона ребенок, взятый в экспедицию, страдает от гнуса. Потом

его, в силу каких-то неведомых мне законов природы, и кусать начинают меньше, и реакция на укус несравненно слабее. А страдающий "экологическим госпитализмом" обречен мучиться долгие годы, а то и всю жизнь. Это же касается и реакции на холод, и на условия жизни в палатке, и на привычку носить тяжести на спине...

Без эмоциональной связи с ландшафтом человек лишается многих психологических механизмов, направленных на его охрану. Для него отношение к природе вполне искренне, без специальных усилий, рационализируется; есть люди, вполне серьезно не понимающие, как можно отказываться от строительства заводов или плотин "только потому", что это приведет к разрушению ландшафтов и гибели животных. Экофильная философия им кажется просто сентиментальной, абсурдной, а протесты общественности - проявлением некультурности, примитивизма, недостаточного патриотизма. Такого рода обвинения мне неоднократно приходилось встречать в прессе применительно к "Байкальскому движению" и персонально к Валентину Распутину. В системе ценностей этих людей природа занимает столь ничтожное место, что иной логики они просто не понимают, и деятельность людей, "охраняющих птичек", вызывает у них только высокомерную улыбку.

Но ведь если человек не может или не хочет увидеть красоту и уникальность соснового бора, изящество и стремительность дикого животного, если у него не замирает дыхание, когда над ним проходит тысячная стая уток, то и картины Левитана и Шишкина для него - нелепая мазня, а Рерих, "зачем-то" писавший гималайские пейзажи (для чего ему, кстати, приходилось жить в совершенно некомфортабельных условиях и неоднократно подвергать риску свою жизнь и здоровье), - просто инфантильный субъект с чудовищно нелепым поведением. Огромный пласт культурного наследия для искусственника оказывается непонятным или полупонятным. Если даже он и становится ценителем изобразительного искусства, то опять же на чистой логике, на сознании культурной ценности как таковой.

Часто пейзажи интересны не сами по себе (искусство лишается для него самооценности), а потому, что другие люди (в частности, настолько "репрезентативные", как иностранцы) признают их великими и интересными, и потому, что картины дорого стоят (в частности, в валюте).

Так отчуждение от ландшафта оборачивается отчуждением от истории, и от народа, и не только от своего собственного. Тот, кто не в силах понять, чем руководствуется российский крестьянин, спасающий зайцев в половодье, или почему русский дворянин весной, когда еще холодно, едет в лес, на тягу, стрелять вальдшнепов (а там неподвижно стоит часами, рискуя простудиться), тем более не способен будет понять, почему в селениях индейцев Южной Америки постоянно держат диких животных, явно не приносящих никакой пользы, и почему аристократы степных тюркоязычных народов, сами, не поручая слугам, охотились на сайгаков или на лисиц, - стреляя из лука на скаку, рискуя свалиться и сломать шею (бывало, и ломали, дальше что?). Привязанность народов к местам своего обитания, нежелание покидать их, а покинув не по своей воле, - желание вернуться даже спустя поколения, для искусственника будет восприниматься как нелепая блажь, а то и как непонимание своего блага. Ведь это же "очевидно" и "само собой разумеется", что если чукча не желает жить в доме и летать на вертолете, а хочет жить в яранге и считает, что "олени лучше", - то он, соответственно, идиот, пытающийся убежать с "торной дороги человечества", его следует принудить поступать "как все" или, по крайней мере, забрать у него детей и вырастить их в интернате, чтобы они, бедняжки, не мерзли бы и не голодали, и не жили бы, как дикари. А если чукча, защищая свое право жить так, как он хочет, и право вырастить детей, берется за карабин - так напалмом его! У читателя может возникнуть подозрение, что я преувеличиваю - хорошо. Вот стихи Киплинга: "Солдаты, несите в колонии/ любовь на мирном штыке./ Азбуку в левом кармане,/ винтовку в правой руке". Достаточно? Если нет - вот продолжение. "А если черная сволочь/ не примет наших забот, - их быстро

разагитирует/ учитель наш, пулемет". В Средней Азии снимать паранджи и бороться с "феодално-байскими традициями" пулемет помогал - это уже история. А вот людям, воспитанным на принятии собственной традиции, и в голову не приходило "бороться" с чужими. Штурм Самарканда отнюдь не сопровождался "перевоспитанием" глупых узбеков, не умеющих правильно жить. Может быть, потому вчерашние враги и шли потом служить в армию Российской империи?

Разрывы с культурой и историей могут возникать и другим путем.

Представьте себе семью - тоже счастливую и дружную, которая имеет дачу и проводит на ней все теплое время года, держит рыбок, собаку и кошку, в которой у маленького человека не возникает ни зоологического, ни экологического госпитализма, - но которому никогда не читали книжек, не рассказывали историй из русской истории, который не знает сказок, песен, памятников, литературных и художественных произведений. Если и в школе не было такого предмета - история, а литература сводится к выяснению того, кто и с кем классово боролся (а у нас было такое поколение), - откуда ребенку, подростку определиться в "историческом пространстве"? Даже узнав в зрелые годы о подвиге князя Багратиани, человек вряд ли сможет "присвоить" этот подвиг как исторически осмысленный поступок представителя своего народа. Если теплым переживанием "своего" не окрашено восприятие Москвы, если не возникает чувства отождествления с теми, кто покинул столицу, не желая видеть ее оккупацию Наполеоном, и с теми, кто не кричал Кутузову "ура", узнав о решении сдать Москву, - то поступки исторических деятелей - от Императора Александра Павловича и князя Кутузова и до последнего ополченца, или до мальчиков, вытащивших с поля боя офицера в горящем Смоленске, - уже не вызывают ни гордости, ни удовлетворения. Они скорее представляются бессмысленными. Действительно, зачем? Множество людей совершают поступки, которые явно не приносят им никакой выгоды, ставят под угрозу их жизни.

Совершается огромное напряжение, происходит колоссальное расточение материальных средств, усилий, времени, человеческих жизней. Если у человека отсутствует самоотождествление себя с Россией и ее народом и не возникает уверенности (чисто эмоциональной связи и чисто эмоциональной уверенности!) в том, что весьма многим можно рискнуть и многим пожертвовать для того, чтобы и дальше народ мог жить своей ни от кого не зависимой жизнью и иметь свою государственность; более того, если нет уверенности в том, что человеческая жизнь меньше жизни России, - то и правда, народный подвиг 1812 года абсолютно иррационален. Чувство связи, возникающее из самых первых, детских еще впечатлений - из рассказов, маминых еще, о том же 1812, и о 1612 годе, и о Великом Петре, и о Великом - но совсем по-другому великом - Вернадском. Честно говоря, я не помню, когда услышал впервые о том, как поднялся в стременах князь Багратиани, как ударило проклятое ядро... Даже не помню, зима была или лето. Помню только, что рассказывала мама, когда я сидел у нее на руках. Значит, от силы - четыре года...

Можно по-разному относиться к Кутузову и Петру I, к традициям Российской армии или русскому космизму. Речь не о частностях личных пристрастий и не о том, что какие-то аспекты русской истории и культуры могут предпочитаться в силу как личных склонностей, так и в силу принадлежности к сословию или субэтносу. Речь о другом - чтобы вообще выяснить, кто и как относится к историческим событиям, необходимо, во-первых, достаточно полно представлять себе сами события; во-вторых, знать и представлять, какие воздействия событие оказало на жизнь конкретно твоих предков; в-третьих, относиться к этим событиям и вообще ко всей народной жизни как к чему-то глубоко своему. Скажем, даже жестче - относиться к истории своего народа как в большей степени своему, чем к истории Всемирной - хотя и ее знать совсем неплохо, и более чем похвально "болеть" за буров или за си-паев. Кстати, российские гимназисты и "болели". А чувство, живое переживание за своих, построенное на отожде-

ствлении себя и исторических деятелей, осознание своей семьи частью народа, зиждется на эмоциональном предпочтении своей культуры. "Предпочтении" не в плане шовинизма, а в плане принятия как безоговорочно "своего". И я не думаю, что следует бояться прививать маленькому человеку представление о величии российской культуры и ее вкладе в мировую культуру. Не только потому, что нам действительно есть чем гордиться, а потому, что через гордое осознание - "вот мой народ, вот мои предки - и вот то, что они дали всем остальным людям" - входит в человечество равным образом сын великой нации и член племени камайюра, в составе 200 человек. Нет народов не великих!

В той же степени, в которой ребенку необходимы путешествия за пределы России, знание иностранных языков и понимание того, что существуют иные ценности, иного склада люди и другой формы созвездия на небесах, темнеющих в другое время суток, - ему необходимо представление, если хотите, о Родине как о Доме, который его всегда ждет и в котором ему лучше, чем где бы то ни было. Беда в том, что в разрушенной и изгаженной стране (особенно в провинции) не так много памятников истории и культуры, которые зримо обозначали бы Дом и позволяли безошибочно отличать его от любого другого. Но и без Дома нельзя - не присвоив своей культурной традиции и своей истории, ребенок неизменно начнет подходить к истории страны функционально, с позиции выгодно и невыгодно, удобно и неудобно. И в том смысле, что ему станет просто безразлично, где жить и к какому народу относиться, и в том, что факты истории потеряют для него определенность и смысл, появится возможность их не замечать, быть безразличным к ним, перекраивать или придумывать историю по своему удобству. То есть в частной жизни делать то же, чем занималось у Оруэлла Министерство Правды.

Не говоря уже о том, что без патриотического отношения к действительности человеку становится непонятен и поступок князя Андрея (действительно, чего это он - у

него сын растет, и сам князь - молодой еще человек, многое впереди, а вот зачем-то бежит, таща за собой знамя; свихнулся, наверное...) и уж тем более поступок Ивана Су-санина. История России и впрямь рискует предстать набором кровавых бессмыслиц, хроническим жертвоприношением людей в жертву ненасытному Молоху. И разница между кровавым ужасом Опричнины или Бироновщины и массовым героизмом защитников Москвы на Бородинском поле кажется не принципиальной.

Кстати, также окажутся непонятными и аналогичные поступки людей других народов. Другое дело, что если для России угроза извне - повседневное, чуть ли не бытовое явление на протяжении всей ее истории, то, например, для Британии - это явление скорее экстраординарное. Но если угроза возникла...

Чтобы убедиться в том, что в сходных ситуациях люди ведут себя примерно одинаково, - достаточно вспомнить массовый патриотический подъем, охвативший Англию в 1588 году, сплотивший все классы общества перед лицом испанского нашествия. Человек, не способный считать осмысленным Бородино, не поймет и причины, заставлявшие англичан, по большей части - весьма скромного имущественного состояния, идти на маленьких малоустойчивых судах против огрызающихся огнем, плюющихся смертью из каждой бойницы галеонов, лезть со шпагами в зубы на стенообразные борта. Английские моряки получали страшные ранения, горели и тонули - но отвели от Родины смертельную опасность. И непонимание логики их поступков (и логики поступков британских солдат 1939-45 гг.) вряд ли облегчит общение с их современными потомками.

Глава 4. СОЦИОЛОГИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

Не менее важен вопрос и о том, какие социальные группы, какие части народного тела способны пойти на отчуждение от реальности. Казалось бы, до наступления

индустриальной эпохи нет никаких возможностей появления искусственности - культурные традиции незыблемы и воспринимаются в высшей степени серьезно, сословно-корпоративный быт - единственно возможный вариант социальной организации общества, зависимость человека от природы несравненно выше, чем в наши дни, сама техносфера - и тоже несравненно! - слабее. Человек - даже самого высокого социального статуса, пользующийся несметными богатствами, - не отделен ни от зелени растительного покрова земли, ни от звезд и солнца над головой, ни от необходимости подчиняться суточным и годовым изменениям. "Отгородиться" от своей естественной среды обитания он не может, вне культурной традиции никем не будет понят, вне социума не сможет существовать в чисто биологическом аспекте. Вроде неоткуда взяться отчуждению. Но такое место тем не менее есть - даже два места - это, во-первых, большие города и, во-вторых, центры империй. "Коренной" горожанин может в очень значительной степени жить вне остальных, негородских ландшафтов и быть в значительной степени автономным от той жизни, которой живет основная часть населения. У части детей таких, во многом потерявших интерес к жизни в ландшафте горожан, особенно слабеньких, болезненных, не склонных к путешествиям, вполне может возникнуть экологический госпитализм и как следствие - экофобия. В космополитичном смешении множества разноязыких и разнокультурных людей, где важнее сохранить социальный статус или приобрести богатства, теряется связь со своей культурой и с этносом - просто эта связь занимает более скромное место в системе ценностей, чем у прежних поколений, - а потом и отмирает вообще. На место стабильной культурной традиции, устойчиво передававшейся от поколения к поколению, приходит норма индивидуального культуротворчества в своего рода межкультурном пространстве, где непонятно - что нельзя, а что можно. Оговорюсь - абсолютно всякой культуре для нормального развития необходимо иметь контактную зону

с другими культурами - и такая контактная зона чаще всего возникает в городах. Необходима и своего рода культурная периферия, в которой происходит возникновение новых культурных образцов, сравнение "своих" образцов с иноземными и инокультурными, отбор того, что может быть интродуцировано в "свою" культуру, и т. д.

Все эти явления не только совершенно нормальны, но и принципиально необходимы для полноценного культурного развития. Но в крупных городах, особенно в центрах крупных империй, может возникать группа (или группы) образованных людей, для которых контактная зона становится "малой родиной", а каждая отдельно взятая культурная традиция - одномерной и неинтересной. Соответственно, ощущение "своего" утрачивается, предпочтение, определяемое просто фактом принадлежности именно к данной традиции, гаснет. И вполне может появиться на свет поколение, которое старшие отделили от культурной традиции в такой степени, что возникнет уже серьезный культурный разрыв и возникнет сообщество людей - часть нации, оторвавшейся от традиций настолько, что уже следование этим традициям и способность принимать их всерьез воспринимается как черта деревенщины.

Вроде бы и нет особенной неизбежности в возникновении искусственнической тенденции - но есть достаточно жесткий закон в общественном (а наверное, и не только в общественном) развитии - всякая возможность непременно когда-нибудь осуществляется. Вероятно, разные варианты госпитализма и сопутствующие им варианты отчуждения возникают постоянно, тем более в городской среде, в торговых и портовых городах, в центре многонациональных империй. В эпохи культурного упадка, во время перемещения больших масс населения или в периоды общественной перестройки число представителей отчужденных от реалий людей может возрастать. Если воспользоваться терминологией Льва Николаевича Гумилева, то возникают консорции - группы людей, сходных по отношению к действительности, испытывающих друг к другу позитивную

комплиментарность (то есть попросту нравящихся друг другу), объединяемых единством судьбы. При благоприятном развитии событий консорция может развиваться в конвиксию - группу людей, связанных общностью быта и отношения к действительности, а часто и семейными узами. Такая группа может существовать достаточно долго и оказывать влияние на общественную жизнь страны, критикуя, высмеивая, принижая - то есть фактически расшатывая существующую традицию (или традиции). Зафиксировать появление такой группы относительно несложно - уже на уровне консорции*. Группа образованных и социально активных людей непременно оставит после себя тексты, в которых будет проявлено их отношение к действительности. В качестве примера - "Сатиры" Петрония, созданные, казалось бы, как часть многообразия античной литературной традиции; но какое высокомерное отвращение, какая отстраненная позиция в изображении провинциальной жизни! Если сатиры Ювенала или Персия написаны с позиции находящегося "внутри" общества и могут рассматриваться как проявление общественной рефлексии, то позиция Петрония - это позиция стоящего вне общественной системы человека. Аналогом здесь служат позиции Н. Гоголя ("рефлексия изнутри") и Писарева (ярко выраженный искусственник).

Но разве жизнь в огромном космополитичном городе по-разному действует на людей разного состояния и на лиц с разным уровнем развития интеллекта? Можно ли сколько-нибудь уверенно утверждать, что лавочник, ре-

* Здесь можно было бы, как это автору и хочется сделать, вслед за И. Шафаревичем, воспользоваться термином "Малый Народ", если бы тот не свел его, как говорят в математике, к "вырожденному случаю" совершенно определенной национальной окраски. На самом же деле эта "группа", "слой", "консорция" тем и отличается, что не имеет национальной окраски - она безнациональна. Автор статьи далее называет эту группу, на наш взгляд, более корректно - люмпен-интеллектуалами. - Ред.

месленник или грузчик в порту менее отчужден от больших экологических, этнокультурных и социальных систем, чем философ, кормящийся преподаванием в риторской школе? Скорее, он отчужден в большей степени уже потому, что у интеллектуала больше возможностей путешествовать, приобретать землю за городом, собирать библиотеки, общаться, - то есть ставить препоны на пути отчуждения от действительности. У городского плебса, задавленного борьбой за каждодневное существование, чудовищно необразованного, почти не имеющего возможности выбираться за пределы города, таких возможностей практически нет. Отсутствие психологической связи Петрония с окружающей его действительностью проявляется в его отношении к людям и их поступкам в написанных им текстах. Отсутствие такой связи, часто в гораздо большей степени, проявляется и в шизофреническом требовании "хлеба и зрелищ" - лозунге людей, поколениями не производивших никаких ценностей - ни материальных, ни духовных, не живших и не способных жить нигде, кроме Рима, никудышных воинов и убежденных тунеядцев. Собственно, сами римляне ввели для этих людей термин, который в Риме первоначально не имел никакой эмоциональной окраски (как и слово "парасхит" - т. е. паразит, прихлебатель) и приобрел ее уже в других культурах, заимствовавших термин - пролетарий или люмпен-пролетарий.

В наше время существует целая теория, и даже не одна, люмпенизации и маргинализации населения (от маргинальный - то есть крайний, пограничный, промежуточный). Люмпен - это человек, лишенный не только собственности и профессии (согласно исходному, еще римских времен, определению), но и носитель совершенно определенного, уже затронутого нами выше, психологического склада; и этот психологический склад не очень отличен у интеллектуальной элиты (люмпен-интеллектуалов), лавочников или владельцев домов (люмпен-мещанство или люмпен-буржуазия, если угодно), пригородных землевла-

дельцев из числа вольноотпущенников, которые если и сохранили какие-то стереотипы поведения на Земле, - то применимые не в Италии, а для склонов Тавра или долины Евфрата, а здесь стремящиеся к максимальной прибыли (люмпен-крестьянство?), у наемников в армии (люмпен-военнослужащие) - и у химически чистого, просто люмпена, счастливо пускающего пузыри в процессе поедания хлеба, который он не заработал, и сладострастно глядящего на гладиаторский бой. Слово "люмпен" используется в разных значениях, и я прошу извинения у читателя за несколько произвольное его употребление. Но во-первых, сами римляне относили к понятию "люмпен" отсутствие собственности, и социальную неприкаянность, и определенный психотип. Только они не расчленяли разные аспекты понятия, а все мы - расчленяем. Во-вторых, давайте говорить не о словах. Не устраивает слово "люмпен" именно в этом смысле, - ну, так придумайте любое другое и давайте говорить о сути.

Получается, что люмпенизированные, отчуждаемые от действительности слои населения возникают спонтанно во всех больших городах, на торговых путях, при перемещениях народов и создании империй. Психотип искусственности у них устойчив и силен - природы они не понимают и не любят, ход времени и связь человеческой жизни с природными циклами им неинтересен и чужд. Со своим обществом и государством они не ощущают связи; идеология "служения" вызывает у них насмешки, поскольку их собственная цель - побольше урвать - неважно каким способом, но во всяком случае ни работать, ни служить они не умеют. Любые народные традиции (неважно, какого содержания) вызывают у них такие же насмешки, - чувство связи с культурой, языком или этносом у люмпена или ослаблено, или вообще отсутствует. И во всяком случае "свой" для него - это в первую очередь человек с таким же стереотипом поведения, то есть другой люмпен. В этом смысле принадлежность к люмпенам во многом заменяет принадлежность к этносу. К тому же, следование любой

традиции предполагает совершение душевных усилий разного рода - нравственных, духовных, интеллектуальных. Нет религии и культуры вне категорий вины, постижения, богоискания и богопознания, покаяния, единения и т. д. Совершение же любых душевных усилий для люмпена просто непосильно (кстати, как и чтение серьезной литературы, как и серьезные фильмы или произведения искусства). Душевная жизнь у него крайне упрощена, включиться в традицию он просто не может, потому что "проще" и примитивнее любого, самого темного и "отсталого" крестьянина. Во многом люмпена можно рассматривать как "упрощенного" человека, многие естественные связи которого разорваны и который нормально жить уже не в состоянии.

Люмпен стремится к накоплению собственности - но только не ценой совершения трудовых усилий. Если приходится совершать выбор между нищетой ничегонеделания и богатством, оплаченным тяжелым ежедневным трудом, - в огромном большинстве случаев люмпен предпочитает первое. Хотя, конечно, обладать собственностью, не трудясь, - для него крайне желательно, даже престижно. Осмелюсь утверждать - более престижно, чем для естественника - ведь естественник многогранен и сложен; у естественника даже из тех общественных слоев, для которых типично предпринимательство, получение торговой прибыли и накопление денег являются формой общественного существования - есть множество занятий, дел, сфер интересов, а соответственно - и критериев оценки человека, не имеющих никакого отношения к материальному накопительству. Отношение же люмпена ко всему, что выходит за пределы извлечений немедленной выгоды или просто слишком сложно для его понимания (и требует интеллектуальных усилий) - это насмешка, недобрая ирония или просто откровенное издевательство.

Негативизм демонстрируется и по отношению к личности человека, и к общественным институтам, и к труду, и к собственности, и к традициям, и к религии. Все осмеи-

вается, ничто не уважается. В этом - и акт своего рода психологической защиты, и внешнее проявление отчуждения от действительности, ведь все в мире - не свое. Сами языковые нормы в люмпенизированной среде фиксируют это отношение. По уровню люмпенизации наше общество, конечно, "впереди планеты всей", но "советский человек - отнюдь не первый на планете, "чувак", "ишачивший" и "упиравшийся, как папа Карло", "ломавший горб", вместо того чтобы работать, "трахавший чувиху", вместо того чтобы провести ночь с любимой женщиной; и у люмпена Римской империи, и у парижского клошара были не жены, а "метлы" или "швабры", не дети, а "короеды", не родители, а "предки", и не правительство, а "бюрократы".

Характер действий основной массы люмпенизированных элементов в отдаленные эпохи трудно восстанавливать, но если это удастся - встает картина стремления избежать любой ценой хотя бы малейших усилий и даже микроскопической опасности. Большинство этих людей Лев Николаевич Гумилев назвал бы "субпассионариями", то есть людьми, у которых шкурные, сиюминутные ценности многократно важнее, чем общественно или исторически значимое.

Люмпен-интеллектуалы - так, видимо, их следует называть, оказываются при близком рассмотрении только частью общего явления люмпенизации. Они пишут книги, научные и философские, создают концепции - и таким образом прочно входят в историю.

Они - хорошо известные люмпены. Но они - только надводная часть айсберга. <...>

А. АЛЕКСАНДРОВА

На исходе реальности

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом разделе мы решили поместить вместо рецензий и аннотаций на книги и журналы статью А. Александровой, в которой главное не столько мнение автора о нескольких названных писательских именах и книгах, сколько сама постановка вопроса о русской литературе сегодня.

Что происходит с русской литературой, что происходит в русской литературе? Если согласиться, что страна наша находится в новом для себя состоянии, то каково литературе в новых условиях? Чего хочет сама литература, что она может, чего хотят от нее читатели, критики да и сами пишущие? Время и впрямь у нас смутное – туманное и тревожное.

Но если оглянуться назад и постараться увидеть как можно дальше, то так ли уж наше время отличается по сумме человеческих переживаний, страданий, бед, радостей, трагедий, страстей, высоких и низких – от того, дальнего? Если дотянется взгляд хотя бы до Древней Эллады – где же и когда было написано (значит, ведь и испытано!) столько трагедий?! А время этой Эллады называют чуть ли не "золотым веком"...

Но литература, как известно, жила во все времена, слабаясь, Бог знает, "из какого сора". В каждом веке были времена, когда ей пели "отходную". Кажется у А. Солженицына в книге "Бодался теленок с дубом" приводятся слова А. Т. Твардовского, сказанные им с усмешкой: мол, вот еду на европейский писательский конгресс – говорят, "роман умирает". Надо спасать... Он-то знал, что не умирает роман, это с писателями или со временем что-то происходит, причем везде, не только у нас – XX век не только мы переживаем... А у нас тем временем то "Тихий Дон", то "Мастер и Маргарита", то "Доктор Живаго", то "Жизнь и судьба", то "Матренин двор", то... И громкие имена и голоса, и тихие. Здесь и в эмиграции. Что ж всех перечислять...

Но где, на каком перепутье сегодня наша русская лите-

ратура? Пока еще трудно понять, но попытки делаются. Одну из таких первых попыток, на наш взгляд, серьезных, хотя и спорных, мы и представляем на наших страницах. Далеко не во всем мы согласны с автором, в том числе и в оценке приведенных ею примеров новой прозы (особенно Т. Толстой или Ю. Мамлеева – люди все-таки не насекомые, чтобы их так **без-Божно** препарировать), равно как и с категоричностью некоторых утверждений (в частности насчет "открытия" нашего века, что Надежды нет – не от человека, а тем более от века сие зависит, с нею приходим в мир...). Но тон в статье задан звонкий, на спор. Мы и публикуем эту статью в надежде, что на нее будут серьезные отклики. Где вы, ревнители российской словесности?!

* * *

Удивительно, как быстро подхватили и затаскали в печати две мысли. Первая: наша классика виновата в том, что случилось в России. Вторая: литература наша вынужденно была "всемирной", потому что цензура и прочие реакционные силы душили общественную мысль во всех иных сферах. А теперь настали благодатные времена, литература избавилась от посторонних нагрузок и может позволить себе быть "просто литературой".

Повторяется это так часто, будто нам хотят внушить, что неприлично высываться за уровень, где-то принятый приемлемым.

В парадоксальной вселенной Д. Галковского обе эти идеи очень убедительны, прекрасно согласуются с эстетическими законами "Бесконечного тупика". Но в реальности, общей для всех нас, они несколько наивны. Претензии по поводу России куда уместней предъявлять Основоположнику христианства, чьими идеями уже больше тысячелетия пронизан весь уклад России, все установления, государственные и частные, и небо, и воздух, и сама земля, наверное. Литература лишь следствие или проявление этой сущности. Сочувствие голодным и страждущим – только зывание к совести, к справедливости (высшей, несиюминутной). Настоящая литература ни к какому топору Русь не звала. А о прикладной речь не идет.

Вторая идея и того наивней. Ну, с какого перепугу литература должна была надрываться, идти на две-три ставки и кормить общественную мысль? Да и за кого она работала? За философию? В какой стране, скажите, в ту пору философия совершила прорыв такой мощи и оригинальности? Одно перечисление имен мыслителей можно читать, как "список кораблей". Насильственный перерыв этого потока интуиции в 1922 году надолго обездолил мировую философию - никаким цивилизованным странам оказалось не по силам поддержать направление, лишь почва и небо России могли обеспечить расцвет. И вот только теперь, подкрепленная естественными науками, философия подступает к этим рубежам. Спрашивается, при чем тут литература со своими услугами?

Или публицистика имеется в виду? Но очерки Успенского, Помяловского, скажем, и вся печатная продукция разночинцев была ничуть не менее рискованна, чем романы и повести той эпохи. Тургеневу ведь именно за то и досталось: не захотел поработать на освободительное движение, а что думал про своего Базарова, то и сказал! Так за какого парня литература перевыполняла план? И почему цензура благоволила к литературе, позволяя печатать такие страшные вещи, как "История города Глупова", а прочим видам общественного сознания затыкала рот? По благу, что ли? За чей же счет так безнаказанно процветала литература?

Ну, ладно. Может, мы просто устали от великих. Таскать ношу таких критериев - это ж сколько можно! Словечка в простоте не молвить! Вон, Латинская Америка пишет, как Бог на душу положит, и всё о'кей. А приложика наши мерки, с учетом всего, что наворочали в литературе за два века... Поневоле задумаешься.

Но интересно, возьмется кто-нибудь определить, что такое "просто литература", которую есть мнение разрешить теперь? Может быть - то, что под этим подразумевают в цивилизованных странах? Нечто изящное, не обремененное последними вопросами? И, само собой, не дай Бог, социальными. Конечно, без назиданий. Почти весь XX

век тиранили мировую словесность Толстой с Достоевским. Хватит. "Достоевский, но в меру!". Побольше игры, поменьше реальности. Поменьше чувств, побольше культуры. И расчета. Всё равно мысль изреченная есть ложь. Так лучше сразу запускать в игру идею, в которую сам не веришь, и любоваться ее метаморфозами. А что. Усидчивость, навык, кое-какая начитанность, совместимость с ЭВМ - компьютером - и всё! Не просто, а очень просто! И главное: никаких проблем с талантом! Их на поколение отпущается ноль целых ноль десятых. При такой скупости бюджетной комиссии, напасешься на всех желающих? Тот же. А культуры при современных средствах массовой информации - как суверенитета: сколько вместить сумеешь! Это же не прежде, когда от монастыря к монастырю, от университета до университета через пол-Европы за мудростью топай. Пока мы еще, конечно, отстаем от цивилизованных стран в этой "просто литературе", как и во всем. Но ведь нас только выпустили! Вот еще подначитаем, языки освоим, до оригиналов доберемся - и на равной ноге с самыми цивилизованными!

Может, и содержится в этом сермяжная правда, но есть у меня сильное подозрение, что наша литература и сейчас одна из самых сильных, и равняться на кого-угодно нет смысла. Или нам по-прежнему скармливают 2-й и 3-й сорт?

Ладно, попробуем без оглядки на дальнейшее зарубежье. Но и без запуска в свои и собратьев умы идей, в которые сам не веришь. Без само- и прочего обмана попытаемся непредвзято глянуть и в себя, и окрест (проведать, что за тысячелетье на дворе и что почем), и в нашу литературу. Неужели при этом ничто не дрогнет в душе у критика, возводящего в ранг значительного явления несомненную дешевку и убожество? (Пусть наедине с собой, результаты можно не сообщать.)

Каждый месяц чуть не в каждом издании обсуждают, кого и за что принять в постмодернисты, куда в этом контексте отнести андерграунд, чего нельзя делать "просто литературе", кого рекомендовать в ряды концептуали-

стов... Понятно, что это продолжение борьбы с Системой, с соцреализмом, с Союзом писателей, с секретарской литературой... Понятно, и что справедливость как-то требует этого, безнаказанность рождает преступление и людской суд не на пустом месте возник. Да и вехи какие-то надо расставлять: "осторожно, секретарский опус", "пошлость", "разминировано". И должное необходимо воздать. И награбленное вернуть. (Как без Довлатова обходиться?) Что-то есть и в сорной продукции ...истов, что-то выявляет в реальности их суетная деятельность, какой-то знак, иероглиф в сложнейшем тексте современного мира оставлен и им. И конкретная польза проглядывает: добавят раскованности нашему мышлению. И помянет их добрым словом историк, в нужное время и в нужном месте. Почти не сомневаюсь, что они и сами это свое место знают. Труднее понять, почему критика не занимается делом, а жметя, кричит, перемигивается со своими объектами и их противниками, и т. п. Бойтса большой работы? Ошибок? Неужели зуботычины и потоки помоев за последние годы не натренировали, не помогли нажить стойкость?

Не проморгать бы важных событий. Ведь действительно стоим перед новой реальностью Духа. Это уже не один Вяч. Курицын, а и наука зафиксировала. Парадигму меняют не только гуманитарии, но и естественные, и точные науки. Сумма технологий не замедлит порадовать очередным вывертом. Не исключено, что где-то в ауре восстания масс. Самое поразительное, что меняется и обыденное сознание. Уильям Джеймс ни за что не узнал бы сейчас своего человека с улицы и его критерии истины. Старик Маклюэн поторопился. Его идея не была достаточно сумасшедшей, чтобы оказаться истинной. Всё еще не проглядывается на горизонте технологии, отменяющей интенсивный обмен абстрактными понятиями. То есть усмешка Бродского "поэт - орудие языка" остается актуальной. А значит - обязывает!

Неизвестно, что нас ждет в этой новой реальности Духа. У России, как и у любой страны, здесь свои задачи. Смею предполагать, что одна из них - создание новой

культуры, адекватной этой новой реальности. И рефлексии второго, третьего, *n*-го порядка о рефлексиях Борхеса и даже Сервантеса, чем без уныния и лени занимаются ...исты, похоже, мало чем помогут. Уяснение смысловых полей нового сознания требует натурального продукта. Конечно, здесь не для одной литературы работы по горло. Но подлинная наша литература - пока еще основной способ нашего сознания! - уже вовсю трудится. Как и встарь, не боится быть битой за ошибки, не жалеет усилий на черновую работу.

Не исключено, что сохранение высокого уровня литературы, пока не поддавшейся на профанацию критериев, указывает направление, где искать источник силы для страны - то есть не в самой литературе, а в том, проявлением чего она является. Не стоит забывать и то, что уже раз Слово спасло Россию. Вполне допустимо предположить, что это не было случайностью.

Тут стоп! Делаю специальную оговорку (хоть, на мой взгляд, это очевидно): вышесказанное не означает ни в каком случае, что литератор что-то кому-то должен. Ни царю, ни отечеству, ни народу! Ни даже задачу онтологического служения не должен себе заявлять. Единственное: если знаешь, что сам (или друг) написал пустячок, то не приискивать для определения эвфемизмы проде "просто литература". Ну, ладно. Про себя и про друга нереально. Но в коллективной-то лжи зачем участвовать?

Итак, я утверждаю, что наша классика была просто литературой. Просто настоящей высоkokлассной литературой и только ею. Такой же просто настоящей литературой остается и современная. И достаточно высокого уровня. Да, классика шла от проповеди. Но не в смысле назидательности. Назидателен был один Толстой. Так это его стилевая характеристика, а не свойство всей литературы. Да еще Гоголь - в переписке с друзьями - тогда сама ткань общественного и индивидуального сознания состояла из субстанции проповеди. Освобожденцы отталкивались. Но ведь от того же!

Наша реальность состоит уже из другого эфира. Од-

нако литература сохранила свое главное свойство: укорененность во всех сферах жизни (то есть, до всего ей дело) и высокие к себе требования. Ах, в цивилизованных странах литература так не заносится? Не считает это критериями настоящей литературы? И Бог с ними! Всё равно нас надолго (навечно?) записали в отсталые, что терять-то.

Возьмем несколько имен, известных, но рассматриваемых в парадигме отрицания - то есть борьбы со старым, противопоставления авторов соцреализму, Системе, и т. д. Я же предлагаю взглянуть на них в новом качестве: созидания, осознания новой реальности. Тексты показывают безразличие их к соцреализму и проч. объектам борьбы.

Татьяна Толстая. Имя, которое небрежно похваливают, снисходительно прощая подражание Набокову, а чаще так же походя поругивают за холодное равнодушие к своим героям. Между тем, Т. Толстая - уже совершенно очевидно, явление, по масштабу не сравнимое со всем скопом ...истов. И критика, и литпроцесс (чего ополчились на понятие? если народ, этнос - процесс, то чем еще быть литературе?) давно нуждаются в серьезном специальном исследовании, посвященном ей. Естественно, мои замечания не претендуют на эту роль.

Хоть бы раз мне встретилось, в чем конкретно Т. Толстая подражает Набокову. В блеске, в точности попадания, что ли? В том, что явление или человек, на которых она укажет, вспыхивает всеми своими гранями, и то, что уныло молчало под нашим взглядом, вдруг обернется многомерным космосом? Да, это у нее получается так же великолепно, как у Набокова. (Отдаю себе отчет, каким кошунством прозвучит это для обожателей Набокова.) Но у нее иная точка прицела, иная исходная позиция, и говорить о подражании - то же, что говорить о подражании Кириллу и Мефодию. (Кстати, покажите серьезно пишущего, которому Набоков не промыл бы глаза и не помог бы смотреть на мир зорче.) Ведь внешней реальности как таковой у Т. Толстой нет. Есть догадки героев о ней, есть

мечты, иллюзии, есть вожделения об этой реальности, сны, впечатления. И любой булыжник, озеро, другой человек, явленные читателю - это в первую очередь психологическая характеристика героя, в поле зрения которого попали эти вещи, это сигналы, высылаемые его душой в мир (частью которого может оказаться и другой человек), и реакция на отклик мира. Миры двух или нескольких персонажей сосуществуют рядом, но не пересекаются. Каждый остается для другого лишь проекцией собственных импульсов и комплексов. Людей самих по себе в этот замкнутый мир не впускают. Соответственно, не попадают туда и предметы, если у героя не осталось впечатления о них. Как виртуозно справляется Т. Толстая, когда, например, приходится вводить вещь, нужную читателю, но не замечаемую героем, это лишний повод для восхищения и отдельная тема для разговора. Вообще тексты ее вознаграждают душевное читательское усилие на каждом шагу, редкая синтагма не подарит открытия, так что испытываешь невольную благодарность за эти вспышки удовольствия.

У Набокова же мы имеем внешний мир, изумительно прекрасный, и вездесущего автора, не менее категоричного, чем Лев Толстой. Диктат Набокова не заглушается никакими персонажами, даже если те выступают в роли рассказчика.

Это принципиально разные подходы к материалу, и о подражании бессмысленно говорить. Иное дело, что у обоих чувствуется влияние Вирджинии Вулф. К теме взаимовлияний после Ахматовой можно не возвращаться, а вот кто как использует один и тот же прием, проследить бывает интересно. Здесь скажу только, что позаимствованная у В. Вулф композиция - кругами, петлями, с возвратами к одному и тому же пункту - завоевала нашу литературу, конечно, через посредничество Набокова. Проще назвать тех, кто не пользуется ею. Но не найдешь двух похожих вариантов использования. Остается изумляться энергоемкости композиции и восхищаться разнообразием применения. Очень оригинально нагрузил ее, например,

Д. Галковский. Уместно ли говорить о таком случае подражаний?

Пользуется ею и Т. Толстая. Ну, естественно, с блеском. Захватывая новые события и возвращаясь к тем моментам жизни персонажей, в которые возгораются знаки их судьбы. Неприметные, вроде как обычные бытовые явления, где уж героям обратить внимание. А читателю видно: вот она, судьба, формируется на глазах. И вот тут, пожалуй, вспоминаешь о приписываемом сходстве с Набоковым: холодное, мол, равнодушное отношение к героям. И это - мимо цели. У него, действительно, холод и равнодушие. А у нее - презрение и отвращение. Опять принципиально разные вещи. В чем подражание? В таланте, что ли?

С этим, по-моему, всё ясно. А вот об отношении к персонажам есть смысл продолжить разговор. Да, жалости, сочувствия к ним в текстах не дождешься. Жалеет их читатель потом, когда книгу отложит, от магии текста отойдет и вспомнит, что в жизни привык таких жалеть. И отдельная жалость - что попались такому автору. Людито, в общем, неплохие... Ну, посудите сами. Ждали-ждали жена с мужем, пока старичок-сосед им вторую комнату в коммуналке освободит... Так все лучшие годы и прождали, так и не пожили, как люди. Как не посочувствовать? Нет, не так. Наоборот. Бедный одинокий старичок Ашкенази, который так страшно кашляет. А с другой стороны - бабища, которая мечтает занять его комнату и взгромоздить там свою мечту - белую спальню. И муж ее, "знакомый до вся Федя". Жаждают смерти старичка. Неужели не жалко беднягу? Нет, совсем не так. Она не смеет и подумать о смерти, "пусть вечно живет", она только о спальне мечтает. А Федя - положительный мужик, ему и в голову не пролезет гнусная мысль о старике, он-то и вовсе добрый, однажды даже поддался порыву и совершил невероятную поездку в Перловку к Светке-Пипетке, помочь этому нелепому существу в каком-то непонятном деле... И снова всё не так. Знакомый до вся Федя - бревно, в которое вообще никакая мысль не пролезет, и Светка-Пипетка, невероят-

ное создание, вечно голодное, холодное, ничего, кроме брезгливости, не вызывающее, вся не отсюда, вся - укор живущим нормально людям, ее и в дом нельзя пускать, права бабища. А вот сумела похитить Федю и унести в свое запределье. А там - дичь какая-то; то ли помощь вынудили, то ли совесть навязали, то ли доброту ему присвоили. А то ли в морду плюнули. Авантюра, словом, та еще. Федя потом сколько очумелым ходил. Недаром эту Светку-Пипетку общественная сплетня в конце вместе с машиной сожгла. Одни угольки остались. И поделом. Нечего людей с толку сводить.

Персонажи Т. Толстой почти все - обычные люди. В жизни на них внимания не обращаешь - из-за их нормальности "до воя". В рассказах их заурядность разворачивается на фоне беспокойной, многоцветной и потрясающе красивой жизни. Они не знают о ней на уровне сознания, им просто не до нее, они не впускают ее, хотя на допороговом уровне чувствуют и присутствие ее и великолепие. Этот роскошный дар поднесен им, а они всё не оторвутся от своих вожделений. Так и изводят дар кто на мечту о белой спальне, кто о том, что мужчины будут издавать восхищенное "ooo!" при взгляде на нее. В то время как друг, находясь на ее полном душевном и частично материальном содержании, черпает из жизни полными горстями натуральнейшие экзистенциалы: чистую, еще не захватанную профанным всеобщим восхищением природу Севера; ощущения самореализации: в трудностях дикого туризма выдерживает проверку на стопроцентного мужчину (референтная группа - он сам и его друзья по походу) образца героев дяди Хема; имеет и "самое большое счастье - человеческое общение" - с этими же душевными единове́рцами; а на десерт, для полного кайфа, еще и красивую женщину. Так-то он - советский инженер, со всеми атрибутами жалкой участи этого сословия. Но пользуется подругой с поразительной естественностью, сохраняя достоинство и свободу от каких-либо обязанностей. И ни проблеска насчет совести, унизости своего глистообразного состояния. А героиня? Вроде пострадавшая

сторона. Но ведь содержит его только потому, что ждет: вот-вот придет день, когда она не только вернет всё, что отдала, а и вытянет до дна энергию, материю, душу - всё, что друг имеет. Кого прикажете жалеть?

Все герои Т. Толстой хотят только брать от жизни. Они искренне не подозревают о возможности другого подхода. Когда брать не получается, отворачиваются от жизни, уходят в мечту, в выдумку. Могут втравить в нее и других, как Филин, человек-праздник, поманивший в нищенское на всякие интересы советское время своей яркой фантастической жизнью. Конечно, душевные и энергетические иждивенцы роем слетелись на огонь. А когда пожива не состоялась, не пощадили негодяя. Растерзали бы и физически, да кишка тонка. Так хоть мордой в грязь ткнули, и то легче сердцу - ни материальный, ни моральный ущерб не вернуть, так хоть душу отвести. И не вспомнили, сколько необыкновенных часов подарил им Филин. Снова полный туман: кого считать пострадавшим?

Хоть бы один герой, хоть бы нечаянно прорвал плену выморочного существования. Разомкнул свою ненужность, обратившись к другим, заметил их присутствие в мире не в качестве объектов разной степени пригодности к употреблению, а как самостоятельных существ. Но такой встречи душ не происходит - слишком ленивы и нелюбопытны. И даже мучительное "зачем?" не выплывает ненароком в эти наглухо задраенные душевные емкости.

Один раз, впрочем, Денисов из "Сомнамбулы в тумане" угодил сдуру в сферу поступков. Бродил, бродил в тумане скуки, безделья, идиотских фантазий, да и заблудился. Решил доброе дело совершить. Увековечить память безвременно ушедшего из жизни одноклассника Лоры, своей невесты. Осчастливить семью покойного. Пригубить настоящей жизни.

И нахлебался. По неопытности не с той стороны подступился к жизни, она и лягнула. Надругались над лучшими побуждениями. И вот для Денисова "валом тьмы окружен мир; <...> сон, глушь, всё застыло, всё умирает, тупея в бессмысленной красоте, всё забыто, всё прощено, да ничего и не было, да и не будет ничего".

Читателю ясно, что Денисов и шага не сделал в настоящий мир. Блуждающие его побуждения, аморфные, безвольные плыли, как облака. И тень его страха ("умереть и быть забытым, стереться из людской памяти, бесследно рассеяться в воздухе") упала на одноклассника, о котором рассказывала в этот момент Лора, и принял Денисов эту проекцию своего страха за доброе побуждение и решил увековечить память безвременно погибшего не известного ему одноклассника. И двинул к цели. И шагнул в своем замкнутом мире. И зацепил с изнанки то, что казалось ему целью, что вроде бы ждало его с благодарностью наготове. Схлопотав, что полагалось, тем не менее так и не понял, что имел дело с собственными тенями.

В этом рассказе (повести?) появляется и новый тип персонажа, возможно разглядевший тропу из замкнутости эгоизма. Это старик, отец Лоры. Жизнь поставила его на четвереньки, он съехал со здравого смысла, освободился от обыденных представлений (от части их), возможно, научился различать свои кошмары и внешние явления. Но дойдет ли он до света, неизвестно. Для этого старика, замкнутость в одиночке своего сознания - трагедия. К нему у автора и отношение соответствующее. А прочие герои экзистенциально дефективные, обделены даже страданием, потому что по лени своей непринимаемы и для него.

Надо ли приукрашивать таких авторской добротой? Не будет ли это глумлением над трагедией существования?

Юрий Мамлеев. Тоже явление, тоже масштаб, тоже критика по непонятным причинам безмолствует.

Гоген заставил восхититься многоплановостью пространства, представив его слои каждый своим цветом. Ю. Мамлеев показал один из пластов многослойной нашей души. Тот, в котором происходит душевное взаимодействие друг с другом. Убрал все уловки, обманные жесты, оправдательные словеса, лукавные перемигивания души с собой и с другими - всякий флер. Всё это ушло в другие слои и в кадр не попало. Остались придонные желания и их реализация, состоявшаяся или нет.

То-то оторопь взяла! То-то мертвечиной понесло! И как же близко оказалось это дно души! Каждый день, получается, мы до дна доходили - и своего, и чужого. И не замечали, что человек человеку - покойник.

Людмила Петрушевская вроде критикой не обделена. Но акцент делается на отрицании. Она, мол, показывает, что лживы прежние способы изображения, что нас довели до беспредела и так жить нельзя, и т. д.

Действительно, после ее повести и рассказов в прозе невозможны эвфемизмы ни в подаче действий, ни чувств. Всё, кроме правды, будет сироп и ложь. Однако, после публикации повести (романа?) "Время ночь" мне кажется более точным утверждение, что она показывает не как нельзя, а как можно. Обозначился и путь ее поиска: стремление освоить, понять происходящее с душой на исходе тысячелетия.

XX век порадовал нас многими открытиями. В числе прочих и следующее: надежда - враг человека. Подтверждение (одно из них): евреи потому безропотно шли толпами в газовые камеры и на расстрелы, что не могли поверить, будто чудовищность предстоящего может реализоваться. До конца надеялись, что кошмар невозможен, потому и бездействовали.

И другое открытие: утешать (красотой и прочими доступными средствами) искусство не может и не должно. Вздор это, пустая и вредная затея.

Людмила Петрушевская и представляет нам эту тенденцию мироощущения: непереносимость бытия без обманчивой кисеи надежды и без утешения чем угодно внешним по отношению к этой непереносимости.

И вот тогда-то в полной беспросветности начинаешь различать какие-то душевные контуры, позволяющие зацепиться и не просто выжить, а обрести полноценные экзистенциалы.

Сгущение бед в ее повестях, что дало повод привесить ярлык "чернухи", это не выдумка, во-первых, с точки зрения фактографии. Достаточно приглядеться, как живут массы, чтобы убедиться. А во-вторых, это свидетельство-

вание непереносимости бытия как такового: при любом строе, любых условиях, внешний мир не покусится и предложит в придачу к собственным комплексам, страхам, порокам - если этого будет недостаточно для создания ночи на круглые сутки - набор внешних тисков: не квартира, так сволочуга-начальник, не отсутствие денег, так болезнь, а мало - разгонится и на пожар, наводнение, тайфун. То есть "время ночь" может застать в любой момент, тут все в равных стартовых условиях и полная реализация принципов свободы, равенства и братства.

Композиция всё та же - петлями, кругами, но такой крутой замес, что труднее просматривается. Петли и возвраты служат не только экономному использованию объема текста, высокой сконцентрированности событий, внутренних и внешних. Основное или более интересное назначение: при каждом очередном возврате событие или душевное движение снимает поверхностный слой с предыдущего и открывает подоплеку. При следующем возврате подоплека оказывается поверхностным слоем, соответственно снимается и обнажает новую причину или мотив. Или же новую трактовку первого.

Например, попытки взрослой дочери пробиться к матери сквозь свою и материнскую ненависть, вернуть взаимную любовь эпохи детства. Попытки эти трогательны и страшны, беззащитность одинокой души просто пугает. Мать отвечает уже привычной черствой ненавистью или равнодушием. Попытка любви сменяется у дочери обжигающей ненавистью. Мать, почувствовав ошибку, при следующем общении уже держит наготове возможность отреагировать по-хорошему. А дочь еще отвечает на прежнюю вспышку и полна ненависти. Мать снова отступает от рубежей великодушия - у нее подготовлены оборонительные укрепления: есть новый объект любви, присвоенный внучек. А дочь давно вычеркнута из списков души. Зоркая умная мать то и дело лукавит, даже перед собой играет роль смиренницы, на которую тяжелой обузой легли неудачи дочерней судьбы. На несправедливость родительской обузы прямо, конечно, не сетует, но провоцирует на

сочувствие и смирением, и снисходительным укором себе "не удержалась" и т. д. О том же, что "удерживаться" и не пришлось бы, если бы поменьше о себе думала, шагнула бы на место дочери хоть не надолго - этих мыслей не допустит. У нее есть новое орудие эгоизма, новый способ защититься от жизни - служение внуку. Однако при следующем витке обнаружится, что и смирение, и любовь, и служение - всё истинно, всё искренне. Так же, как и эгоизм. Вот и возникают вопросы: а какова вообще природа любви, и родительской, и всякой? Как и про остальные привычные чувства.

Л. Петрушевскую психология интересовала всегда. Бывало, и шла по следам науки, создавая рассказ-иллюстрацию к научному выводу. Но "Время ночь" - чисто художественный и несомненно удачный прорыв к пониманию зыблущейся, то и дело меняющей облик реальности. Вот здесь, вынуждаемый напором новизны материала, и идет подлинный поиск формы. Мучительный, не всегда удачный (введение дневника дочери мне кажется слабоватым: слишком видно его назначение и слишком искусственным он представляется в живом и страшном клубке), но всегда оправданный результатами.

Но и кроме того, здесь прорастает реальность, увиденная женскими глазами. От многих иллюзий мужчинам еще предстоит освободиться, когда женщина так же и столько же, как они, расскажет о своей действительности. Людмила Петрушевская и здесь идет на прорыв, приближая нас к истине. И, может, убавится мужского сюсюканья, лжи насчет материнства, а прибудет знания и уважения.

Рассказы *Светланы Максимовой* ("Здесь и теперь", № 1, 1992).

Совершенно волшебные по эфирной красоте, неосязаемому совершенству, прозрачному стремительному рисунку. Не знаешь, куда их отнести: к музыке, словами записанной? Но слов как-то и нет в этих рассказах. Всё больше краски, линии. К живописи - к фантастическим просвечивающим акварелям? Но в красках и линиях про-

ступают бессмыслица мира, страдание. А сквозь эту шелуху проглядывает Замысел о нас. Или это всего лишь звезды, холодный космос, и там никого? Но ведь за линиями и красками прослушиваются звуки. Это музыка сфер или стон страдания? А вон лунный луч, по нему можно подняться к разгадке или соскользнуть в безумие... Всё прекрасно в этих рассказах, и судьба художника и трагедия человека. Нет, это трагедия любви. Художник никогда не сумеет перенести модель из души в реальность, и суждено ему владеть только той, что в душе. Множественность трактовок обусловлена присутствием рядом с героями? с читателем? провала. Или предчувствия его. Дуновение бездны напоминает, что логичные концы мыслей при резком взмахе руки уйдут в пустоту, холод инобытия пробирает читателя и напоминает: он в сфере действия кошмаров. Выбраться можно только по лунному лучу. В бездну? Или в спасение?

Рассказы Светланы Максимовой - тончайшая лирика. Сравнить их не с чем, места для них ни в каких рядах не просматривается. Отдельный зал нужен, чтобы вполне воспринять и необычность, и совершенство, и непосредственность чувств.

Сам диапазон интересов литературы свидетельствует, что она не только жива и полнокровна, но и имеет огромный запас потенциальной энергии, явно избыточный для бесконечного блуждания в замкнутых лабиринтах Нереальности...

"РУССКАЯ МЫСЛЬ". Еженедельная газета
Париж - Москва

Подписка за рубежом (включая рассылку):

6 мес. 1 год

Обычной почтой

Франция - франки:	250	400
Др. страны - франки:	400	600

Авиапочтой

Вся Америка, Южная Африка		
- франки	550	790
Европа, Северная Африка		
- франки	450	680
Австралия, Япония - франки	650	860
Израиль, Иран - франки	510	720

Адрес: "La Pensée Russe"

217, rue du Faubourg St. Honoré,
F-75008 Paris

Тел: 4225-5681, -5794

Почтовый счет: CCP 5883-44 K. Paris

Подписка в Москве (для всех стран СНГ):

на 1 месяц - 60 рублей, на 2 месяца - 120 рублей.

Адрес: 125171 Москва

Ленинградское шоссе, 18, ком. 1607.

Товарищество "Пром. брокеры", Александру Шустеру
(с указанием на бланке перевода: "Русская мысль").

Доставка - по обратному адресу на бланке перевода.

Георгий Константинович Гинс

"Предприниматель"

224 сс., тв. пер.

© "Посев"

Издательство "Посев", существующее в эмиграции более 45 лет остановило свой выбор на этой книге в качестве своего первого издания на родине. Г. К. Гинс (1887-1971) - русский ученый-правовед, экономист, социолог, первым предложивший солидаристическую модель общества, в котором граждане исповедуют принципы солидаризма (не как идеологии, а как правил "мирного гражданского сосуществования" в обществе), роль же государства в обществе сведена к роли правового регулятора, светофора". Написана книга была в конце 30-х годов и издана в Харбине в 1940 г. очень малым тиражом. Но в то время миру было не до экономики, а потому книга не получила должного распространения. После войны восстановление разгромленной Германии пошло фактически по пути, предложенному Гинсом. С этой книги издательство "Посев" начинает свою жизнь на родине.

Книга "Предприниматель" - это не пособие к вопросу, как немедленно разбогатеть. Свободное общество - синоним свободной экономики, рынка. Не может быть свободного общества без свободной, неполитизированной экономики, которая не должна быть ни капиталистической, ни социалистической, ни еще какой-то, а должна быть просто здоровой, чтобы обеспечить человеку в обществе экономическое достоинство. И как не родит земля без хозяина, без крестьянина, так и нет здоровой экономики без здорового предпринимательства, без созидательного предпринимателя.

В книге интересно и без потерь для научных принципов рассказывается об истории мирового предпринимательства, в том числе и российского, о том, как создавались богатства в мире, как они использовались на благо общества, говорится о психологии предпринимательства, о механике взаимоотношений предпринимательства и государства и т. п.

Книга может и должна стать настольным учебником для вступающего во взрослую жизнь нового поколения России. Но она интересна и для самого широкого читательского круга.

Заказы принимаются экспедицией московского Филиала издательства "Посев": Россия, 140102 г. Раменское Моск. обл., а/я 9. Розничная цена - 120 руб. Оптовикам скидка до 15% в зависимости от объема заказа.

Подписано к печати Формат 84 X 108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.
Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 3 000 экз. Заказ 974 .
Издательство "Посев" - Филиал в Москве.
127018, Москва, Сушеvский вал, 3/5А-23
Отпечатано в Калужской типографии стандартов.
248006, Калуга, ул. Московская, 256

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

"Посев" - общественно-политический журнал, выходящий с 1945 года. До 1990 г. "Посев" выходил за рубежом и был органом свободной российской оппозиции, трибуной свободного слова из России. И вот третий год журнал выходит в самой России, следуя своим прежним принципам участия во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

- поддерживает российское освободительное движение во всех его гуманных проявлениях;**

- стоит на позициях национально-государственных интересов России;**

- участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);**

- стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.**

Журнал "Посев" выходит 6 раз в год (каждый второй месяц) на 128 страницах.

**"ГРАНИ". Журнал литературы, искусства
науки и общественно-политической мысли
"ПОСЕВ". Общественно-политический журнал
Франкфурт-на-Майне - Москва**

Открыта подписка
на журналы на 1993 год

**ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ЖУРНАЛЫ В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ**

Индексы по каталогу "Роспечати"
(раздел "Журналы")

"Грани" - 7 3 0 7 8

Стоимость подписки на полгода - 70 РУБЛЕЙ
Журнал выходит четыре раза в год.

"Посев" - 7 3 3 0 8

Стоимость подписки на полгода - 81 РУБЛЬ
Журнал выходит шесть раз в год

Редакции расположены
во Франкфурте/М. (ФРГ) и в Москве (Россия)

Подписка и заказы также принимаются
в московском Филиале издательства

"Посев" по адресу:

140102 г. Раменское Моск. обл.

а/я 9

Экспедиция Филиала издательства "Посев"

Расч. счет № 1810591 в Марьиноорощинском ОСБ
(ОПЕРУ МБ СБ РФ в г. Москве.

Кор./сч. банка: № 164110, код ВА.

С указанием на бланке перевода: "Посев"-Филиал).

Доставка - по обратному адресу на бланке перевода.

ISBN 5-85824-002-X